

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2025 – № 3 (25)

Ярославль
2025

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. – № 3 (25). – 163 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2025-3-25. – EDN DNYOUY.
2025, № 3 (25). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжан Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Ицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фучи**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Кондаков Игорь Владимирович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Юго-Западный университет КНР, 2025

© Авторы статей, 2025

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO,
2025. – № 3 (25). – 163 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2025-3-25. – EDN DNYOYU.
2025, № 3 (25). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Registration number of the media:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after

K. D. Ushinsky», 2025

© Southwest University of the People's Republic of China, 2025

© Authors of articles, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Чжан Цзэмин, Лю Тянь, Ван Тао
Россия, Китай и Глобальный Юг:
культурное сотрудничество как основа
новой стратегии.....5

Полежаикина Е. В., Кривова А. Л.
Русофобия и декоммунизация как
механизмы влияния на позицию России
в международных отношениях29

Воронцова И. А. Языковая политика
в Республике Гана:
социоаксиологическая перспектива47

ФИЛОЛОГИЯ

Фу Шаньшань, Фу Мэйянь Романы
Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь в аспекте
экофеминизма.....65

Купцов А. Е., Бабаян В. Н.
Амплифайеры-аддитивы как инструменты
выражения речевых интенций субъектов
коммуникации в русскоязычном
художественном диалогическом
дискурсе86

Дубаков Л. В. Лермонтов и Су Ши:
онейрическая поэтика и буддийское
мировидение107

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гао Шаопин Культурная память в
монографии Чэнь Фукана «История
переводоведения в Китае».....121

Ноздрин Ю. А. «Цветные» буквы
М. Яснова.....135

Пшенко Р. А. Поморская торговля
как феномен диалога «культуры поля»
и «культуры моря»151

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Zhang Zeming, Liu Tian, Wang Tao
Russia, China and the Global South:
cultural cooperation as the basis for a new
strategy6

Polezhaikina E. V., Krivova A. L.
Russophobia and decommunization as
mechanisms of influencing Russia's
position in international relations30

Vorontsova I. A. Axiological aspects of
implementing language policy in a
multinational state (the case of the Republic
of Ghana).....48

PHILOLOGY

Fu Shanshan, Fu Meiyang Novels by
Guzel Yahina and Chi Zijian in terms of
ecofeminism66

Kuptsov A. Ye., Babayan V. N.
Amplifiers-additives as tools for expressing
the speech intentions of communication
subjects in Russian-language fictional
dialogic discourse87

Dubakov L. V. Lermontov and
Su Shi: oneiric poetics and buddhist
worldview.....108

CULTURAL SCIENCE

Gao Shaoping Cultural memory in
Chen Fukang's monograph History of
translation studies in China122

Nozdrin Yu. A. M. Yasnov's "colored"
letters.....136

Pshenko R. A. Pomor trade as a
phenomenon of dialogue between "culture
of the field" and "culture of the sea"152

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 321
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-5
EDN HUEBMD

**Россия, Китай и Глобальный Юг:
культурное сотрудничество как основа новой стратегии**

Чжан Цзэмин^{1✉}, Лю Тянь², Ван Тао³

¹Аспирант факультета международных отношений, Школа социальных наук, Университет Цинхуа, КНР, г. Пекин.

²Аспирант факультета международных отношений, Школа социальных наук, Университет Цинхуа, КНР, г. Пекин.

³Доктор политических наук, младший научный сотрудник, Институт международных и региональных исследований, Университет Цинхуа, КНР, г. Пекин

¹zzm22@mails.tsinghua.edu.cn✉, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

²13104500117@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-9245-4022>

³tao-wang@tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0009-2404-7130>

Аннотация. В статье рассматривается трансформация российской культурной дипломатии в условиях санкционного давления со стороны стран коллективного Запада (после 2022 года) и ее стратегическая переориентация на страны Глобального Юга. Авторы ставят три исследовательских вопроса: каким образом Россия адаптирует культурную дипломатию в условиях санкционного давления? Какую роль играет Глобальный Юг в ее новой внешнеполитической стратегии? Способна ли данная стратегия изменить восприятие России на международной арене? Теоретической основой исследования служат концепции «мягкой силы», конструктивизма и постколониальной теории. В рамках данного подхода культурная дипломатия рассматривается как инструмент формирования международной идентичности, канал внешнеполитической мобилизации и механизм идеологического позиционирования. Особое внимание уделяется взаимодействию России с Китаем и совместным инициативам в странах Глобального Юга. На эмпирическом уровне анализируются ключевые культурные инициативы России – Всемирный фестиваль молодежи, Казанские «Игры будущего», культурные обмены в рамках БРИКС – а также проекты стратегического партнерства с Китаем. Благодаря данным инструментам Россия стремится реконструировать свой глобальный имидж, утвердиться как культурная альтернатива Западу и укрепить связи с госу-

© Чжан Цзэмин, Лю Тянь, Ван Тао, 2025

дарствами, разделяющими нарративы суверенитета и многополярности. Особое внимание уделяется символическому измерению культурной политики, в том числе реконструкции национальной идентичности России в рамках дискурса «многополярного мира» и «глобальной цивилизационной альтернативы». Анализируются примеры культурного взаимодействия с Китаем, Индией, Ираном, странами БРИКС и ШОС как площадками, способствующими укреплению духовной солидарности и стратегического партнерства. Авторы приходят к выводу, что культурная дипломатия России в постсанкционный период выполняет двойную функцию: она одновременно служит внутренним средством переосмысления национальной идентичности и внешним инструментом расширения влияния через символическую и институциональную деятельность.

Ключевые слова: Россия; Китай; Глобальный Юг; культурная дипломатия; многополярность; постколониальная теория; международные отношения; стратегическое партнерство

Для цитирования: Чжан Цзэмин, Лю Тянь, Ван Тао Россия, Китай и Глобальный Юг: культурное сотрудничество как основа новой стратегии // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 5–28. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-5>. <https://elibrary.ru/HUEBMD>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Russia, China and the Global South:
cultural cooperation as the basis for a new strategy**

Zhang Zeming^{1✉}, Liu Tian², Wang Tao³

¹Postgraduate student at the faculty of international relations, School of Social Sciences, Tsinghua University, PRC, Beijing.

²Postgraduate student at the faculty of international relations, School of Social Sciences, Tsinghua University, PRC, Beijing.

³Doctor of political sciences, junior researcher, Institute of International and Regional Studies, Tsinghua University, PRC, Beijing

¹zzm22@mails.tsinghua.edu.cn✉, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

²13104500117@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-9245-4022>

³tao-wang@tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0009-2404-7130>

Abstract. The article examines the transformation of Russian cultural diplomacy in the context of sanctions pressure from the countries of the collective West after 2022 and its strategic reorientation to the countries of the Global South. The authors raise three research questions: in what way does Russia adapt cultural diplomacy in the face of sanctions pressure; what role does the Global South play in its new foreign policy strategy; and whether this strategy is capable of changing the perception of Russia internationally. Theoretical bases for the research are the concepts of soft power, con-

structivism and the postcolonial theory. Within the framework of this approach, cultural diplomacy is considered as a tool for the formation of international identity, a channel for foreign policy mobilization and a mechanism for ideological positioning. Special attention is paid to Russia's cooperation with China and joint initiatives in the Global South countries. Russia's key cultural initiatives are analyzed at the empirical level – the World Youth Festival, the Kazan Games of the Future, BRICS cultural exchanges – as well as projects of strategic partnership with China. Through these tools, Russia seeks to reconstruct its global image, to establish itself as a cultural alternative to the West, and strengthen relations with states that share narratives of sovereignty and multipolarity. Special attention is paid to the symbolic dimension of cultural policy, including the reconstruction of Russia's national identity in terms of the “multipolar world” and “global civilizational alternative” discourse. The article analyzes examples of cultural interaction with China, India, Iran, the BRICS and SCO countries as platforms contributing to strengthening spiritual solidarity and strategic partnership. The authors conclude that Russia's cultural diplomacy in the post-sanctions period performs a dual function: it serves both as an internal means of reconsidering national identity and as an external tool for expanding influence through symbolic and institutional activities.

Key words: Russia; China; Global South; cultural diplomacy; multipolarity; post-colonial theory; international relations; strategic partnership

For citation: Zhang Zeming, Liu Tian, Wang Tao Russia, China and the Global South: cultural cooperation as the basis for a new strategy. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 5–28. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-5>. <https://elibrary.ru/HUEBMD>.

Введение

Кризис на Украине, разразившийся в 2022 году, перерос в полномасштабный вооруженный конфликт, став водоразделом в развитии современных международных отношений. Военные действия России вызвали беспрецедентную волну санкций со стороны западных стран, приведшую к экономическим, политическим и культурным ограничениям со стороны стран коллективного Запада. Общее число введенных ограничительных мер превысило 20 тысяч, охватив не только ключевые отрасли – энергетику, финансы, оборонную промышленность, транспорт и высокие

технологии, – но и культурную сферу, включая искусство и литературу [Russia Sanctions Dashboard, 2025]. Западные издательства приостановили сотрудничество с русскоязычными партнерами, концертные агентства отменили выступления российских артистов, что разрушило долгосрочные связи с культурными институтами Запада (Вячеслав Костиков *Культура массового поражения. Санкции Запада против российского искусства. Аргументы и Факты*. 06.04.2022. URL: https://aif.ru/culture/opinion/kultura_massovogo_porazheniya_sankcii_zapada_protiv_rossiyskogo_iskusstva?ys

clid=m9igjwaky9861445034 (дата обращения: 09.04.2025)).

Культурный нарратив, традиционно игравший важную роль в формировании глобального имиджа России, также оказался объектом санкционной политики: международные мероприятия отменяются, совместные проекты подвергаются бойкоту. В условиях сокращения взаимодействия с рядом западных стран Россия переориентирует свою внешнюю политику на Восток и Глобальный Юг, стремясь восстановить культурные и геополитические связи. Страны Африки, Азии и Латинской Америки, объединенные общим колониальным прошлым и стремлением к построению многополярного мира, выступают против западной гегемонии, предоставляя России новые возможности для культурного взаимодействия.

На фоне меняющегося мирового порядка Россия рассматривает Глобальный Юг как перспективную площадку для укрепления культурных и дипломатических контактов, используя, такие платформы как Всемирный фестиваль молодежи и Казанские «Игры будущего», для переосмысления и продвижения своего глобального имиджа.

В рамках данной статьи ставятся *три ключевых вопроса*, находящихся на пересечении культурной дипломатии, международных отношений и геополитической стратегии: каким образом Россия может скорректировать свою культурную дипломатию в условиях санкционного давления со

стороны Запада? Какую роль играет Глобальный Юг в новой культурной и геополитической стратегии России? Способна ли эта стратегия изменить восприятие России на международной арене?

Настоящее исследование опирается на пересечение тематики культурной дипломатии и формирования национального бренда в условиях геополитического кризиса и расширяет существующую научную дискуссию. Путем углубленного анализа роли новых держав Глобального Юга материалы статьи способствуют обсуждению проблемы упадка западной гегемонии и утверждения многополярности в международной системе. Одновременно проводится системное изучение эволюции внешнеполитического курса России и его влияния на глобальное управление.

Осмысление стратегического использования Россией культурных инструментов позволяет подробнее изучить современные тенденции мировой политики, а также извлечь уроки для стран Глобального Юга и Запада в условиях новой эпохи геополитической трансформации. Анализируя взаимосвязь культуры, власти и дипломатии, данная работа подчеркивает неизменную значимость «мягкой силы» в формировании глобального нарратива.

Исторический процесс и обзор литературы

Культурная дипломатия на протяжении длительного времени рас-

сматривалась как одно из ключевых проявлений «мягкой силы» государства, при этом ее теоретическое осмысление эволюционировало под воздействием изменений в международной политической конъюнктуре. Концепция «мягкой силы», предложенная Джозефом Наем, акцентировала внимание на том, что привлекательность государства формируется через его культурные ценности, политическую систему и моральную легитимность внешнеполитического курса [Nye, 2004]. Именно в этом контексте культурная дипломатия была переосмыслена как инструмент достижения национальных интересов и формирования позитивного международного имиджа посредством культурных ресурсов.

Тем не менее в научной среде укрепляется мнение, что эффективность культурной дипломатии определяется не только притягательностью культурного продукта, но и уровнем его институционализации и устойчивости [Ang, 2015]. В ответ на растущую критику концепции оперативности «мягкой силы», усиливается исследовательский интерес к институциональному измерению культурной дипломатии. Так, Николас Калл разработал «пятимерную модель публичной дипломатии», в рамках которой культурная дипломатия выступает одним из ключевых компонентов, обеспечивающих институциональную стабильность и формирование долгосрочного доверия. Данный

подход способствовал сдвигу исследовательского фокуса от изучения культурной коммуникации к анализу институционального проектирования в сфере культурной дипломатии [Cull, 2008].

В эпоху холодной войны культурная дипломатия стала не только ареной идеологического противостояния, но и важным механизмом формирования «пространства восприятия безопасности» между сверхдержавами. На основании анализа деятельности Агентства США по информации и транснациональных культурных организаций Кеннет Осгуд приходит к выводу, что культурная дипломатия выступала в качестве средства формирования долгосрочного стратегического доверия [Osgood, 2006]. Российские исследователи также внесли значительный вклад в осмысление данного феномена. Так, А. Цыганков отмечает, что культурная дипломатия Советского Союза в период холодной войны фактически представляла собой систему экспорта норм, нацеленную на создание цивилизационного пространства, основанного на принципах антиколониализма и сопротивления западной гегемонии [Tsygankov, 2012]. Элементы данной стратегии культурного альянса получили новое развитие во внешнеполитическом курсе России XXI века, особенно в отношении стран Глобального Юга [Sun Haichao, 2024].

Одновременно в научной среде усиливаются попытки переосмысления институциональной модели культурной дипломатии. В рамках новых исследований особое внимание уделяется трехуровневой структуре: механизму производства контента, механизму институционального взаимодействия и механизму восприятия культурных инициатив [Mark, 2009]. Подчеркивается, что эффективность культурной дипломатии обусловлена не столько собственной привлекательностью культуры, сколько способностью формировать устойчивую институционализированную платформу культурного диалога, обеспечивающую взаимопонимание, доверие и согласованность политических курсов.

Культурная дипломатия России имеет глубокие исторические корни. В период холодной войны Советский Союз использовал ее как стратегический инструмент распространения собственной идеологии и противодействия западному влиянию. Особое значение имели двусторонние инициативы, такие как Соглашение Лэйси-Зарубина, способствовавшее развитию научного, технического, образовательного и культурного обмена между СССР и США, с целью укрепления взаимопонимания и демонстрации достижений советской модели развития [Kozovoi, 2016]. В области спорта и искусства Советский Союз активно использовал международные соревнования и гастрольные

туры для продвижения культурного имиджа страны. Так, в середине 1950-х годов Ансамбль народного танца имени Игоря Моисеева стал первым советским коллективом, осуществившим зарубежное турне, в ходе которого были продемонстрированы богатство национальной культуры и высокие достижения советского искусства. Выступления ансамбля состоялись во Франции, Великобритании, Японии, Австралии, США и Канаде, что способствовало укреплению положительного образа СССР на международной арене (*ТАСС: Танец длиною в жизнь: лучшие НОМЕРА ансамбля имени Моисеева. URL: https://tass.ru/spec/moiseyev_ballet?ysclid=m9zujfcnww497666442 (дата обращения: 09.04.2025)*)).

После распада Советского Союза Россия возродила культурную дипломатию, стремясь адаптироваться к новым вызовам, обусловленным глобализацией и цифровой взаимосвязанностью. В отличие от централизованных культурных инициатив советского периода, находившихся под жестким контролем государства, современные проекты в этой сфере должны учитывать влияние стремительного распространения информации и транснациональных медиа-сетей. Появление цифровых технологий открыло перед российской культурной дипломатией новые возможности, одновременно поставив перед ней целый ряд вызовов. В условиях динамично меняющей-

ся информационной среды создание телеканала RT (ранее – «Russia Today») позволило России активно транслировать свои политические и культурные материалы на международной арене, способствуя формированию альтернативного образа страны в мировом информационном пространстве [Gulenko, 2024]. Эффективность данных цифровых инициатив во многом определяется их способностью привлекать разнообразные аудитории и преодолевать укоренившиеся негативные стереотипы.

Возникновение Глобального Юга стало одним из ключевых факторов, определяющих изменение международного порядка в XXI веке. Укрепление позиций, таких государств как Китай, Индия и Бразилия, изменило баланс сил, поставив под сомнение доминирование западной однополярности. Эти страны выступают за формирование многополярного мирового порядка, отражающего политическое, экономическое и культурное многообразие. Экономический рост, усиление политического влияния и активное участие в международных организациях служат очевидными признаками их возвышения. Исследователи, в частности Самир Амин, акцентировали внимание на идеологических основах сотрудничества стран Юга, подчеркивая важность солидарности развивающихся государств в противодействии империалистическим структурам. В своей работе «Дол-

гая революция Глобального Юга» Амин детально анализирует исторический и современный опыт борьбы за самостоятельное и справедливое развитие [Amin, 2011]. Сотрудничество России с государствами Глобального Юга является как стратегическим ответом на западные санкции, так и важнейшим элементом формирования альтернативных форматов глобального взаимодействия. Через развитие культурных и экономических связей Россия активно участвует в перестройке правил международного обмена и укреплении многополярности.

Национальный бренд как инструмент управления международной репутацией предполагает целенаправленное формирование и продвижение позитивного имиджа страны с целью укрепления ее авторитета, привлечения инвестиций и развития сферы услуг. Саймон Анхольт в своих исследованиях концепции «конкурентоспособной идентичности» отмечает, что культура, политика и публичная дипломатия играют решающую роль в конструировании благоприятного образа государства на мировой арене [Anholt, 2007]. Российские усилия в этом направлении сосредоточены преимущественно на противодействии негативным нарративам, транслируемым западными СМИ. В ответ на культурные санкции Россия активизировала меры по популяризации собственного культурного наследия, про-

движению русского языка, литературы и искусства, а также организации международных культурных мероприятий, стремясь продемонстрировать свой вклад в мировую цивилизацию.

Культурное сотрудничество России со странами Глобального Юга стало неотъемлемым элементом стратегии «мягкой силы», направленной на закрепление за Россией роли ключевого участника многополярного мира. Через совместные культурные проекты, образовательные обмены и экономическое взаимодействие Россия стремится укрепить свой международный имидж как державы, содействующей глобальной интеграции и культурному обогащению. Одновременно реализуется задача формирования пророссийских элит и сетей межкультурной идентичности. Данное сотрудничество сочетает в себе как традиционные формы гуманитарного взаимодействия, так и стратегические геополитические интересы, формируя уникальную модель культурной дипломатии.

Особую роль в формировании глобального восприятия играет медиапространство. Монро Прайс в работе «Медиа и суверенитет» исследует механизмы использования медиа для защиты государственного суверенитета и влияния на международную информационную повестку, подчеркивая сложные взаимосвязи между контролем над СМИ и формированием общественного мнения [Price, 2002].

Россия придает большое значение роли средств массовой информации: федеральные медиаструктуры, такие как RT и Sputnik, активно расширяют свое присутствие в странах Глобального Юга. Предоставляя альтернативный западному взгляд на международные события, эти каналы способствуют формированию более благожелательного отношения к России. Вместе с тем эффективность данного подхода остается предметом дискуссий: критики указывают на риски, связанные с государственной аффилированностью этих СМИ, что может вызывать сомнения в их объективности. Кроме того, развитие цифровых платформ усилило конкуренцию за внимание аудитории, требуя от России более гибких и многоуровневых информационных стратегий.

Теоретические основы исследования

В настоящем исследовании используются три взаимосвязанные теоретические концепции – теория «мягкой силы», конструктивизм в международных отношениях и постколониальная теория – для анализа культурной дипломатии России и ее стратегического участия в делах стран Глобального Юга после 2022 года. Каждая из этих концепций предлагает уникальный и дополняющий другие подход к изучению мотивов, механизмов и последствий попыток России, направленных на противо-

действие западной гегемонии и восстановление своих позиций на мировой арене. Их синтез позволяет осуществить многомерный анализ, раскрывающий как стратегические, так и идеологические аспекты внешней политики России в отношении стран Глобального Юга.

Теория «мягкой силы», впервые сформулированная Джозефом Найем в начале 1990-х годов, определяет «мягкую силу» как *способность государства добиваться желаемого поведения других акторов через привлечение и убеждение, а не через принуждение или экономическое давление*. «Мягкая сила» действует посредством распространения культурных ценностей, политических идеалов и моделей внешней политики, воспринимаемых как легитимные и морально обоснованные [Nye, 2004]. После 2022 года Россия опирается на инструменты «мягкой силы» для перестройки своего международного имиджа и расширения влияния. Ключевыми элементами данной стратегии выступают мероприятия, такие как Всемирный фестиваль молодежи и Казанские «Игры будущего», служащие демонстрацией культурных и научных достижений России, а также носителями ее геополитического нарратива. Следует подчеркнуть, что реализация российской стратегии «мягкой силы» тесно связана с дискурсом многополярности. Через альянс с Китаем и активное участие в деятельности

объединения БРИКС Россия стремится к укреплению своей позиции в качестве защитника альтернативного мирового порядка и созданию культурно-идеологическое пространства, способного противостоять западному доминированию [Ingrid d'Hooghe, 2015].

Конструктивизм в международных отношениях, акцентирующий внимание на роли идентичности, норм и социального взаимодействия в формировании поведения государств, предлагает второй аналитический ракурс. В отличие от реалистической и либеральной парадигм, сосредоточенных на материальных ресурсах или институциональных механизмах, исследования конструктивизма доказывают, что интересы и идентичность государств формируются через исторический опыт и постоянное взаимодействие с внешней средой [Wendt, 1992]. Культурную дипломатию России следует рассматривать как процесс переосмысления и утверждения собственной национальной идентичности. Столкнувшись с растущей изоляцией со стороны Запада, Россия стремится представить себя не как объект санкции со стороны стран коллективного Запада, а как культурно богатую и идеологически суверенную державу. Эти усилия включают в себя апелляцию к опыту советской солидарности с антиколониальными движениями, что способствует созданию историко-идеологического

консенсуса с государствами Глобального Юга. Как отмечает Анхольт, в условиях геополитического давления государства зачастую прибегают к инструментам национального брендинга и культурной дипломатии для укрепления или переосмысления своего образа на международной арене. В этой связи стратегию России в странах Глобального Юга можно трактовать как процесс формирования совместного нарратива сопротивления, суверенитета и многополярности [Anholt, 2007].

Постколониальная теория приносит в анализ дополнительное измерение, подвергая критике исторически сложившуюся иерархию глобальных властных отношений, которая продолжает оказывать влияние на международную систему. Работы, таких авторов как Эдвард Саид, Франц Фанон и Хоми Баба, акцентируют внимание на продолжающемся воздействии колониальных структур и на критике культурной и эпистемологической гегемонии глобального Севера [Bhabha, 1994; Fanon, 1963; Said, 1978]. Россия, опираясь на антиколониальный и антиимпериалистический дискурс, стремится позиционировать себя не как новую империалистическую силу, а как жертву западного доминирования и тем самым как легитимного представителя альтернативного мировоззрения. Тем не менее постколониальная перспектива также предлагает

критический инструментарий для оценки этих заявлений. Возникает вопрос: *действительно ли Россия выступает солидарным партнером стран Глобального Юга или лишь воспроизводит патронажно-клиентские модели в новом обличье?* Несмотря на привлекательность риторики сопротивления, асимметричность реальных властных отношений зачастую препятствует построению равноправного партнерства.

Таким образом, синтез трех теоретических подходов позволяет комплексно осмыслить стратегические, нормативные и исторические аспекты российской культурной дипломатии в Глобальном Юге. Теория «мягкой силы» объясняет инструменты и механизмы воздействия посредством несиловых средств; конструктивизм подчеркивает роль идентичности и процессов смыслообразования; постколониальная теория помещает российскую активность в более широкий контекст борьбы с западной гегемонией, выявляя внутренние противоречия в этом стремлении. Вместе эти рамки формируют прочную аналитическую основу для изучения трансформации роли России в мировом порядке, характеризующемся усилением идеологической конкуренции и изменением конфигурации международных союзов.

Эмпирическое исследование

(I) Культурная дипломатия России после 2022 года

После 2022 года Россия активизировала усилия по формированию нового глобального имиджа, укреплению солидарности с государствами Глобального Юга и противодействию культурной и идеологической гегемонии Запада посредством организации ряда масштабных мероприятий. Далее подробно рассмотрим шесть ключевых инициативах: Всемирный фестиваль молодежи 2024 года, Казанские «Игры будущего» 2024 года, Санкт-Петербургский международный объединенный культурный форум (2024), Год культуры России и Китая (2024–2025), культурные проекты стран БРИКС (2024) и Московский международный фестиваль света (2024).

С точки зрения теории «мягкой силы» культурная дипломатия России стремится к лидирующим позициям на мировой арене посредством несиловых средств. Так, на Всемирном фестивале молодежи в Сочи (2024), собравший более 20 тысяч участников из более чем 180 стран – в том числе из Африки, Латинской Америки и Азии, – был сделан упор на темы мира, диалога, суверенитета и единства молодежи [Президент России. Закрытие ... , 2024]. Это позволило представить Россию в качестве инициатора межкультурного взаимопонимания и сторонника многополярного сотрудничества. Казанские «Игры будущего», уникальное

сочетание науки, спорта и искусства, представляют достижения в киберспорте, робототехнике, виртуальной и дополненной реальности, информационных технологиях и искусственном интеллекте, демонстрируя инновационный потенциал России и ее стремление предложить альтернативу западным доминирующим платформам (Егор Алеев *Что известно об Играх будущего*. ТАСС. 20 февраля 2024. URL: <https://tass.ru/info/20035989?ysclid=ma1ed8isqq277618051> (дата обращения: 09.04.2025)).

Данные мероприятия отражают возможности России в разнообразном развитии содержания своей «мягкой силы», переориентируя внимание на новые регионы, прежде всего, на страны Глобального Юга. Россия больше не стремится к признанию Западом, фокусируя усилия на укреплении уважения и доверия у незападной аудитории. Так, Санкт-Петербургский международный культурный форум 2024 года, посвященный странам БРИКС, объединил художников, политиков и интеллектуалов из стран Юга, продемонстрировав богатство незападных культурных традиций и подчеркнув ценность культурного многообразия. (Коммерсантъ. (2024). *Фестиваль БРИКС, «Преступление и наказание» и патриарх Кирилл*. 09.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7010252> (дата обращения: 09.04.2025). Стратегия «мягкой силы» России заключается в создании альтерна-

тивной культурной платформы, сознательно противопоставляемой западной либеральной гегемонии и основанной на идеях суверенного культурного развития. В данном контексте подход России перекликается с концепцией Джозефа Ная о привлечении посредством ценностей и культуры, но адаптирован к условиям современного многополярного мира, где культурная дипломатия становится ареной конкуренции, а не консенсуса [Nye, 2004].

Конструктивистский подход масштабнее демонстрирует, как культурная дипломатия используется Россией для реконструкции собственной идентичности в ответ на международную изоляцию. После обострения российско-украинского конфликта в 2022 году Россия столкнулась со значительной маргинализацией в политической, культурной и спортивной сферах Запада. В этих условиях Москва активно обращается к государствам Глобального Юга с целью восстановления международной легитимности и закрепления образа цивилизационного центра в многополярной системе.

Такие проекты, как Год культуры России и Китая (2024–2025), подчеркивают усилия по переосмыслению идентичности страны посредством акцента на общих культурных ценностях, исторических связях и диалоге цивилизаций [Президент России. Открыты ... , 2024]. Россия укрепляет тесные связи с Китаем, одновременно по-

зиционируя себя как культурный мост между Европой и Азией – не полностью западной и не полностью восточной державой. Это соответствует конструктивистскому пониманию идентичности как динамично формируемого социального феномена [Wendt, 1992].

Культурный проект БРИКС 2024 года, в свою очередь, иллюстрирует стремление России к укреплению коллективной идентичности новых центров силы, основанной на взаимном уважении, признании культурного разнообразия и сопротивлении западной культурной унификации (ТАСС. (2024). *Наследие стран-участниц БРИКС представят на приуроченной к саммиту выставке в Казани. Саммит пройдет в октябре. 25 мая 2024.* URL: <https://tass.ru/kultura/20904667?ysclid=ma1fbt6aoh223363553> (дата обращения: 09.04.2025)).

Участие в этом проекте демонстрирует стремление Москвы к консолидации сотрудничества с государствами, разделяющими ее критическое отношение к западной системе норм [Anholt, 2007].

Культурные фестивали, такие как Московский международный фестиваль «Круг света» (2024), выполняют не только эстетическую функцию, но и символизируют культурную стойкость России в условиях внешнего давления. Привлекая художников и дизайнеров из незападных стран, Россия укрепляет образ открытой, многоликой и креа-

тивной державы, способной вносить вклад в развитие мировой культуры.

Постколониальная теория позволяет глубже осмыслить идеологические рамки культурного взаимодействия России с государствами Глобального Юга. В официальной риторике особое внимание уделяется темам антиколониальной солидарности, цивилизационного достоинства и противостояния моральному империализму Запада – ключевым элементам постколониального дискурса. Выступая на Всемирном фестивале молодежи и Санкт-Петербургском культурном форуме, российские лидеры акцентировали понятия «деколонизации», «суверенной культуры» и «многополярности», стремясь вызвать отклик у стран, испытывающих последствия колониального прошлого.

Данные шаги соответствуют постколониальной критике западной гегемонии: Россия стремится позиционировать себя в качестве союзника угнетенных народов и защитника культурной автономии, бросая вызов универсалистскому нарративу о западной свободе, демократии и современности. В рамках Года культуры России в Китае и культурных проектов БРИКС обмен определяется как взаимное обогащение, а не как односторонняя передача ценностей, что подчеркивает стремление выстраивать горизонтальные, равноправные отношения.

Таким образом, культурная дипломатия России после 2022 года носит как стратегический, так и сим-

волический характер. Стремясь расширить зону своего влияния за пределами Запада, Россия использует «мягкую силу» для создания новых альянсов, реконструкции собственной идентичности и укрепления культурной устойчивости. Конструктивистский подход позволяет объяснить, как меняется самоидентификация страны, в то время как постколониальная перспектива освещает идеологические основания ее взаимодействия с миром.

Тем не менее, несмотря на растущий интерес к российской «мягкой силе» в странах Глобального Юга, внутренние противоречия и особенности геополитического поведения Москвы могут ограничивать долгосрочную эффективность ее культурной стратегии. Изменения в культурной дипломатии после 2022 года, несомненно, свидетельствует о заметной эволюции внешнеполитического инструментария России – от традиционной опоры на жесткую силу к использованию культуры как средства формирования глобального порядка.

(II) Сотрудничество России и Китая в странах Глобального Юга: совместные культурные и экономические инициативы

Подробнее остановимся на анализе стратегического и символического значения сотрудничества между Россией и Китаем в странах Глобального Юга с акцентом на культурные и экономические инициативы в рамках БРИКС. Новая

геополитическая конфигурация, сложившаяся после 2022 года, побуждает обе страны к более тесному выстраиванию партнерских отношений на фоне напряженных взаимоотношений с государствами Запада. Сотрудничество России и Китая в странах Глобального Юга становится важнейшей ареной проецирования «мягкой силы», формирования альтернативной международной идентичности и продвижения постколониальных нарративов сопротивления.

Посредством культурных проектов БРИКС, форума «Один пояс, один путь», создания экономических коридоров и организации совместных мероприятий в Африке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, Россия и Китай формируют общее видение многополярного мирового порядка, рассматривая его не только в экономическом, но и в фундаментально культурном измерении.

С точки зрения концепции «мягкой силы» обе страны активно используют культурную дипломатию для укрепления взаимного доверия, расширения влияния и продвижения альтернативы западной модели либерального международного порядка. Ключевым элементом этой стратегии стали культурные проекты БРИКС, инициированные в 2024 году, включающие передвижные выставки, совместное производство фильмов, академические обмены и цифровые гуманитарные инициативы. Эти проекты направлены на де-

монстрацию культурного разнообразия, взаимного уважения и развитие межкультурного диалога как внутри стран БРИКС, так и в более широком контексте Глобального Юга.

С точки зрения конструктивистского подхода сотрудничество России и Китая представляет собой процесс совместного конструирования коллективной идентичности в ответ на воспринимаемую ими маргинализацию со стороны Запада. Партнерство двух государств выходит за рамки прагматических расчетов, направлено на формирование антигегемонистского блока, основанного на принципах суверенитета, многополярности и уважения цивилизационного разнообразия. Через культурные инициативы в рамках БРИКС и других региональных платформ Россия и Китай стремятся позиционировать себя не как изолированные ревизионистские державы, а как сотворцы нового мирового порядка.

Ярким примером этого процесса является Год культуры России в Китае (2024–2025 гг.), в рамках которого в совместных выставках, публикациях и публичных выступлениях постоянно подчеркивается тема «единства цивилизаций и глобального культурного разнообразия». Конструктивистские усилия особенно заметны в активном участии обеих стран в делах Глобального Юга. Так, на Форуме СМИ стран БРИКС, организованном агентством ТАСС при содействии китайского агентства Синьхуа,

наряду с представителями стран БРИКС выступили и делегаты других государств Юга, подчеркнувшие необходимость противостояния доминирующим западным медийным нарративам и утверждения альтернативной эпистемологии [Kester K. Klomegah, 2024].

Как отмечал Уинтер, национальная идентичность формируется в процессе взаимодействия и взаимного признания [Wendt, 1992]. В этом контексте Россия и Китай не только совместно конструируют собственную идентичность, но и способствуют формированию широкой идентичности Глобального Юга, позиционируя себя как его лидеров и культурных союзников. В соответствии с подходом Анхольта, их партнерство можно рассматривать как элемент построения национального бренда, способствующего ассоциации образа обеих стран с прогрессом, традициями и сотрудничеством, а не с конфликтами и принуждением [Anholt, 2007].

Постколониальная теория предоставляет важные аналитические инструменты для осмысления идеологического и символического аспектов сотрудничества России и Китая в странах Глобального Юга. Культурные и экономические инициативы двух стран часто сопровождаются антиколониальными нарративами, акцентирующими необходимость преодоления наследия западного империализма и утверждения суверенного пути развития. В Казанской декларации по

итогах 16-го саммита БРИКС в 2024 году подчеркивалась важность укрепления многосторонности, содействия справедливому глобальному развитию и поддержания духа в движении к неприсоединению, что дополнительно закрепляет моральную легитимность России и Китая как партнеров постколониального мира [Синьхуа, 2024].

Россия акцентирует свою роль в процессе деколонизации в годы холодной войны, тогда как Китай апеллирует к собственной истории жертвы западного и японского империализма. Эти нарративы находят особый отклик в регионах с сильной исторической памятью о колониализме, таких как Субсахарская Африка и Юго-Восточная Азия.

Таким образом, несмотря на декларируемую приверженность постколониальным ценностям, остается дискуссионным вопрос о том, в какой степени совместные инициативы России и Китая действительно способствуют построению равноправного глобального порядка. Их культурная активность укрепляет голоса стран Глобального Юга, однако процесс принятия решений и формулирования повестки дня по-прежнему сосредоточен в Москве и Пекине.

Комплексный теоретический подход позволяет выявить сложную природу российско-китайского сотрудничества в странах Глобального Юга, сочетающего проекцию мягкой силы, формирование идентичности и продвижение постколо-

ниальных нарративов. Культурные инициативы в рамках БРИКС направлены не только на расширение влияния, но и на легитимацию модели «общей цивилизации», противопоставляемой западным либеральным нормам. Теория «мягкой силы» объясняет механизмы культурного воздействия через фестивали, образовательные обмены и символические инвестиции. Конструктивизм демонстрирует, как стратегическое партнерство способствует перестройке идентичности России и Китая.

Таким образом, культура занимает центральное место в геополитических стратегиях XXI века. Совместные усилия России и Китая в Глобальном Юге отражают не только новый тип взаимодействия между великими державами, но и знаменуют собой новую фазу борьбы за смысл глобального порядка. Открытым остается вопрос: *приведут ли эти усилия к реальному культурному многообразию или же станут новым этапом конкуренции за глобальное господство в условиях многополярности?*

**(III) Сравнительный анализ:
культурная дипломатия
как инструмент
стратегического вызова**

Два рассмотренных выше метода культурной дипломатии – возрождение российской культуры через проведение крупных мероприятий и международных фестивалей, а также российско-китайское

сотрудничество в рамках совместных культурных и экономических проектов в странах Глобального Юга – демонстрируют взаимодополняющие, но принципиально различающиеся стратегии, направленные на оспаривание доминирующего положения Запада. Несмотря на различия в масштабе и целевой аудитории, оба подхода способствуют стратегическому реформатированию России (и в определенной степени Китая), перепозиционированию этих стран в многополярной системе международных отношений и укреплению их статуса альтернативных цивилизационных центров.

Культурная дипломатия внутри России ориентирована на формирование образа государства, которое, несмотря на санкционное давление и политическую изоляцию, сохраняет внутреннюю динамику, обладает широкой сетью международных связей и демонстрирует культурную устойчивость. Мероприятия такого масштаба, как Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Универсиада и Объединенный культурный форум, нацелены на опровержение западного нарратива о «закате России», акцентируя внимание на ее возрождении, многообразии и глобальной активности. Эти форумы служат платформами для продвижения мягкой силы, приглашая представителей дружественных и нейтральных государств к непосредственному знакомству с российской культурой.

В отличие от этого, российско-китайское сотрудничество в странах Глобального Юга имеет преимущественно дипломатический и альянсовый характер. Москва и Пекин стремятся изменить международную нормативную среду, взаимодействуя с государствами, имеющими колониальный или полуколониальный опыт, и испытывающими отчуждение от западных стандартов и либерального универсализма. В данном случае вызов Западу приобретает ярко выраженное идеологическое измерение: речь идет о формировании новых ценностных ориентиров, утверждающих суверенитет, многополярность и «цивилизационное разнообразие» в качестве легитимной альтернативы западной политико-культурной модели.

Россия преимущественно опирается на символизм и культурные послания, связанные с историческим наследием, тогда как Китай делает ставку на экономический прагматизм и логистическую мощь. Вместе они формируют своеобразный «восточно-восточно-южный» культурно-экономический альянс, противопоставляемый парадигме «Запад и остальные».

Тем не менее Россия и Китай сталкиваются с серьезными ограничениями в изменении своего имиджа, прежде всего, в западных медиа. Попытки России усилить свое влияние средствами культурной дипломатии зачастую интерпретируются западными государ-

ствами как элементы пропагандистских кампаний, что существенно снижает их эффективность. Дефицит доверия наиболее заметен среди западных союзников, у которых доминирующий медийный дискурс остается основанным на критике российского «авторитаризма», «милитаризма» и «дезинформации». Ограничение вещания российских СМИ в Европе (например, запрет на деятельность RT) [Gergely Ferenc Lendvai, 2024] и трактовка российско-китайского партнерства как проявления геополитического оппортунизма дополнительно сужают пространство для влияния [Lo Bobo, 2017].

Иная ситуация наблюдается в странах Глобального Юга, где антизападная риторика находит значительно больший отклик, особенно в государствах с колониальным прошлым или в тех, кто имеет нерешенные споры с Западом по вопросам торговли, развития и управления. Россия и Китай предлагают таким странам не только материальные выгоды, но и символическое признание. Совместные инфраструктурные и культурные проекты позиционируются как формы «взаимовыгодного сотрудничества», а не неоколониальной зависимости. Возрастающий спрос на альтернативные западным системы образования, независимые медиа и источники финансирования способствует укреплению связей с Москвой и Пекином.

Особое значение имеет то, что культурные контакты России с государствами Глобального Юга строятся на основе возрождения исторической дружбы – например, с постколониальными странами Африки времен холодной войны, – в то время как Китай позиционирует себя в качестве примера технологического развития и модернизации. Обе державы апеллируют к общей постколониальной идентичности, представляя свои инициативы как новую волну «южно-южного» сотрудничества.

Стратегия, сочетающая культурные и экономические аспекты вовлечения, меняет глобальный баланс сил не путем прямого противостояния, а через подрыв идеологической монополии Запада и формирование параллельных легитимных институтов. Культурные проекты БРИКС, включая планируемую медиасеть БРИКС, нацелены на производство и распространение контента, отражающего не западный опыт, ценности и нормы. Этот процесс оказывает влияние на политику западных государств в отношении Глобального Юга, стимулируя пересмотр стратегий помощи, инфраструктурной дипломатии (например, инициатива «Глобальные ворота» G7) и партнерских программ.

В то же время сохраняется фактор влияния западной культурной нормы через региональные элиты, диаспоры и институты гражданского общества, что остается серьез-

ным вызовом для культурной дипломатии России и Китая. Их успех требует не только межправительственного взаимодействия, но и глубокой вовлеченности общества, которая пока остается слабым звеном.

Стратегия культурной дипломатии России после 2022 года отражает стремление к укреплению своих позиций на мировой арене посредством многоуровневого подхода в условиях ограничения традиционных дипломатических и экономических инструментов. Основные методы включают:

- проведение масштабных культурных мероприятий для демонстрации внутренней уверенности и международных связей;
- развитие стратегического партнерства с Китаем и государствами Глобального Юга для формирования альтернативных культурных и экономических нарративов;
- продвижение диалога цивилизаций как противовеса западному либеральному универсализму;
- использование постколониальной риторики для позиционирования себя в качестве союзника исторически маргинализированных обществ.

Данные стратегии частично достигли поставленных целей. Хотя они не привели к кардинальному изменению восприятия России в западном мире, они способствовали укреплению ее позиций в странах Глобального Юга, стремящихся к построению более справедливого и многополярного международного

порядка. Для России страны Глобального Юга выполняют двойную функцию: с одной стороны, они предоставляют площадку для демонстрации ее глобального влияния и лидерства, а с другой – становятся соавторами создания альтернативного эпистемологического и культурного пространства, бросающего вызов западной универсальности.

Таким образом, сотрудничая со странами Глобального Юга, Россия не только смягчила последствия санкции со стороны стран коллективного Запада, но и перепозиционировала себя как полноправного участника глобальной цивилизационной динамики. Культурное возрождение России после 2022 года представляет собой не только оборонительную реакцию, но и активную наступательную стратегию перераспределения баланса глобальной легитимности.

Выводы

Культурная дипломатия России после 2022 года представляет собой как адаптацию к ограничительным мерам со стороны стран коллективного Запада, так и активную стратегию восстановления глобальной легитимности через развитие незападных альянсов. Ориентируясь на страны Глобального Юга, Россия перепозиционирует культурное участие, превращая его в один из ключевых инструментов геополитической перестройки. Этот сдвиг носит не только символический

характер, но отражает фундаментальные изменения в международной системе, где культура, идентичность и историческая память становятся средствами защиты суверенитета и борьбы за господство в сфере норм и ценностей.

Опираясь на концепции «мягкой силы», конструктивизма и постколониальной теории, Россия стремится трансформировать свой образ – от государства, подверженного санкционному давлению, к цивилизационной альтернативе, союзнику стран Глобального Юга и стороннику идеи многополярного мира. Этот стратегический поворот способствовал формированию нового культурного фронта России и Китая, направленного на оспаривание информационной и идеологической монополии Запада, создание альтернативного нормативного пространства и утверждение принципов культурного многообразия, суверенитета и альтернативных моделей развития.

Сотрудничество с государствами Глобального Юга позволило России и Китаю не только укрепить взаимное доверие и духовные связи, но и превратить данный регион в активную арену по формированию нового международного порядка. Тем не менее перед Россией и Китаем стоит серьезный вызов: успешная реализация данной стратегии требует выхода за рамки символических инициатив и формального обмена жестами. Необходимо выработка устойчивых моде-

лей сотрудничества, основанных на взаимной выгоде, инклюзивности и долгосрочных инвестициях в культурную сферу. В противном случае культурные инициативы рискуют превратиться в инструменталистские кампании, обреченные на краткосрочный эффект, как это уже происходило в истории «мягкой силы».

Культурная дипломатия между Россией и Китаем на пространстве

Глобального Юга подчеркивает возросшую роль культуры как поля глобальной политической борьбы, где нарративы, символы и идентичность становятся не только средствами поддержания национального престижа, но и инструментами перераспределения власти в мировом порядке.

Библиографический список

1. Президент России. Открыты «перекрестные» года культуры России и Китая. 16 мая 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74052> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Президент России. Закрытие Всемирного фестиваля молодежи. 6 марта 2024 год. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73615> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Anholt S. Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan, 2007.
4. Amin S. The Class Struggle in Africa. Revolution, 1964.
5. Amin S. Global History: A View from the South. Pambazuka Press, 2011.
6. Bhabha H. K. The location of culture. Routledge, 1994.
7. Ingrid d'Hooghe. China's public diplomacy. Brill, 2015.
8. Fanon F. The wretched of the earth (C. Farrington, Trans.). Grove Press, 1963. (Original work published 1961).
9. Gergely Ferenc Lendvai. Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media. European Papers. URL: <https://www.europeanpapers.eu/europeanforum/media-in-war-overview-of-european-restrictions-on-russian-media> (дата обращения: 04.09.2025).
10. Gulenko P. RT (Russia Today): From Soft Power to the Weaponization of Information. In: Thomasen, G., Békés, C., Rácz, A. (eds) The Palgrave Handbook of Non-State Actors in East-West Relations, 2024. Palgrave Macmillan, Cham. pp.699-715.
11. Keohane R. O., & Nye, J. S. Power and interdependence (4th ed.). Pearson, 2011.
12. Kester K. Klomegah. BRICS Media Forum Emphasizes Interaction and Understanding Between Members. Modern Diplomacy. September 15, 2024. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/09/15/brics-media-forum-emphasizes-interaction-and-understanding-between-members/> (дата обращения: 04.09.2025).
13. Lo B. Russia and the New World Disorder. Brookings Institution Press, 2015.
14. Lo B. A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World, by London: Penguin, 2017.
15. Nye J. S. Soft power: The means to success in world politics. PublicAffairs, 2004.

16. Price M. Media and sovereignty: The global information revolution and its challenge to state power. MIT Press, 2002.
17. Said E. W. Orientalism. New York : Pantheon Books, 1978.
18. Sun Haichao, Li Xiaoyun, Wang Hui. et. The resurgence of the awakening of the Global South: mutual learning and resonance. Global Times. Dec 17, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325249.shtml>. (дата обращения: 04.09.2025).
19. Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 04.09.2025).
20. Wendt, A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. International Organization. 1992. 46(2), 391–425.
21. Wilson, J. L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China. Europe-Asia Studies. 2015. 67(8), 1171–1202.
22. 德米特里·索洛维伊,王嘎.战略文化在俄罗斯对外政策中的作用与意义[J].俄罗斯东欧中亚研究,2019(03):19-31+155-156.
23. 庞大鹏.俄罗斯的外交决策:人格特质与战略文化[J].俄罗斯学刊,2019,9(02):5-24.
24. 许华.“人类命运共同体”愿景中的中俄文化外交[J].俄罗斯东欧中亚研究,2018(04):13-26+156.
25. 汪宁,韦进深.俄罗斯文化战略评析[J].国际观察,2018(04):141-157.
26. 王巍.文化因素对俄罗斯外交政策的影响[J].学术交流,2016(09):219.
27. 杨洁.俄罗斯外交文化传统研究[J].哈尔滨工业大学学报(社会科学版),2016,18(04):85-90.
28. 田刚健.普京时期俄罗斯文化外交政策与国家形象塑造[J].东北师大学报(哲学社会科学版),2016(03):91-97.
29. 李欣.俄罗斯外交文化因素动因分析[J].人民论坛,2016(11):247-249.
30. 吴非,胡逢瑛.俄罗斯的公共外交与文化软实力战略[J].人民论坛·学术前沿,2015(24):44-52.
31. 安德烈·齐甘科夫,戴惟静.历史和文化视角下的俄罗斯外交政策[J].中国国际战略评论,2015(00):258-268.
32. 宋志芹.俄罗斯软实力外交:认知、优先方向、评价[J].西伯利亚研究,2015,42(03):39-45.
33. 劳灵珊.文化外交在当代中俄关系中的作用[J].西伯利亚研究,2012,39(02):32-37.
34. 汪宁.重回后苏联空间——俄罗斯文化外交评析[J].社会科学,2012(04):12-20.
35. 任立侠.试析俄罗斯民族的文化心理对俄外交的影响[J].西伯利亚研究,2010,37(05):59-62.
36. 周力.俄罗斯文化的基本精神与外交[J].俄罗斯研究,2010(04):71-83.
37. 肖贵纯.俄罗斯外交中的欧亚主义文化特征[J].西伯利亚研究,2008(05):41-44.

38. 张建华. 俄罗斯外交取向的历史文化传统思考[A]. 南开大学世界近现代史研究中心 (The Research Center for the History of Modern World Nankai University). 世界近现代史研究 (第二辑) [C].:南开大学世界近现代史研究中心,2005:19.
39. 新华社. (2024). 金砖国家领导人第十六次会晤喀山宣言。2024.10.24. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982689.htm (дата обращения: 04.09.2025).
40. 赵淑芳. 俄罗斯外交文化的特点及影响[J]. 东北亚论坛, 2004(04):50-54.
41. 李敏. 文化外交及其在当代对外关系中的独特价值—兼议地方对外文化交流的作用和实现途径[J]. 当代世界. 2009

Reference list

1. Prezident Rossii. Otkryty «perekrjostnye» goda kul'tury Rossii i Kitaja = The President of Russia. The "cross-cultural" years of Russia and China have been opened. 16 maja 2024 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74052> (data obrashhenija: 09.04.2025).
2. Prezident Rossii. Zakrytie Vsemirnogo festivalja molodjozhi. 6 marta 2024 god = The President of Russia. Closing of the World Youth Festival. March 6, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73615> (data obrashhenija: 09.04.2025).
3. Anholt S. Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan, 2007.
4. Amin S. The Class Struggle in Africa. Revolution, 1964.
5. Amin S. Global History: A View from the South. Pambazuka Press, 2011.
6. Bhabha H. K. The location of culture. Routledge, 1994.
7. Ingrid d'Hooghe. China's public diplomacy. Brill, 2015.
8. Fanon F. The wretched of the earth (C. Farrington, Trans.). Grove Press, 1963. (Original work published 1961).
9. Gergely Ferenc Lendvai. Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media. European Papers. URL: <https://www.europeanpapers.eu/europeanforum/media-in-war-overview-of-european-restrictions-on-russian-media> (дата обращения: 04.09.2025).
10. Gulenko P. RT (Russia Today): From Soft Power to the Weaponization of Information. In: Thomasen, G., Békés, C., Rácz, A. (eds) The Palgrave Handbook of Non-State Actors in East-West Relations, 2024. Palgrave Macmillan, Cham. pp.699-715.
11. Keohane R. O., & Nye, J. S. Power and interdependence (4th ed.). Pearson, 2011.
12. Kester K. Klomegah. BRICS Media Forum Emphasizes Interaction and Understanding Between Members. Modern Diplomacy. September 15, 2024. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/09/15/brics-media-forum-emphasizes-interaction-and-understanding-between-members/> (дата обращения: 04.09.2025).
13. Lo B. Russia and the New World Disorder. Brookings Institution Press, 2015.
14. Lo B. A Wary Embrace: What the China-Russia Relationship Means for the World, by London: Penguin, 2017.
15. Nye J. S. Soft power: The means to success in world politics. PublicAffairs, 2004.

16. Price M. Media and sovereignty: The global information revolution and its challenge to state power. MIT Press, 2002.
17. Said E. W. Orientalism. New York : Pantheon Books, 1978.
18. Sun Haichao, Li Xiaoyun, Wang Hui. et. The resurgence of the awakening of the Global South: mutual learning and resonance. Global Times. Dec 17, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325249.shtml>. (data obrashhenija: 04.09.2025).
19. Russia Sanctions Dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (data obrashhenija: 04.09.2025).
20. Wendt, A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. International Organization. 1992. 46(2), 391–425.
21. Wilson, J. L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China. Europe-Asia Studies. 2015. 67(8), 1171–1202.
22. 德米特里·索洛维伊,王嘎.战略文化在俄罗斯对外政策中的作用与意义[J].俄罗斯东欧中亚研究,2019(03):19-31+155-156.
23. 庞大鹏.俄罗斯的外交决策:人格特质与战略文化[J].俄罗斯学刊,2019,9(02):5-24.
24. 许华.“人类命运共同体”愿景中的中俄文化外交[J].俄罗斯东欧中亚研究,2018(04):13-26+156.
25. 汪宁,韦进深.俄罗斯文化战略评析[J].国际观察,2018(04):141-157.
26. 王巍.文化因素对俄罗斯外交政策的影响[J].学术交流,2016(09):219.
27. 杨洁.俄罗斯外交文化传统研究[J].哈尔滨工业大学学报(社会科学版),2016,18(04):85-90.
28. 田刚健.普京时期俄罗斯文化外交政策与国家形象塑造[J].东北师大学报(哲学社会科学版),2016(03):91-97.
29. 李欣.俄罗斯外交文化因素动因分析[J].人民论坛,2016(11):247-249.
30. 吴非,胡逢瑛.俄罗斯的公共外交与文化软实力战略[J].人民论坛·学术前沿,2015(24):44-52.
31. 安德烈·齐甘科夫,戴惟静.历史和文化视角下的俄罗斯外交政策[J].中国国际战略评论,2015(00):258-268.
32. 宋志芹.俄罗斯软实力外交:认知、优先方向、评价[J].西伯利亚研究,2015,42(03):39-45.
33. 劳灵珊.文化外交在当代中俄关系中的作用[J].西伯利亚研究,2012,39(02):32-37.
34. 汪宁.重回后苏联空间——俄罗斯文化外交评析[J].社会科学,2012(04):12-20.
35. 任立侠.试析俄罗斯民族的文化心理对俄外交的影响[J].西伯利亚研究,2010,37(05):59-62.
36. 周力.俄罗斯文化的基本精神与外交[J].俄罗斯研究,2010(04):71-83.
37. 肖贵纯.俄罗斯外交中的欧亚主义文化特征[J].西伯利亚研究,2008(05):41-44.

38. 张建华. 俄罗斯外交取向的历史文化传统思考[A]. 南开大学世界近现代史研究中心 (The Research Center for the History of Modern World Nankai University). 世界近现代史研究 (第二辑) [C].:南开大学世界近现代史研究中心,2005:19.
39. 新华社. (2024). 金砖国家领导人第十六次会晤喀山宣言。2024.10.24. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982689.htm (data obrashhenija: 04.09.2025).
40. 赵淑芳. 俄罗斯外交文化的特点及影响[J]. 东北亚论坛, 2004(04):50-54.
41. 李敏. 文化外交及其在当代对外关系中的独特价值——兼议地方对外文化交流的作用和实现途径[J]. 当代世界. 2009

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.
The article was submitted on 26.06.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Научная статья
УДК 328
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-29
EDN OKWXLР

Русофобия и декоммунизация как механизмы влияния на позицию России в международных отношениях

Екатерина Викторовна Полежайкина¹, Анна Леонидовна Кривова^{2✉}

¹Старший преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

²Старший преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

¹PolezhaikinaEV@rgsu.net, <https://orcid.org/0009-0008-6269-8586>

²KrivovaAL@rgsu.net[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4095-4656>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию исторической динамики и современного проявления русофобии как инструмента влияния на внешнеполитическую позицию России. Анализ начинается с констатации беспрецедентного уровня агрессивной русофобии в западных СМИ, подтверждаемой фактами массовых нарушений прав российских граждан, зафиксированных в докладе МИД России. Однако, авторы статьи отмечают, что современная русофобия – не феномен XXI века, а результат многовековой политики западноевропейских стран, рассматривавших Россию как геополитического соперника. Исторический экскурс прослеживает эволюцию методов противодействия России, подчеркивая неизменность стратегической цели – ослабление российского влияния на мировой арене. Центральное место в исследовании занимает роль США и Великобритании в формировании коллективного западного подхода к России, который распространяется и на государства Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Австралия, Новая Зеландия – по словам С. В. Лаврова). Начало специальной военной операции на Украине рассматривается как катализатор, резко обостривший конфликт, который Запад трактует как противостояние двух цивилизаций: «общерусской» (Россия, Беларусь, Украина) и западной. В статье данный нарратив анализируется в качестве упрощения сложной геополитической ситуации и инструмента идеологического противостояния. Исследователи также обращают внимание на развитие антисоветских, а значит, и антироссийских тенденций в постсоветских республиках с начала XXI века. Этот процесс рассматривается через призму декоммунизации, анализируя ее влияние на формирование негативного восприятия России. В статье затрагиваются вопросы взаимосвязи внутренних социально-экономических факторов и внешнего давления, изучается влияние западных НКО,

© Полежайкина Е. В., Кривова А. Л., 2025

международных организаций и медиаструктур на формирование и распространение русофобских настроений.

Ключевые слова: русофобия; западная Европа; декоммунизация; историческая память; советское прошлое; постсоветское пространство; Россия

Для цитирования: Полежайкина Е. В., Кривова А. Л. Русофобия и декоммунизация как механизмы влияния на позицию России в международных отношениях // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 29–46. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-29>. <https://elibrary.ru/OKWXLP>.

Original article

Russophobia and decommunization as mechanisms of influencing Russia's position in international relations

Ekaterina V. Polezhaikina¹, Anna L. Krivova²

¹Senior lecturer at the department of humanities, faculty of social sciences and mass communications, Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow.

²Senior lecturer at the department of humanities, faculty of social sciences and mass communications, Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow.

¹PolezhaikinaEV@rgsu.net, <https://orcid.org/0009-0008-6269-8586>

²KrivovaAL@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0002-4095-4656>

Abstract. This article studies historical dynamics and modern manifestations of Russophobia as a tool for influencing Russia's foreign policy. The analysis declares an unprecedented level of aggressive Russophobia in the Western media, confirmed by the facts of numerous violations of Russian citizens' rights, recorded in the report of the Russian Foreign Ministry. However, the authors of the article note that modern Russophobia is not a 21st century phenomenon, but the result of centuries-long policies of Western European countries that have regarded Russia as a geopolitical rival. The historical overview traces the evolution of the ways to counter Russia, emphasizing the immutable strategic goal to weaken Russian influence internationally. The study focuses on the role of the United States and Great Britain in shaping a collective Western attitude towards Russia that extends to the countries of the Asia-Pacific region (Japan, Australia, New Zealand – according to Sergey Lavrov). The start of a special military operation in Ukraine is seen as a catalyst that exacerbated the conflict, which the West interprets as a confrontation between two civilizations: the “all-Russian” (Russia, Belarus, Ukraine) and the Western. The article analyzes this narrative as a simplification of a complex geopolitical situation and an instrument of ideological confrontation. The attention is also drawn to anti-Soviet, and therefore anti-Russian, tendencies in the post-Soviet republics at the beginning of the 21st century. The authors consider these tendencies through the prism of decommunization, analyzing their influence on forming a negative perception of Russia. The article touches upon the relationship between internal socio-economic factors and external pressure, and examines the influence of Western NPOs,

international organizations and media structures on shaping and spreading Russophobic attitudes.

Key words: russophobia; western Europe; decommunization; historical memory; soviet past; post-Soviet space; Russian

For citation: Polezhaikina E. V., Krivova A. L. Russophobia and decommunization as mechanisms of influencing Russia's position in international relations. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 29–46. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-29>. <https://elibrary.ru/OKWXP>.

Введение

В современных международных отношениях Россия сталкивается с рядом вызовов, которые оказывают существенное влияние на ее позицию в мировой политике. Среди этих вызовов особое место занимают русофобия и декоммунизация, выступающие в качестве взаимосвязанных механизмов, формирующих негативный образ страны и создающих препятствия для ее равноправного участия в международных процессах. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена ее возрастающим значением в контексте обострения геополитической конкуренции и усиления информационно-го противоборства.

Русофобия, как комплекс негативных стереотипов, предрассудков и враждебных установок по отношению к России, ее народу, культуре и политике, имеет давнюю историю, но в последние десятилетия приобрела новые формы и масштабы. Декоммунизация, проявляющаяся в демонтаже памятников советской эпохи, пересмотре исторических событий и одностороннем осуждении советского периода, зачастую служит инструментом дистанцирования

от России и легитимации русофобских настроений.

Методы исследования

Методологическая база исследования предполагает, в первую очередь, анализ документов и официальных источников, включая официальные заявления политических деятелей и представителей государственных органов, законодательные акты, позволяет выявить наличие дискриминационных практик и специфическую риторику, используемую для формирования образа России, и оценить их совокупное влияние на международную арену. Контент-анализ медиапространства, основанный на мониторинге СМИ, позволил выявить распространенность и характер русофобских высказываний, ключевые нарративы и стереотипы, формирующие общественное мнение. Исторический анализ, включающий изучение исторических причин русофобии и сравнительный анализ процессов декоммунизации в различных странах, позволил выявить истоки и эволюцию русофобских настроений, общие тенденции и особенности декоммунизационных практик, а также оценить их влияние на отношения с Россией.

Сравнительный анализ, предполагающий сопоставление отношения к России с отношением к другим странам, а также сравнение образа России в разных странах и регионах мира, позволил идентифицировать наличие двойных стандартов и выявить факторы, влияющие на формирование русофобских настроений.

Результаты исследования

История европейской русофобии берет свое начало с эпохи становления русского государства. Методика подачи материалов в западных СМИ отработана столетиями. Изображать пугающую картину «варварской» России европейцам начали еще в XVI веке. Все это происходило из-за столкновения внешнеполитических интересов России с целями других европейских стран. Фактически в Европе уже в то время началось формирование русофобии. В 2015 году данную тенденцию кратко, но лаконично, описал швейцарский публицист и журналист Ги Меттан. В своей книге «Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса», автор говорил: «Зачем ругать кого-то по пустякам, когда можно во всех грехах обвинить Россию» [Меттан, 2023, с. 45].

Впервые термин «руссофобия» в общественный оборот ввел публицист, дипломат и поэт Федор Тютчев. По его мнению, «возникновение образа России, “чудовища” и “людоеда” <...> в общественном сознании европейцев было обусловлено нашими цивилизационными разли-

чиями» [Цит. по: Ширинянц, 2015, с. 15]. Русский философ Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе, показал сущность отношений европейцев к России: «Европейцам нужна дурная Россия: угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее “неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту “гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий “до последней капли ее крови”» [Кургинов, 2024, с. 107].

Одним из первых авторов, представивших для европейского общества образ России, стал дипломат Священной Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн. В 1549 году он опубликовал свою работу «Записки о Московии», в которой описывал историю России, культуру, быт, религию, политику и давал свою оценку. Историки считают, что именно данная работа положила начало распространенному ошибочному мнению о русской тирании. Герберштейн лживо выделил в русском политическом устройстве че-

тыре элемента: *первый* – это абсолютная власть князя; *второй* – деспотизм, с помощью которой власть якобы контролировала все, даже имущество своих подданных; *третий* – рабство народа; *четвертый* – псевдобожественность. Таким образом, в «Записках о Московии» четко проводилась линия, что русичи якобы поклонялись князю как богу [Герберштейн, 1988]. Данная пропагандистская работа послужила основой для всех следующих рассказчиков о «страшной» России вплоть до XVIII века. Фактически, Герберштейн создал фундаментальный сборник стереотипов о нашей стране, который стал широко известен европейскому читателю и на который ссылались последующие авторы.

Польша исторически играла значительную роль в формировании и распространении русофобских нарративов в Европе. Этот процесс прослеживается уже с XVI века, примером чему служит деятельность польского короля Сигизмунда II Августа. Во время Ливонской войны, столкнувшись с наступлением русских войск, он активно обращался к европейским правителям с призывами о помощи, изображая русских как «варваров», сравнивая их с готами, гуннами и аланами. Подобная риторика, вероятно, была направлена на формирование негативного образа России в европейском общественном мнении и создание условий для более широкого вовлечения европейских держав в военный конфликт.

XIX век стал периодом обострения русофобии, подпитываемой комплексом геополитических, идеологических и культурных факторов. «Великая игра» – соперничество Британской и Российской империй за влияние в Центральной Азии – сыграла ключевую роль в формировании образа России как экспансионистской державы, угрожающей европейскому порядку.

Свой вклад в развитие русофобии в Европе внесла и Франция. Отношения наших стран на протяжении XIX века складывались весьма не просто. Вслед за колебаниями политического курса менялось и восприятие русских французским обществом. Периоды международной политической напряженности вызывали шквал негативных оценок и раскручивание образа «русского медведя» [Исторические документы..., 2015]. Широко известно завешание Петра Великого, царская фальшивка, которую опубликовали во Франции. В ней прописан якобы петровский план на долгие века с целью установления мирового господства. Кроме того, в псевдодокументе указаны необходимые действия для наследника царского престола. Автор документа не был знатоком внешней политики России, поэтому в тексте целый ряд ошибок и нелепостей. Смешивая правду с вымыслом, автор создал новый стереотип русской опасности, который наложился на другое клише «русское варварство». Любопытно, что данная публикация была сделана в 1812 году, когда

Наполеон вторгся в Россию. Все это создавало нужный фон для военной кампании Парижа. В соответствии со сложившейся во Франции XVIII века традицией восприятия России, русский народ представлялся как «азиатский», дикий и варварский, чуждый цивилизации. Ряд литературных произведений, таких как «Россия в 1839 году» Маркиза де Кюстина, способствовал распространению негативных стереотипов о России и укреплению русофобских настроений [Кюстин, 2008]. Несмотря на все большее сближение и нарастающее взаимодействие между Францией и Россией, русскому народу отказывали в возможности самостоятельного развития, в лучшем случае считали, что он способен воспринимать европейские ценности лишь поверхностно, оставаясь лишь периферией, цивилизационного мира.

После наполеоновских войн в Европе усилились либеральные и националистические идеи, которые противопоставлялись «автократическому» режиму Российской империи. Россия воспринималась как оплот консерватизма и реакционности, угрожающий свободе и демократии Европы.

На протяжении многих веков отношения между Россией и Западом не были однозначно хорошими или плохими. Мы торговали, заключали династические браки с европейцами. Но все это происходило на фоне общей линии недоверия из страха между Российской империей и Европой. А тональность взаимодействия дик-

товала международная повестка. Швейцарский публицист и журналист Ги Меттан в своей книге «Россия и Запад – тысячелетняя война» упрекнул в политике двойных стандартов тех репортеров, которые пишут о России. По его словам, нарушение прав человека в Сомали, Ираке или Афганистане, мир воспринимает как должное. При этом раздувает любой конфликт, связанный с Москвой: «Западные журналисты, непрестанно вспоминая репрессии и гонения русских, почему-то забывают о своем собственном постыдном прошлом. Зато не перестают разоблачать российский экспансионизм, который якобы у русских в крови. Да, конечно, Российская империя росла не за счет продажи черной икры и не благодаря ласковым речам – против фактов не пойдешь. Но разве свист пуль звучал сладкой музыкой в ушах коренного населения Америки, Африки, Австралии?» [Меттан, 2023, с. 97].

Русофобия в период холодной войны приобрела новые измерения, тесно переплетаясь с антисоветизмом и идеологическим противостоянием двух мировых систем. Демонизация СССР стала важной составляющей западной пропаганды, формируя образ враждебного государства, угрожающего свободному миру.

Холодная война была, прежде всего, идеологическим противостоянием между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. СССР воспринимался как главный идеологический противник,

стремящийся к мировой революции и разрушению западного образа жизни.

СССР провозгласили «империей зла». Эта риторика, особенно ярко выраженная в выступлениях президента США Рональда Рейгана, демонизировала СССР, представляя его как источник всех мировых бед и угрозу для демократии и свободы. Западные СМИ и политические деятели активно преувеличивали военную мощь СССР и его агрессивные намерения, создавая атмосферу страха и подозрительности. «Красная угроза» стала постоянным лейтмотивом западной пропаганды.

В западной пропаганде СССР изображался как тоталитарное государство, подавляющее права и свободы своих граждан. ГУЛАГ, репрессии, отсутствие свободы слова и собраний – все это использовалось для создания образа жестокого и бесчеловечного режима. Изоляция стран Восточного блока от Запада, символизируемая «железным занавесом», способствовала формированию образа СССР как закрытого и враждебного мира. Ограничение контактов и информационный вакуум позволяли западной пропаганде беспрепятственно распространять негативные стереотипы. Страх перед коммунистическим проникновением и подрывной деятельностью привел к паранойе и «охоте на ведьм» в западных странах. Подозрения в симпатиях к коммунизму могли стоить человеку карьеры и репутации.

В Голливуде и западной литературе создавались многочисленные произведения, изображавшие СССР как враждебную силу, готовящуюся к мировому господству. Советские граждане представлялись безликими, фанатичными коммунистами, лишёнными индивидуальности. Даже в музыке и искусстве можно было проследить влияние холодной войны и демонизации СССР. Например, некоторые музыкальные произведения отражали страх перед ядерной войной и советской агрессией.

Атмосфера страха и недоверия привела к гонке вооружений между СССР и США, что поставило мир на грань ядерной катастрофы. Холодная война стала причиной многочисленных локальных конфликтов, в которых СССР и США поддерживали противоборствующие стороны. Мир был разделен на два враждебных лагеря, что препятствовало международному сотрудничеству и развитию.

В результате холодной войны образ России, тесно связанный с СССР, был сильно демонизирован в западном сознании. Это наследие продолжает оказывать влияние на восприятие России и в XXI веке, подпитывая русофобские настроения и затрудняя построение доверительных отношений.

После распада СССР в 1991 году и образования независимых государств, 25 млн этнических русских оказались за пределами Российской Федерации. Распад Советского Союза стал для трудового народа страны крупнейшей социально-

политической катастрофой XX века. Большинство коренного населения ликovalo, радовалось своей независимости, надеясь получить даром собственность «оккупантов» [Лобанов, 2023]. На их территориях создаются националистические движения, которые начинают борьбу со всем «советским» [Тюкина, 2019]. Результат этой работы можно наблюдать в отношениях Российской Федерации и постсоветских государств. Борьба с советским режимом в странах Прибалтики проходила по одному и тому же сценарию: в странах создавались движения диссидентов, которые возглавляли антисоветчики и коллаборационисты родом из Латвии, Литвы и Эстонии. После Второй Мировой войны им удалось избежать правосудия путем побега в страны запада (ФРГ, Канаду). Имеющие возможность и желание диссиденты за границей были ценной находкой для правительства США. Начальник 2-го отдела 5-го управления КГБ в 1986–1988 гг. Юрий Кобяков говорил о таких движениях так: «В КГБ никогда не было иллюзий в отношении так называемых народных фронтов, возникавших после провозглашения Горбачевым плюрализма мнений. Изначально было ясно, что они станут официальным прикрытием для сепаратистов, ценнейшим подарком для зарубежных спецслужб и наццентров. В числе их учредителей, идеологов и активистов было значительное число давно известных органам КГБ националистов самого широкого спек-

тра – от умеренных интеллектуалов до радикалов-русофобов» [Кобяков].

В Латвии такой структурой стала националистическая организация – Ястребы Даугавы, которая возглавлялась бывшими офицерами и пособниками СС. В Литве – организация Саюдис. В государствах Прибалтики создавались так называемые «Народные фронты», возглавляемые антисоветчиками и диссидентами. Именно эти народные фронты и станут главными участниками событий 1989–1991 гг., которые по сей день не нашли какой-то объективной оценки. Именно здесь и наблюдается проблема позиции в истории. Наши, уже бывшие силовики и представители спецслужб, говорят о прямом участии западных стран в событиях в Латвии, Литве и Эстонии, что имеет смысл. С другой стороны, Латвийский народный фронт утверждал, что деятельность силовиков на территории Риги неправомерна. Но из исторических репортажей, видно методы так называемого «Рижского Омона». Силовики боролись с нелегальными вооруженными структурами, разоружая перешедшие на сторону народного фронта Латвии оружейные склады. К примеру, 15 января 1991 года Рижский Омон выполнил операцию по захвату здания школы милиции, его разоружения. Захват прошел без жертв. Защищающий конституционный порядок СССР Рижский Омон также препятствовал созданию нелегальных пропускных пунктов и вооруженных формирований на территории Риги до момента

распада СССР [Русанов, 2012]. Для нас Рижский Омон – мало освещенные в обществе герои, но вот для жителей Прибалтики, он и вооруженные силы Советского Союза стали агрессорами.

Опыт Литвы, Латвии и Эстонии демонстрирует характер отношения этих стран к советскому периоду своей истории. Анализ учебных материалов позволяет выявить тенденции в освещении событий, связанных с ролью СССР во Второй мировой войне, в частности, преуменьшение значения подвига советских солдат. Установка памятников представителям формирования СС свидетельствует о неоднозначной интерпретации исторических событий. Отношение властей этих государств к памятникам советским воинам, Дню Победы и советской символике, в целом, характеризуется негативизмом, что отражает стремление к дистанцированию от советского наследия.

Именно в странах Прибалтики возникает категория «неграждан», что является следствием политики, направленной на маргинализацию части населения, не разделяющей идеологию националистических движений. Лица, выразившие несогласие с деятельностью «народных фронтов», подвергаются принудительной ассимиляции, включая обязательное изучение государственных языков и усвоение исторического нарратива, сформированного националистическими группами. Как было отмечено, политические трансфор-

мации в советских и союзных республиках развивались по схожему сценарию. Аналогичные процессы наблюдались и в Польше, где американские спецслужбы активно взаимодействовали с профсоюзом «Солидарность», организовывавшим забастовки в начале 1980-х годов. Введение военного положения председателем Совета министров ПНР было представлено как вынужденная мера, однако, этот шаг способствовал ослаблению контроля центральной власти. Отказ от ввода советских войск на территорию Польши, который поддержал Войцех Ярузельский, в конечном итоге привел к проведению многопартийных президентских выборов в 1990 году.

В современной Польше наблюдается тенденция к пересмотру исторического наследия, связанного с коммунистическим периодом. Закон «О запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя» служит правовой основой для сноса памятников, которые в Польше ассоциируются с советской эпохой, включая некоторые монументы, посвященные участникам Великой Отечественной войны [Польский депутат считает ...]. Это вызывает неоднозначную реакцию в польском обществе: часть населения выступает за сохранение исторической памяти, в то время как другие поддерживают демонтаж. Следует отметить, что в польском общественном сознании сохраняется память о трагических событиях на Волыни. Инцидент с чествованием в канадском парламенте бывшего чле-

на дивизии СС «Галичина» 22 сентября 2023 года вызвал резкую реакцию со стороны официальных властей Варшавы. Министр образования и науки Пшемислав Чарнек потребовал от Канады официальных извинений и экстрадиции данного лица для судебного преследования в Польше, что свидетельствует о принципиальной позиции польского правительства по данному вопросу (*Аплодисменты националисту в парламенте Канады* // TACC. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18854235> (дата обращения: 30.05.2024)).

По литовскому сценарию ущемляли права русскоязычного населения и в Украине. Примерами героизации деятелей, сотрудничавших с нацистским режимом, в Украине являются Роман Шухевич и Степан Бандера. Оценка этих фигур как коллаборационистов не ограничивается только российской историографией. Как было отмечено ранее, в Польше также негативно воспринимается героизация лиц, причастных к преступлениям Второй мировой войны, особенно выходцев из Украины.

Но все не ограничилось историей. С 2000-х годов на Украине начинается процесс вытеснения русского языка со всех сфер жизни: образования, культуры, СМИ. Что интересно, президент В. А. Ющенко в своей предвыборной кампании обещал соблюдение конституционного порядка, который гарантировал использование русского языка наравне с украинским. При избрании от своих обе-

щаний он отказался (*Как на Украине ограничивали использование русского языка* // TACC. URL: <https://tass.ru/info/15358089> (дата обращения: 16.01.2025)).

События 2014 года стали переломным моментом в отношениях России и Украины, ознаменовавшись принятием Верховной Радой законодательных актов, ограничивающих распространение любой информации, которая расценивалась в качестве пропагандистской, включая кинофильмы, телепередачи и печатные издания. Последующие годы характеризовались усилением политики украинизации, распространившейся на все сферы общественной жизни. Параллельно с ограничением использования русского языка проводилась политика «декоммунизации», в рамках которой термин «Великая Отечественная война» был заменен на «Вторая мировая война». Несмотря на декларируемое сохранение символики, связанной с победой в Великой Отечественной войне, наблюдается практика демонтажа памятников, посвященных не только советским политическим деятелям и представителям культуры, но и участникам боевых действий. Одновременно с этим, члены Украинской повстанческой армии (УПА) были законодательно приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны, а их деятельность, включая участие в карательных операциях, является объектом публичного восхваления. Кульминацией «декоммунизации» стала кампания по искорене-

нию упоминаний деятелей культуры советского периода и современной России, включая переименование топонимических объектов.

Несмотря на длительный период сосуществования в рамках СССР, в течение которого РСФСР оказывала существенную поддержку союзным республикам в развитии промышленности и энергетики, постсоветские государства демонстрируют тенденцию к диссоциации от своего советского прошлого. Это отражается в современной социально-экономической ситуации: промышленные центры Латвии, Литвы и Эстонии находятся в состоянии упадка, а военно-промышленный комплекс этих стран демонстрирует высокую зависимость от западноевропейских стран и США. Одним из ключевых последствий декоммунизации можно считать возникновение и эскалацию конфликтов в XXI веке. Сюда следует отнести не только специальную военную операцию, рассматриваемую Российской Федерацией как ответ на действия украинских властей, но и приднестровский конфликт, имеющий потенциал к обострению.

Современные взаимоотношения между Россией и странами Восточной Европы характеризуются значительной напряженностью. Наблюдается участие польских граждан в качестве наемников в составе Вооруженных сил Украины, что представляет собой парадоксальную ситуацию, учитывая исторический контекст взаимоотношений поляков и

украинских националистических формирований периода Второй мировой войны. Кроме того, имеет место целенаправленная политика десоветизации, сопровождающаяся принятием законодательных актов, направленных против России. При этом необходимо отметить, что постсоветские республики продолжают использовать инфраструктуру и материальные ресурсы, созданные в советский период, включая промышленные предприятия, вооружение и технику. Переориентация российской внешней политики с западного вектора на восточный связана не только с ухудшением отношений со странами Западной Европы, но и с нарастающими противоречиями со странами Восточной Европы. Перспективы дальнейшего сотрудничества России с данными государствами в настоящее время представляются проблематичными.

Анализ динамики взаимоотношений России со странами постсоветского пространства, расположенными в западном регионе, позволяет констатировать отсутствие устойчивых партнерских связей, не говоря уже о дружественных отношениях [Палухина, 2023]. Геополитические трансформации, последовавшие за распадом Советского Союза, в совокупности с политическим курсом первого президента Российской Федерации, создали благоприятные условия для консолидации националистических движений («народных фронтов») и их интеграции в структуры государственной власти новых

независимых государств. Внутренний конфликт на территории Чеченской Республики, уводя ресурсы и внимание российского руководства, препятствовал своевременной и адекватной реакции на происходящие политические процессы в соседних странах. В настоящее время ряд бывших союзных республик занимает позиции, открыто оппонирующие внешнеполитическому курсу Российской Федерации на международной арене. Декоммунизация, провозглашенная в качестве одной из ключевых политических целей в этих странах, зачастую приобретает формы радикальной русофобии, проявляющейся в демонтаже памятников советской эпохи, переименовании топонимов, ревизии исторических нарративов и дискриминационной политике в отношении русскоязычного населения.

К счастью, не все бывшие республики СССР избрали дорогу Прибалтийских государств, Украины и Польши. Сегодня Россия плотно сотрудничает, с такими странами как Беларусь, Казахстан, Сербия, с непризнанным Приднестровьем, Монголией и Киргизией. Россия из столетия в столетие борется за свою правду, зеркальную и противоположную от того, что пишут в западных СМИ. Правду, которая зачастую неудобна и нежелательна для наших политических оппонентов. Несмотря на попытку демонизации образа нашей страны, мы были есть и будем великим и независимым государством со сво-

ей культурой. В интервью Министра иностранных дел С. В. Лаврова было отмечено: «Невозможно “убить” русскую культуру, кто бы как ни старался. Это делают те, кто сам не отличается культурой поведения, сосуществования в этом мире, кто по-настоящему не представляет свои народы и нации» [Интервью с Министром иностранных дел ...].

Отдельное внимание необходимо уделить санкционной политике, проводимой Западом в отношении России. Аргументы в пользу связи санкций с русофобией строятся на идее, что санкции против России выходят за рамки рациональной политической реакции на ее действия и отражают более глубокое, исторически обусловленное предубеждение.

Критики указывают на то, что масштаб и жесткость санкций против России несоразмерны с тяжестью ее предполагаемых проступков. Они сравнивают реакцию на действия России с реакцией на аналогичные действия других стран, утверждая, что Россия подвергается более суровому осуждению и наказанию. Это может свидетельствовать о предвзятом отношении, основанном на русофобии. Например, вторжение США и их союзников в Ирак, основанное на спорных данных о наличии оружия массового уничтожения, привело к многолетнему конфликту и огромным человеческим жертвам. Несмотря на нарушение международного права

и отсутствие санкции Совета Безопасности ООН, санкции, введенные против США и их союзников, были значительно менее жесткими, чем санкции против России после событий 2014 и 2022 годов – не было отключения от SWIFT, массового изъятия активов и ограничений на торговлю энергоносителями.

Образ России, создаваемый в западных СМИ, часто негативен и стереотипен. В XIX веке нашу страну впервые изобразили как спрута – это визуальная метафора, используемая в политической карикатуре и пропаганде, преимущественно в западных странах, для изображения России как агрессивной и экспансионистской силы. Спрут, с его многочисленными щупальцами, символизирует стремление России к захвату и контролю над другими территориями и государствами. В современных западных СМИ наша страна все чаще стала появляться в старом, хорошо известном мировому сообществу, облике. Любая информация, исходящая из российских государственных источников, автоматически клеймится как «пропаганда», даже если она подтверждается независимыми источниками. Это дискредитирует российскую точку зрения и не дает возможности для объективного диалога. Распространение негативных стереотипов о России и русских, преувеличение угрозы, исходящей от России, и замалчивание позитивных аспектов способствуют формированию враждебно-

го общественного мнения и оправдывают жесткие санкции.

Зачастую риторика, используемая западными политиками и общественными деятелями при обсуждении России, носит откровенно враждебный характер.

Санкции, введенные против России, зачастую имеют косвенные, но ощутимые негативные последствия для гражданского населения:

- ограничения на импорт и падение курса рубля приводят к росту цен на импортные товары, включая лекарства, электронику, продукты питания и одежду, что, в свою очередь, снижает покупательную способность населения и ухудшает уровень жизни особенно для малообеспеченных слоев населения;

- отключение российских банков от системы SWIFT затрудняет международные переводы и оплату товаров и услуг за рубежом. Это создает проблемы для граждан, работающих или обучающихся за границей, а также для тех, кто получает денежные переводы из-за рубежа;

- санкции в отношении образовательных и культурных учреждений ограничивают возможности для международного обмена студентами, учеными и деятелями культуры, что негативно сказывается на развитии науки, образования и культуры в России, а также ограничивает возможности для международного сотрудничества;

– ограничения на выдачу виз и запрет на полеты российских авиакомпаний в некоторые страны затрудняют поездки россиян за границу, в том числе для туризма, работы, лечения и посещения родственников;

– ограничение доступа к международным платежным системам, таким как Visa и Mastercard, создает сложности для россиян при оплате товаров и услуг за рубежом и в онлайн-магазинах. Это особенно актуально для тех, кто путешествует или работает за границей;

– замораживание активов российских компаний и частных лиц за рубежом может привести к финансовым потерям для граждан, которые инвестировали в эти компании или имеют счета в зарубежных банках.

Важно отметить, что сторонники санкций утверждают, что эти меры направлены на изменение политики российского правительства, а не на причинение вреда населению. Однако, на практике, санкции зачастую имеют негативные последствия для обычных граждан, что может способствовать росту социального недовольства.

Западные СМИ и политики часто игнорируют исторический контекст действий России и не принимают во внимание ее обоснования и опасения. Отсутствие желания учитывать альтернативные точки зрения и вести конструктивный диалог может быть связано с глу-

боко укоренившимися русофобскими представлениями.

Заключение

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что русофобия и декоммунизация выступают взаимосвязанными механизмами, оказывающими существенное влияние на позицию России в системе международных отношений. Русофобия, которая насыщается стереотипами и негативными образами, создает благоприятную почву для дискредитации России на мировой арене и оправдания политических шагов, направленных на ее изоляцию. Декоммунизация, зачастую принимающая форму одностороннего осуждения советского прошлого, не только способствует дистанцированию от России, но и используется для подкрепления русофобских нарративов, представляя современную Россию как наследницу тоталитарного режима.

В работе показано, как эти механизмы, действуя в синергии, влияют на формирование негативного восприятия России в международном сообществе. Русофобия создает отрицательный фон, в то время как декоммунизация предоставляет «историческое обоснование» для критики и враждебных действий. Эта комбинация способствует эскалации напряженности, осложняет дипломатические процессы и создает препятствия для конструктивного диалога.

Следует отметить связь русофобии с введением санкций против России. Русофобские настроения в общественном мнении и политических кругах зачастую используются для легитимации и обоснования экономических санкций, представляя их как «необходимый ответ» на

действия России. Таким образом, русофобия не только формирует негативный образ страны, но и служит инструментом экономического давления, оказывая непосредственное влияние на ее внешнеэкономическую деятельность и международное положение.

Библиографический список

1. Афонин М. В. Гражданская идентичность и ее укрепление в современной России / М. В. Афонин, С. А. Кудрявцев, А. Л. Кривова // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 1(94). С. 156–168. DOI: 10.35775/PSI.2023.94.1.017.
2. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина А. В. Назаренко; под ред. В. Л. Янина. Москва : Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
3. Гришин О. Е. Российская государственность в доромановский период: некоторые особенности становления и развития / О. Е. Гришин, О. А. Нестерчук, В. А. Глебов, С. И. Попов // Вопросы истории. 2023. № 4-2. С. 110–117. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202304Statyi45. EDN YSIEH.
4. Ильин А. Н. Русофобия в Прибалтике // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 14–46.
5. Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова Российскому обществу «Знание» «на полях» Петербургского международного экономического форума, Санкт-Петербург, 17 июня 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1888902/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000c1f5418aed4c9ede655dab3d64bdc65480f513a727bf3fab83dbd11c94cb146b089df9d4e814300060fa731265aad8abecd887da168d1db9b276b477049d08c41dcd4d5f41cb7b7afea01441ab93ec8effe1f0231a54b71 (дата обращения: 20.01.2024).
6. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015» / [гл. редактор А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. Москва : Политическая энциклопедия, 2015. 486 с.
7. Кобяков Ю. А. Национализм как инструмент разрушения СССР // Мир новостей. URL: <https://newpressa.pressa.ru/text-reader/161802/article/163787> (дата обращения: 18.01.2025).
8. Крондо Н. Б. Русофобия во внутренней политике государств Балтии / Н. Б. Крондо, Д. С. Дадаян // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2019. № 1. С. 130–140.
9. Куйдин Д. О. Инструменты и механизмы иностранного влияния на внутреннюю политику России в сфере высшего образования и науки / Д. О. Куйдин, Е. В. Полежакина, С. М. Рзаева // Евразийский Союз: вопросы международных от-

ношений. 2025. Т. 13, № 9(62). С. 1770–1774. DOI 10.35775/PSI.2024.62.9.005. EDN BQWCVY.

10. Кургинова Д. Ю. К вопросу о том, что такое русофобия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. №1 (78). С. 104–110.

11. Кюстин А. де. «Россия в 1839 году» с комментариями к книге/ пер. с фран. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. Санкт-Петербург : Крига, 2008. 704 основной том, 368 комментариев с.

12. Личак Н. А. Механизмы формирования исторической памяти / Н. А. Личак, Л. А. Тюкина // Дом Романовых и Ярославский край. 2019. С. 277–285.

13. Лобанов А. В. История зарождения русофобии на постсоветском пространстве / А. В. Лобанов, А. С. Коваль // Молодежная инициатива. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза : Изд-во Пензенского государственного аграрного университета, 2023. С. 96–100.

14. Меттан Г. Запад–Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Москва : Аст, 2023. 448 с.

15. Палухина Е. С. Политика исторической памяти в странах ЕС: смена парадигмы или банальная фальсификация истории? // Философия права. 2023. № 2(105). С. 181–186. EDN PGYKEM.

16. Русанов С. А. «Черные береты в истории страны». Тюмень : Сити-Пресс, 2012. 224 с.

17. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. Москва : Изд-во Московского университета, 2013. 624 с.

18. Скутина С. Г. Основные направления совершенствования государственной политики по добровольному переселению соотечественников из-за рубежа / С. Г. Скутина, И. В. Герасимова, М. В. Афонин, В. О. Гришин // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14, № 4(109). С. 1332–1339. DOI 10.35775/PSI.2024.109.4.035. EDN ENKBSN.

19. Тюкина Л. А. Историческая память как механизм регулирования воспоминаний общества / Л. А. Тюкина, Н. А. Личак // Карабахские научные чтения. Эпоха Н. А. Некрасова и Н. А. Некрасов в эпохах: XIX–XX–XXI вв. «Вечное», «забытое», «устаревшее» и «современное» в наследии поэта и культуре его времени. Ярославль : ООО «Академия 76», 2019. С. 104–109.

20. Ширинянец А. А. «Внутренняя» русофобия и «Польский вопрос» в России XIX века / А. А. Ширинянец, А. В. Мырикова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, №1. С. 15–27.

21. Lipatti A. Russophobia and the logic of imperialism // The 2017 Hampton Reader: Selected Essays from a Working-class Think Tank. 2019. С. 221.

22. Wahlang J. Russophobia and the west: a study on europe anti Russian sentiments // International Journal of Russian Studies. 2021. Т. 10, №. 2.

Reference list

1. Afonin M. V. Grazhdanskaja identichnost' i ee ukreplenie v sovremennoj Rossii = Civic identity and its strengthening in modern Russia / M. V. Afonin, S. A. Kudrjavcev, A. L. Krivova // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2023. Т. 13, № 1(94). С. 156–168. DOI: 10.35775/PSI.2023.94.1.017.

2. Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii = Notes on Muscovy / per. s nem. A. I. Maleina A. V. Nazarenko; pod red. V. L. Janina. Moskva : Izd-vo MGU, 1988. 430 s.
3. Grishin O. E. Rossijskaja gosudarstvennost' v doromanovskij period: nekotorye osobennosti stanovlenija i razvitiya = Russian statehood in the Pre-Romanov period: some features of its formation and development / O. E. Grishin, O. A. Nesterchuk, V. A. Glebov, S. I. Popov // Voprosy istorii. 2023. № 4-2. S. 110–117. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202304Statyi45. EDN YSIEH
4. Il'in A. N. Rusofobija v Pribaltike = Russophobia in the Baltic States // Gorizonty gumanitarnogo znanija. 2019. № 5. S. 14–46.
5. Interv'ju Ministra inostrannyh del Rossii S. V. Lavrova Rossijskomu obshhestvu «Znanie» «na poljah» Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo foruma, Sankt-Peterburg, 17 ijunya 2023 goda = Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov to the Russian Society Znanie on the sidelines of St. Petersburg International Economic Forum, St. Petersburg, June 17, 2023 // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1888902/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000c1f5418aed4c9ede655dab3d64bdc65480f513a727bf3fab83dbd11c94cb146b089df9d4e814300060fa731265aad8abecd887da168d1db9b276b477049d08c41dcd4d5f41cb7b7afea01441ab93ec8effe1f0231a54b71 (data obrashhenija: 20.01.2024).
6. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedenija, rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i noveishego vremeni. Sbornik materialov Pjatoj mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh i specialistov «Clio-2015» = Historical documents and current problems of archeography, source studies, Russian and Global history of modern and contemporary times. Materials of the Fifth International Conference of Young Scientists and Specialists “Clio-2015” / [gl. redaktor A. K. Sorokin, otv. red. S. A. Kotov]. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2015. 486 s.
7. Kobjakov Ju. A. Nacionalizm kak instrument razrushenija SSSR = Nationalism as a tool for destroying the USSR // Mir novostej. URL: <https://newpressa.pressa.ru/text-reader/161802/article/163787> (data obrashhenija: 18.01.2025).
8. Krondo N. B. Rusofobija vo vnutrennej politike gosudarstv Baltii = Russophobia in the home policy of the Baltic States / N. B. Krondo, D. S. Dadajan // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-jekonomicheskogo instituta. 2019. № 1. S. 130–140.
9. Kujdin D. O. Instrumenty i mehanizmy inostrannogo vlijanija na vnutrennjuju politiku Rossii v sfere vysshego obrazovanija i nauki = Tools and mechanisms of foreign influence on Russia's home policy in the field of higher education and science / D. O. Kujdin, E. V. Polezhajkina, S. M. Rzaeva // Evrazijskij Sojuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij. 2025. T. 13, № 9(62). S. 1770–1774. DOI 10.35775/PSI.2024.62.9.005. EDN BQWCVY.
10. Kurginova D. Ju. K voprosu o tom, chto takoe rusofobija = On the question of what Russophobia is // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2024. №1 (78). S. 104–110.
11. Kjustin A. de. “Rossija v 1839 godu” s kommentarijami k knige = “Russia in 1839” with comments to the book / Perevod s francuzskogo O. Grinberg, S. Zenkina, V. Mil'chinoj, I. Staf. Sankt-Peterburg : Kriga, 2008. 704 osnovnoj tom, 368 kommentarij s.
12. Lichak N. A. Mehanizmy formirovanija istoricheskoi pamjati = Mechanisms of forming historical memory / N. A. Lichak, L. A. Tjukina // Dom Romanovyh i Jaroslavskij kraj. 2019. S. 277–285.

13. Lobanov A. V. Istorija zarozhdenija rusofobii na postsovetском prostranstve = The history of Russophobia origin in the post-Soviet space / A. V. Lobanov, A. S. Koval' // Molodezhnaja iniciativa. Cbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Penza : Izd-vo Penzenskogo gosudarstvennogo agramogo universiteta, 2023. S. 96–100.
14. Mettan G. Zapad–Rossija: tysjacheletnjaja vojna. Istorija rusofobii ot Karla Velikogo do ukraïnskogo krizisa = West–Russia: The millennial war. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis. Moskva : Ast, 2023. 448 s.
15. Paluhina E. S. Politika istoričeskoj pamjati v stranah ES: smena paradigm ili banal'naja fal'sifikacija istorii? = The policy of historical memory in the EU countries: a paradigm change or a banal falsification of history? // Filosofija prava. 2023. № 2(105). S. 181–186. EDN PGYKEM.
16. Rusanov S. A. “Černye berety v istorii strany” = “Black berets in the history of the country”. Tjumen' : Siti-Press, 2012. 224 s.
17. Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologija = The Russian issue in the history of politics and thought. The Anthology / pod red. A. Ju. Shutova, A. A. Shirinjanca. Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013. 624 s.
18. Skutina S. G. Osnovnye napravlenija sovershenstvovanija gosudarstvennoj politiki po dobrovol'nomu pereseleniju sootečestvennikov iz-za rubezha = The main directions of improving the state policy on the voluntary relocation of compatriots from abroad / S. G. Skutina, I. V. Gerasimova, M. V. Afonin, V. O. Grishin // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2024. T. 14, № 4(109). S. 1332–1339. DOI 10.35775/PSI.2024.109.4.035. EDN EHKBSN.
19. Tjukina L. A. Istoričeskaja pamjat' kak mehanizm regulirovanija vospominanij obshhestva = Historical memory as a mechanism for regulating memories in society / L. A. Tjukina, N. A. Lichak // Karabihskie nauchnye čtenija. Jepoha N. A. Nekrasova i N. A. Nekrasov v jepohah: XIX-XX-XXI vv. “Vechnoe”, “zabytoe”, “ustarevshee” i “sovrremennoe” v nasledii pojeta i kul'ture ego vremeni. Jaroslavl' : OOO “Akademija 76”, 2019. S. 104–109.
20. Shirinjanc A. A. “Vnutrennjaja” rusofobija i “Pol'skij vopros” v Rossii XIX veka = “Internal” Russophobia and the “Polish Question” in 19th Century Russia / A. A. Shirinjanc, A. V. Myrikova // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlenčeskoe proektirovanie. 2015. T. 8, №1. S. 15–27.
21. Lipatti A. Russophobia and the logic of imperialism // The 2017 Hampton Reader: Selected Essays from a Working-class Think Tank. 2019. S. 221.
22. Wahlang J. Russophobia and the west: a study on europe anti Russian sentiments // International Journal of Russian Studies. 2021. T. 10, №. 2.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.
The article was submitted on 24.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Научная статья
УДК 327+81'272
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-47
EDN LVQHSX

Языковая политика в Республике Гана: социоаксиологическая перспектива

Инна Алексеевна Воронцова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль

arinna1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5897-9299>

Аннотация. В настоящей статье языковая политика Республики Гана исследуется сквозь призму социоаксиологического подхода, что позволяет выявить ценностные основания и идейные противоречия, определяющие государственное управление языковым разнообразием. В центре внимания находится достижение баланса между необходимостью языковой интеграции через официальный язык и императивом сохранения этнокультурного многообразия как фундамента национальной идентичности. На примере языковой ситуации в Гане показано, как колониальное наследие влияет на выстраивание языковой иерархии, где английский язык, занимающий доминирующее положение в образовательной, административной сферах и СМИ, маргинализирует статус местных языков. Автор статьи полагает, что существующие законодательные инициативы и программы поддержки языков коренных народов Ганы сталкиваются не только с проблемами утилитарно-практического характера (ограниченный охват образовательными проектами, дефицит ресурсов и др.), но и с ценностным конфликтом между глобализационными и локалистическими ориентирами. К положительным сдвигам в имплементации языковой политики в Республике Гана относятся медиа-вещание на местных языках, интеграция языков коренных народов в цифровую среду, реализация различных этнокультурных проектов и инициатив. В заключении обосновывается, что эффективная языковая политика должна носить комплементарный характер, будучи нацеленной как на функциональное распределение языков, так и на гармонизацию аксиологических систем: обеспечение социальной справедливости, устойчивого развития и сохранения национального культурного кода через сбалансированное укрепление официального и автохтонных языков.

Ключевые слова: языковая политика; многонациональное государство; Республика Гана; аксиология; ценность; культурная идентичность; языковое разнообразие; колониальное наследие; образование; СМИ

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000).

Для цитирования: Воронцова И. А. Языковая политика в Республике Гана: социоаксиологическая перспектива // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 47–64. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-47>.
<https://elibrary.ru/LVQHSHX>.

Original article

Axiological aspects of implementing language policy in a multinational state (the case of the Republic of Ghana)

Inna A. Vorontsova

Candidate of the philological sciences, associate professor of the department of theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
arinna1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5897-9299>

Abstract. The present article employs a socio-axiological approach to examine the language policy of the Republic of Ghana. This approach facilitates the identification of the value foundations and ideological contradictions that determine the state's management of linguistic diversity. The primary objective is to achieve a balance between the necessity for linguistic integration through the official language and the imperative to preserve ethnocultural diversity as the foundation of national identity. The case of Ghana demonstrates the persistent influence of the colonial legacy on the establishment of a linguistic hierarchy, wherein English, occupying a dominant position in education, administration and the media, marginalizes the status of local languages. The author of the article posits that extant legislative initiatives and programs designed to support indigenous languages are confronted not only with pragmatic challenges (including limited coverage of educational projects and inadequate resources) but also a conflict of values between globalization and localization. Positive developments in the implementation of language policy include media broadcasting in local languages, the integration of indigenous languages into the digital environment, and various ethnocultural projects and initiatives. In conclusion, it is argued that effective language policy should be complementary in nature, aiming not only at the functional distribution of languages, but also at the harmonization of axiological systems. The purpose of such policy is to ensure social justice, sustainable development and the preservation of the national cultural code through the balanced strengthening of official and indigenous languages.

Key words: language policy; multi-ethnic state; Republic of Ghana; axiology; value; cultural identity; linguistic diversity; colonial heritage; education; media

The article was prepared within the framework of the State Assignment to Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky for 2025 from the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic “Axiological bases of formation of students’ value orientations within the framework of international academic mobility in the higher education systems of Russia and West Africa (Ghana, Côte d’Ivoire)” (registry number 720000F.99.1.BN62AB84000).

For citation: Vorontsova I. A. Axiological aspects of implementing language policy in a multinational state (the case of the Republic of Ghana). *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 47–64. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-47>. <https://elibrary.ru/LVQHSX>.

Введение

Язык как сложное социальное явление выступает обязательным условием формирования и развития любой этнической общности. Социально-культурный опыт поколений, зафиксированный и систематизированный в национальном языке, формирует уникальное видение человеком и отдельным лингвокультурным обществом окружающей действительности. Благодаря коллективному социально-историческому прошлому у представителей одного этнокультурного сообщества складывается единая и отличная от других модель действительности, строящаяся на самобытной системе когнитивных, эмотивных и нормативных принципов мировосприятия [Малев, 2019]. В аксиологическом контексте язык выступает главной ценностью бытия для каждого отдельного индивида и для народа в целом, являясь «своеобразным вербальным геномом этнокультурной общности, лежащим в основе ее национального духа, национального характера, национальной идеи,

ментальности. Язык – скрепа любого народа, носитель его цивилизационно-ценностной матрицы, выполняющий социокультурно-генетическую функцию, обеспечивающую сохранение ценностных установок и ориентиров, а тем самым единство нации и культуры» [Малев, 2019, с. 5-6].

Основным механизмом реализации программы сохранения и распространения языка выступает языковая политика государства. Проблема планирования и имплементации языковой политики имеет особую актуальность в многонациональных государствах, где языки отдельных (в первую очередь, малых) этнических групп могут оказаться в зоне риска, будучи вытесненными мажоритарным языком, а носители этих языков будут отрезаны от участия в публичной жизни государства, либо ассимилируются с титульной нацией, утратив этнокультурную идентичность [Петербургский, 2019]. Настоящее исследование посвящено вопросам языковой ситуации и реализации языковой политики в полиэтническом

и мультилингвальном государстве Западной Африки – Республике Гане.

Результаты исследования

По мнению Н. П. Шульгиной, Н. П. Бугаенко, языковая политика – это совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве. Языковая политика является отражением ценностной ориентации государства, ее эффективность зависит от множества факторов – социально-политических, идеологических, психологических, эстетических и др. [Шульгина, Бугаенко, 2014]. Языковая политика является составляющей национальной политики [Бекова, 2024; Замятин, 2023].

Г. Г. Слышкин отмечает, что языковую политику следует рассматривать как комплекс регламентирующих действий государства, направленных на формирование важнейших элементов ценностной картины мира (историческая память, отношение к власти и т. п.), а также служащих оптимизации внутригосударственной коммуникации [Слышкин, 2018].

Языковая политика – это и важный показатель конкурентоспособности страны, инструмент укрепления ее геополитических позиций, компонент «мягкой силы» [Бойчук, 2025; Худоренко, 2020]. Грамотная языковая политика защищает национальные интересы страны, сохраняет ее территориальную и экономическую целостность, способ-

ствует развитию межнационального и межкультурного общения, упрочению творческой, интеллектуальной и нравственной солидарности народов. Языковая политика становится важным стратегическим фактором в обеспечении поступательного развития общества [Шульгина, 2014].

Грамотная языковая политика, в первую очередь в части регламентации статусного соотношения языков на территории государства, имеет, как отмечалось выше, особую значимость в многонациональных государствах с большим количеством народов и этносов, проживающих на их территории. В. Ю. Михальченко выделяет *два важнейших фактора*, способствующих выстраиванию плюралистической языковой политики: учет интересов существующих языковых сообществ и языковое планирование, «отражающее языковые установки общества и нацеленное на долгосрочные перспективы языковой эволюции» [Михальченко, 2024, с. 417]. Среди наиболее важных задач реализации языковой политики в многонациональном государстве следует назвать необходимость достижения баланса между использованием единого государственного (официального) языка для обеспечения коммуникации и интеграции и языков этнических меньшинств, защиты прав меньшинств на использование родных языков в административно-правовой, публичной сфере, обра-

зовании, СМИ. Это непосредственно связано с принятием законов о статусе языков и обеспечением доступности правовой информации на всех основных языках, используемых на территории государства, борьбой с дискриминацией в доступе к работе и услугам из-за языкового барьера, поддержкой преподавания родных языков, включая создание учебных материалов и подготовку педагогов, обеспечением вещания СМИ на разных языках. Необходимы программы обучения государственному языку мигрантов и меньшинств и одновременно поддержка культурных, образовательных и просветительских инициатив на национальных языках. В случае угрозы утраты языков этнических меньшинств требуется финансирование программ по документации и возрождению исчезающих языков.

К главным вызовам в проведении языковой политики в многонациональном государстве относятся:

- противоречия между унификацией (через государственный / официальный язык) и стремлением меньшинств к сохранению национально-культурной и языковой идентичности, давлению языка большинства, а также глобальных языков на местные и, как следствие, утрата родных языков молодежью в пользу более «престижных»;

- демографические изменения, обусловленные миграцией населения, меняющей языковой ландшафт;

- ресурсные ограничения, связанные с высокой стоимостью поддержки многоязычия и дефицитом кадров и материалов для малых языков, и др.

Отдельную группу вызовов формируют проблемы культурного, идеологического и ценностного характера: угроза языковой ассимиляции и утраты культурного наследия; конфликт между «официальной» и «народной» культурами, возникающий в ситуации, когда государственная языковая политика продвигает культуру доминирующей группы, маргинализируя локальные нарративы, что создает иерархию культур, где меньшинства воспринимаются как «второстепенные»; политизация языка и культурные войны, когда язык становится символом идеологической борьбы, а его использование (или запрет) может восприниматься как поддержка / отрицание определенных ценностей. Активное развитие технологий провоцирует угрозу «цифрового разрыва», когда в цифровом пространстве доминируют глобальные языки, а малые языки, напротив, представлены недостаточно, что ограничивает передачу культуры через новые медиа, а цифровой разрыв усиливает неравенство [Dymet, 2019; Zaugg, 2020] и др.

Языковая ситуация в странах Африканского континента исторически отличалась разнородностью и многообразием [Buzasi, 2016]. В доколониальный период на континенте использовалось около (по

некоторым данным – более) двух тысяч языков. Естественные процессы (например, торговля и др.) обеспечивали взаимодействие племен между собой, что приводило к выдвигению отдельных языков как местных *lingua franca*, в частности, суахили в Восточной Африке, хауса в Западной Африке, арабского в Северной Африке.

В период колонизации европейские метрополии навязывали африканским странам свои языки (английский, французский, португальский и др.), используя их как инструмент контроля, однако модели и механизмы насаждения европейских языков отличались друг от друга: так, французская модель отличалась большей жесткостью по отношению к местным языкам, африканские языки подавлялись и вытеснялись (Сенегал, Кот-д'Ивуар, Ангола, Конго и др.). Британская модель характеризовалась большей толерантностью: местные языки сохранялись для управления через туземную администрацию (местных правителей, вождей), которая «выполняла роль буфера между верховной властью европейцев и угнетаемым местным населением» [Багана, 2012, с. 41-42], английский язык становился языком элиты (Нигерия, Кения и др.). Вместе с языком транслировались и ценности метрополии.

После обретения независимости (1960-е гг.) многие африканские страны сохранили языки бывших метрополий в качестве языков

официального общения с целью обеспечения национального единства и получения доступа к глобальным ресурсам. Европейские языки по-прежнему играют значимую роль в бизнесе, политике, науке и поддерживаются межгосударственными объединениями и международными организациями (ср. Британское Содружество наций, Франкофония и др.). Тем не менее в постколониальный период наблюдается рост национального самосознания, что стимулирует интерес к сохранению и распространению национальных, местных языков. Однако, в африканских странах существуют определенные сложности с последовательностью применения мер по поддержке языков коренных народов:

- стратегии проведения языковой политики, закрепленные в директивах министерств и ведомств, как правило, носят рекомендательный характер;

- процесс стандартизации образования на родных языках происходит медленно [Сабирова, 2020];

- наблюдаются проблемы с финансированием проектов по нормализации и цифровизации языков коренных народов [Aboagye Da-Costa, 2019] и др.

Республика Гана – многонациональное государство. Официальным языком Республики является английский. Кроме того, на территории Ганы хождение имеют от 75 до 80 языков коренных народов, 9 (11 – с учетом вариантов языка

акан) из них имеют письменность и получили статус «поддержки правительства», соответственно, используются в образовательной деятельности (акан (имеет три диалекта – аквапим-чви (тви), ашанти-чви (тви), фанте), эве, дагбани, (а)дангме, дагари, га, нзима, гонджа, касем) [Davis, 2012]. Кроме того, часть населения владеет иностранными языками – арабским, французским, рядом чадских языков, имеющих особую значимость для ведения торгово-экономической деятельности в Африке и отражающих особенности миграционных процессов на континенте и в его отдельных регионах [Сабирова, 2021].

Сохранение английского языка как официального (о вариативности ганского английского (*Ghanaian (Pidgin) English*) подробнее см. [Сиака, 2004]) в стране имеет историческую детерминированность. После 1925 г., когда на территории Республики окончательно установилась власть Великобритании (в колониальный период Гана носила название Золотой Берег – *the Gold Coast*), был принят закон об использовании английского языка как языка официального общения, который применялся в административной и судебной практике, образовании и др., и сохранил позицию официального языка после обретения страной независимости в 1957 г.

Укреплению позиций английского языка в постколониальный пери-

од способствовал целый ряд факторов. Во-первых, Гана сразу присоединилась к Британскому Содружеству наций, соответственно, на протяжении всего периода сохраняла связь с бывшей метрополией. Это оказало и продолжает оказывать существенное влияние на особенности функционирования органов законодательной и исполнительной власти в Республике: в частности, заседания ганского парламента и правительства проводятся на английском языке, знание английского – неременное условие для успешной политической карьеры [Сабирова, 2021], получения высшего образования. Во-вторых, усиление влияния английского языка в Гане определяет процесс глобализации и открывающиеся вместе с ним перспективы трудоустройства в международных компаниях, вовлеченность в глобальную коммуникацию, доступ к импортным товарам и услугам и др. Английский язык воспринимается как инструмент, необходимый для достижения высокого уровня культурного и интеллектуального развития, экономического и финансового благосостояния. По мнению Д. Р. Сабировой, Р. Тенкоранг, английский язык в Гане считается более престижным, чем местные языки [Сабирова, 2021]. Наконец, сохранению доминирования английского и вместе с тем маргинализации языков коренных народов способствовала не всегда стабильная и последовательная языковая

политика, реализуемая правительством в образовательном пространстве и СМИ.

Исследователи (А. Anyidoho, С. Owu-Ewie, А. А. Wornyo) указывают на то, что обучение на родном языке ведется только в первые три года начальной школы, при этом предлагаемые для изучения в школе языки этнических групп не всегда совпадают с родными языками учащихся. Критикуется и порядок введения английского языка как языка образования – резкий переход к преподаванию предметов на английском языке не обеспечивает нормального усвоения учащимися ни английского языка, ни содержания преподаваемых на нем предметов [Anyidoho, 2018; Owu-Ewie, 2006; Wornyo, 2015].

Причины непоследовательности языковой политики в сфере образования в Гане включают отсутствие институционального фундамента для эффективного наблюдения за процессом имплементации языковой политики в образовании, нехватку подготовленных учителей языков коренных народов Ганы, отсутствие учебно-методических материалов для эффективного обучения родным языкам [Сабирова, 2020]. Дополнительной сложностью в продвижении языков коренных народов страны является отсутствие стандартов по их письменной форме.

А. А. Ворньо выдвигает идею о том, что бессистемность в реализации языковой политики, наряду с

отказом от решения более глубоких проблем – слабости материальной базы государственных школ, дефицита кадров, нарушений учителями трудовой дисциплины, отсутствия у учителей мотивации и др. (особенно в сельских районах) – продиктована стремлением правящих (англоязычных) элит сохранить власть в своих руках, обеспечить «закрытость элит» (*elite closure*). По мнению исследователя, политики намеренно игнорируют системные проблемы, чтобы ограничить доступ масс к качественному образованию [Wornyo, 2015].

Отдавая предпочтение овладению английским языком как более перспективным, часть жителей страны все же выступают за повсеместное использование родных языков, справедливо считая их средством отражения национальных ценностей и традиционной культуры [Сабирова, 2020]. О значимости родного языка говорят и специалисты в области билингвизма: по их мнению, качественная подготовка учащихся по родному языку не только обеспечит школьникам определенный уровень грамотности, но и будет способствовать формированию уровня языковой компетентности, необходимой для усвоения английского языка [Сабирова, 2020]. Поддержку получает инициатива по изучению других ганских языков (кроме родного) на старших этапах средней школы.

Д. Р. Сабирова, Р. Тенкоранг отмечают некоторые положительные

сдвиги в сторону национализации («локализации») языковой политики Ганы в образовательной сфере. Исследователи указывают на популяризацию таких ганских языков, как *акан*, *га* и *эве* как одну из мер поддержания самобытной культуры их носителей (следует отметить, однако, что другие авторы [Anyidoho, 2018] говорят о принуждении к изучению этих языков в мультязычных регионах Ганы, где данные языки не являются для школьников родными). Популярность приобретают ежегодные фестивали по сохранению национальных языков и культур. Проводимые мероприятия (национальные игры, фестивали национальной музыки и танца, костюмированные представления и др.) содействуют решению задач устойчивого развития языков коренных народов, их интеграции на социальном и культурном уровнях [Сабинова, 2020].

Д. Р. Сабинова, Р. Тенкоранг достаточно высоко оценивают потенциал языкового проекта *National Literacy Acceleration Program (NALAP)* – комплексной программы обучения грамоте на родном языке, целью которой является формирование у учащихся читательской компетенции на языках коренных народов Ганы [Сабинова, 2020], знакомство школьников с национальными литературами и культурами, формирование системы этнокультурных ценностей. Не все исследователи, однако, разделяют позитивный настрой в отношении

данной программы, отмечая, что она охватывает лишь 9 из 75–80 коренных языков Ганы, лишая, таким образом, школьников возможности полноценно осваивать родной язык и культуру [Anyidoho, 2018].

Изменения сегодня наблюдаются и в языковой политике в сфере СМИ: в последние два десятилетия она отмечена явным разворотом в сторону вещания на языках коренных народов. Если в конце XX столетия в медийном пространстве абсолютно доминировал английский язык (в конце 2000 г., через четыре года после либерализации эфира, когда рынок теле- и радиовещания был открыт для частных компаний, а государственная монополия на СМИ была сокращена, ни одна FM-станция Ганы не вещала на местном языке, исключительно на английском языке вещание вели и все новые FM-станции, появившиеся в тот период, – Joy FM, Gold FM, Vibe FM, Legon FM, Groove FM [Aboagye Da-Costa, 2019]), то сегодня около двух третей FM-станций в Гане ведут трансляции на местных языках, а Государственная телерадиовещательная корпорация Ганы (*Ghana Broadcasting Corporation*) стремится охватить разнообразные этнические группы через вещание на основных местных языках (11 – по данным Отчета о медиа-ландшафте Ганы *African Media Barometer Ghana* (2020)). Трансляции на местных языках обеспечивают до-

ступ к информации неграмотному населению страны, численность которого по-прежнему остается довольно высокой (около 23,4 %, по данным переписи 2010 г.) [Aboagye Da-Costa, 2019].

Признавая безусловно положительные сдвиги в языковой политике в области СМИ, исследователи указывают и на некоторые проблемные зоны. К ограничениям в вещании на языках коренных народов относят некоторую бедность лексического инвентаря местных языков, наличие лакун, которые приходится заполнять, используя прямые заимствования из английского языка или громоздкие описания, что несколько размывает культурное своеобразие языков, негативным образом сказывается на стилистическом оформлении текста. Особенностью работы вещательных СМИ является и то, что новостные тексты пишутся на английском языке, а затем (в прямом эфире) переводятся на местные языки, что обусловлено либо отсутствием у местного языка письменной основы, либо владением дикторами и комментаторами исключительно устной стороной местного языка [Aboagye Da-Costa, 2019].

Положение языка в ганских СМИ закреплено в различных нормативных документах: Национальная политика в области СМИ (*National Media Policy*, 2000), Закон о вещании (*Broadcasting Act*, 2014), Стандарты вещания (*Broadcasting Standards*, 2001), Руководство

Национальной комиссии по СМИ о вещании на местных языках (*National Media Commission's Guidelines for Local Language Broadcasting*, 2009). Во всех этих документах признается, что Гана является полиэтническим, мультикультурным и многоязычным государством, соответственно, все документы пропагандируют использование в СМИ местных языков. Однако исследователи отмечают отсутствие синхронизации языковой политики в СМИ с общей национальной языковой политикой, что ведет к противоречиям: английский доминирует в образовании и официально-деловой сфере, тогда как СМИ продвигают местные языки. Исследователи и общественники также подчеркивают необходимость выработки единого документа, регулирующего использование языков в различных сферах, говорят о недостаточно последовательной и системной деятельности учреждений, ответственных за сохранение языков коренных народов Ганы: так, Бюро языков Ганы (*The Bureau of Ghana Languages*) занимается публикацией литературы только на 11 (включая диалекты *акан*) из 75 (80) местных языков, что ограничивает их развитие; дефицит контроля и поддержки в продвижении местных (главным образом, бесписьменных) языков приводит к их постепенному вымиранию [Aboagye Da-Costa, 2019].

Ощущается острая необходимость в словарях, электронных

справочных и информационных ресурсах на местных языках. Актуальным признается вопрос сокращения цифрового разрыва. Здесь, однако, тоже очевидны качественные преобразования: в частности, компания Google запустила поисковые системы на нескольких ганских языках, в том числе *акан*, *эве*, *хауса* и *га*, предоставив носителям языков доступ к более широкому информационному пространству [Aboagye Da-Costa, 2019].

В рамках исследования вопроса реализации языковой политики в Республике Гана автором статьи был проведен опрос местного населения Республики, нацеленный на уточнение текущей языковой ситуации в Гане (с опорой на конкретный регион) и выявление проблемных зон проводимой в стране языковой политики. Опросный лист содержал 20 вопросов, касающихся использования языков в различных социальных контекстах (общение в семье, образовательных учреждениях, на рабочем месте и др.), уровня владения официальным и местными языками, доступность информационного контента (СМИ, социальные медиа, ИИ-инструменты и др.) на английском и ганских языках, степени обеспокоенности языковой ситуацией и др. Ряд вопросов касался значимости мер поддержки местных языков для сохранения традиций и ценностей этнических групп, проживающих на территории Ганы, и предложений по улучшению языковой

политики в стране на разных уровнях. В опросе приняли участие 64 человека – главным образом, студенты и преподаватели университета Ганы. Возраст респондентов варьировался от 18 до 35 лет, преобладающая возрастная группа – 18–25 лет (93,8 %). Регион проживания – преимущественно, Большая Аккра (76,6 %), остальные регионы представлены существенно меньшим числом участников (Вольта – 7,8 %, Ашанти – 4,7 % и др.).

Нативный лингвистический портрет описываемой группы респондентов весьма разнороден и включает такие языки, как *чви* (*аквапим-чви* (*тви*) и *ашанти-чви* (*тви*)) являются наречиями языка *акан*, респонденты не уточняли, каким из наречий владеют) – 43,8 % (28 человек), *эве* – 14,1 % (9 человек), *га* – 12,5 % (8 человек), *фанте* – 12,5 % (8 человек), *дагбани* – 3,2 % (2 человека), *дангме* – 1,5 % (1 человек), *зарма* (джерма) – 1,5 % (1 человек), *фарефаре* (фрафра) – 1,5 % (1 человек); 9,4 % (6 человек) респондентов считают родным языком английский. Уровень владения родным языком респонденты в основном (79 %) оценивают как высокий (42,2 % (27 человек) оценили его как «уровень родного языка» (*native*), 35,9 % (23 человека) – как «продвинутый» (*advanced*)); тем не менее 12,5 % (8 человек) указали, что владеют родным языком на среднем уровне (*intermediate*) и 9,4 % (6 человек) – на базовом.

Для 100 % респондентов родной язык является основным средством общения в семье, что представляется вполне естественным и предсказуемым, однако с учетом значимости английского языка в других социальных контекстах в 22 случаях (34,4 %) английский указывался как язык домашнего общения наряду с коренным ганским языком (напомним, что для 6 участников английский является родным). Все респонденты (100 %) назвали английский язык основным средством коммуникации на работе; 84,4 % (54 человека) оценивают знание языка бывшей метрополии как крайне необходимое (*essential*), 15,6 % (10 человек) – как полезное (*useful*) для участия в социально-экономической жизни общества. Для 6 участников опроса рабочими языками также являются чви – 6,4 % (4 человека) и русский язык – 3,2 % (2 человека), что объясняется спецификой группы, принимавшей участие в опросе (значительная часть респондентов изучает русский язык как иностранный в рамках своих образовательных программ – см. [Бойчук, 2025, с. 96-97, 100-103], некоторые преподают русский язык). Спектр языков, которыми респонденты владеют на уровне, обеспечивающем комфортную коммуникацию, дополняется языком хауса (1,5 % – 1 человек (язык распространен в целом ряде государств Западной Африки, в том числе Нигерии, Нигере, Камеруне, Гане и др.)) и французским (1,5 % –

1 человек), что в целом соответствует лингвистическому ландшафту Африканского континента вообще и Ганы, в частности, отмечаемому другими исследователями [Сабирова, 2021].

В 100 % случаев английский язык указывался респондентами как язык средств массовой информации, социальных сетей и поисковых систем. Кроме английского, в медийном поле и онлайн-коммуникации, по мнению участников опроса, активно представлены чви (46,9 % – 30 респондентов), га (15,6 % – 10 респондентов), отмечается доступность информационного контента на языках эве (3,2 % – 2 респондента) и фанте (4,7 % – 3 респондента), из иностранных языков – на суахили (1,5 % – 1 респондент), французском (4,7 % – 3 респондента), испанском (6,4 % – 4 респондента), русском (7,8 % – 5 респондентов) языках. Для 37,5 % участников количество контента на коренных языках Ганы представляется достаточным и даже «изобильным» (*abundant*) – разумным будет предположить, что такой ответ давали респонденты, владеющие и пользующиеся наречиями чви и языками эве и га, поскольку, учитывая ответы на другие вопросы, чви (акан), эве и га относятся к наиболее популярным и широко поддерживаемым в образовательной, социально-экономической и др. среде; 45,3 % респондентов указали на ограниченность информационного

контента на локальных языках Ганы, 17,2 % – на его редкость. 56,3 % участников (36 человек) не имеют опыта использования цифровых и интеллектуальных инструментов (в частности, чат-ботов, машинных переводчиков и др.) для локальных языков, здесь доминирующая роль закономерно принадлежит английскому; тем не менее 43,7 % респондентов пользуются ИИ-инструментарием, разработанным для коренных языков (здесь речь вновь идет о чви – наиболее популярных наречиях языка акан – и языках эве и га – см. инициативы компании Google).

Большинство респондентов (84,4 %) считают, что языки народов Ганы должны преподаваться в школе и/или университете как отдельная учебная дисциплина и оценивают свой опыт изучения локального языка в образовательном учреждении как имеющий положительное влияние на общий уровень их образованности (87,5 %); 65,6 % участников полагают, что есть ганские языки, находящиеся под угрозой исчезновения, и, соответственно, нуждающиеся в защите со стороны общества и государства; 100 % респондентов высказали мнение, что знание местных языков способствует сохранению культуры и ценностей народов и этносов, говорящих на данных языках.

По мнению 84,4 % участников (54 человека), главным инструментом сохранения языков коренных народов Ганы выступает семья, за-

тем – школа (67,2 %), СМИ – 48,4 %, правительство (28,1 %). В ответах респондентов на вопрос о ключевых действиях и инициативах со стороны правительства по сохранению локальных языков и проведению плюралистической языковой политики в Гане предлагается весьма широкий репертуар мер, которые представляются респондентам эффективными – некоторые из них созвучны инициативам, успешно применяемым и/или апробированным в других государствах, другие носят более оригинальный характер и отражают языковую и социальную ситуацию конкретного государства.

К традиционным мерам следует отнести меры юридического характера – принятие законов, обязывающих и регламентирующих преподавание локальных языков в образовательных учреждениях разных уровней, официальный переход к мультилингвизму и закрепление за местными языками (в частности, чви (акан)) статуса государственного (официального) языка, регламентация использования местных языков в публичном пространстве и СМИ, личный пример политиков и членов правительства, использование местных языков при общении с потенциальным работодателем и др.; среди эффективных мер экономического плана респонденты называют инвестиции в систему школьного и университетского образования, в частности, подготовку педагогов по языкам коренных народов Ганы, создание учебников и

учебных ресурсов для обучения местным языкам, коллаборации с представителями бизнеса и технологий в целях создания ИИ-инструментов для обработки и систематизации локальных языков, учреждение стипендий для учащихся (студентов), выбирающих в процессе получения образования предметы, связанные с углубленным изучением местных языков, и др. К более специфичным для Ганы проблемам можно отнести недостаточную осведомленность населения по вопросу сохранения языков коренных народов. Участники опроса видят решение проблемы в реализации публичных и культурных инициатив, включая создание на местных языках рекламного контента, кино- и телевизионных фильмов, музыки и песен, учреждение Дней языков коренных народов Ганы и т. д. Респонденты в целом положительно оценивают мультиязычный и поликультурный контекст, сложившийся в стране, считают изучение разных языков (как местных, так и иностранных, в том числе русского) безусловным преимуществом и залогом личного и профессионального развития.

Заключение

Таким образом, язык выступает ключевым элементом этнической и культурной идентичности, формируя уникальную картину мира через систему ценностей, исторический опыт и когнитивные модели. В многонациональных государствах, таких как Гана, языковая политика становится стратегическим

инструментом балансирования между интеграцией через доминирующий язык и сохранением культурного многообразия.

Выбор английского языка в качестве официального в Гане определяет ориентацию государства и общества на глобальную культуру и глобальные ценности, а также способствует распространению ценностей, создаваемых бывшей метрополией. Доминирование одного (английского) языка в образовании и административно-правовой сфере, с одной стороны, обеспечивает интеграцию и социальную мобильность населения и содействует трансляции ценностей, связанных с открытостью и эффективностью действий, прозрачностью информации и др., с другой – может привести к культурной ассимиляции меньшинств и утрате их этнокультурной идентичности. В социальном плане, особенно в условиях неполной доступности или низкого качества образования, результатом такой политики становится закрытость и замыкание элит и отсутствие вертикальной мобильности, социального лифта. Соответственно, актуальность приобретает политика использования в общественно значимых сферах нескольких языков, что будет способствовать сохранению культурного разнообразия и инклюзии, улучшать возможности достижения финансового, социального и психологического благополучия населения. Насущным остается и вопрос каче-

ства преподавания официального (английского) языка в государственных школах Ганы.

Шаги по диверсификации языковой политики в Гане с целью сохранения этнокультур и их ценностей, укрепления «чувства принадлежности» к определенной этнической и языковой группе, национальной и этнокультурной идентичности, а также повышения уровня грамотности и осведомленности населения и доступности благ предпринимаются в разных сферах и посредством разных программ и решений. Это законодательные, образовательные, культурные инициативы, а также

либерализация СМИ и цифровизация языков (например, локализация Google).

Эффективность языковой политики в Гане зависит от успешности синхронизации мер в экономике, образовании, СМИ и законодательстве, а также грамотности шагов по ее (политики) ресурсному и кадровому обеспечению. Для устойчивого развития Гане требуется единая стратегия, сочетающая укрепление государственного языка с защитой этнического многообразия, обеспечение политической воли и совместных решений с участием всех заинтересованных сторон.

Библиографический список

1. Багана Ж. Языковая политика на территории Африки в колониальный период // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. №18 (137). С. 40–46.
2. Бекова Р. М. Политика сохранения национальной языковой идентичности на примере валлийского языка // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19, № 4 (69). С. 108–115.
3. Бойчук Е. И. Сотрудничество российских педагогических вузов со странами Западной Африки (опыт центров открытого образования) / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова // Ученые записки Института Африки РАН. 2025. Т. 11. №2. С. 92–105.
4. Замятин К. Ю. Разработка концепции государственной языковой политики: проблемы согласования бюрократического и академического подходов // Социолингвистика. 2023. №4 (16). С. 119–143.
5. Малев А. В. Аксиологические аспекты реализации языковой политики России в профессионально-методической подготовке учителя иностранного языка / А. В. Малев, С. В. Чернышов // Преподаватель XXI век. 2019. №4-1. С. 32–43.
6. Михальченко В. Ю. Проблема адекватности языковой политики и языковой ситуации в многонациональных странах // Мир науки, культуры, образования. 2024. №4 (107). С. 416–417.
7. Петербургский М. Ю. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. №1 (128). С. 79–91.
8. Сабирова Д. Р. Сохранение и развитие языков коренных народов в Республике Гана / Д. Р. Сабирова, Р. Тенкоранг // Казанский лингвистический журнал. 2021. № 1(4). С. 93–110.

9. Сабирова Д. Р. Языковая ситуация в поликультурном образовательном пространстве Республики Гана / Д. Р. Сабирова, Р. Тенкоранг // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. С. 73–82.
10. Сиака Н. В. Формирование английского языка межкультурного общения в Африке (на материале культуры Ганы). Санкт-Петербург, 2004. 24 с.
11. Слышкин Г. Г. Языковая политика: аксиология и прагматология // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, Челябинск, 28–30 мая 2018 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский государственный университет; Институт лингвистики и международных коммуникаций; Тяньцзиньский университет иностранных языков. Том 2. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 2018. С. 110–113.
12. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. №2. С. 163–182.
13. Шульгина Н. П. Языковая политика как отражение ценностей многонационального государства / Н. П. Шульгина, Н. П. Бугаенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. №2. С. 7–15.
14. Aboagye Da-Costa C. Language Practice and the Dilemma of a National Language Policy in Ghana: The Past, Present and Future Future / C. Aboagye Da-Costa, A. Adade-Yeboah // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Vol. 9. No 3. Pp. 142–149.
15. Anyidoho A. Shifting Sands: Language Policies in Education in Ghana and Implementation Challenges // Ghana Journal of Linguistics. 2018. 7.2. P. 225–243.
16. Buzasi K. Linguistic situation in twenty sub-Saharan African countries: A survey-based approach // African Studies. 2016. Vol. 75, No. 3. P. 358–380.
17. Davis E., Agbenyega J. S. Language policy and instructional practice dichotomy: The case of primary schools in Ghana // International Journal of Educational Research. 2012. Vol. 53. P. 341–347.
18. Dymet M. Digital language divide in the European High North: The level of online presence of minority languages from Northern Finland, Norway and Sweden // The Yearbook of Polar Law Online. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 245–274.
19. Owu-Ewie C. The Language Policy of Education in Ghana: A Critical Look at the English-Only Language Policy of Education // Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics, ed. John Mugane et al. 2006. P. 76–85.
20. Wornyo A. A. Language Policy Debate in Ghana: A Means of Elite Closure // Sociology Study. 2015. Vol. 5. No.8. P. 643–652.
21. Zaugg I. A. Digital inequality and language diversity: An Ethiopic case study // Digital inequalities in the global south. Cham: Springer International Publishing. 2020. P. 247–267.

Reference list

1. Bagana Zh. Jazykovaja politika na territorii Afriki v kolonial'nyj period = Language policy in Africa during the colonial period // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznaniya. 2012. №18 (137). S. 40–46.

2. Bekova R. M. Politika sohraneniya nacional'noj jazykovoj identichnosti na primere vallijskogo jazyka = The policy of preserving national linguistic identity using the example of the Welsh language // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2023. T. 19, №. 4 (69). S. 108–115.
3. Bojchuk E. I. Sotrudnichestvo rossijskikh pedagogicheskikh vuzov so stranami Zapadnoj Afriki (opyt centrov otkrytogo obrazovaniya) = Collaboration of Russian pedagogical universities with West African countries (open education centers' experience) / E. I. Bojchuk, I. A. Voroncova // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2025. T. 11, №2. S. 92–105.
4. Zamjatin K. Ju. Razrabotka koncepcii gosudarstvennoj jazykovoj politiki: problemy soglasovaniya bjurokraticheskogo i akademicheskogo podhodov = Working out the concept of state language policy: coordination of bureaucratic and academic approaches // Sociolingvistika. 2023. №4 (16). S. 119–143.
5. Malev A. V. Aksiologicheskie aspekty realizacii jazykovoj politiki Rossii v professional'no-metodicheskoy podgotovke uchitelja inostrannogo jazyka = Axiological aspects of implementing the Russian language policy in professional and methodological training of a foreign language teacher / A. V. Malev, S. V. Chernyshov // Prepovedatel' XXI vek. 2019. №4-1. S. 32–43.
6. Mihal'chenko V. Ju. Problema adekvatnosti jazykovoj politiki i jazykovoj situacii v mnogonacional'nyh stranah = The issues of the language policy adequate to the language situation in multinational countries // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2024. №4 (107). S. 416–417.
7. Peterburgskij M. Ju. Jazykovye prava nacional'nyh men'shinstv v sisteme rossijskogo obrazovaniya = Linguistic rights of national minorities in the Russian education system // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2019. №1 (128). S. 79–91.
8. Sabirova D. R. Sohranenie i razvitie jazykov korennyh narodov v Respublike Gana = Preservation and development of indigenous languages in the Republic of Ghana / D. R. Sabirova, R. Tenkorang // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2021. № 1(4). S. 93–110.
9. Sabirova D. R. Jazykovaja situacija v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Respubliki Gana = The linguistic situation in the multicultural educational space of the Republic of Ghana / D. R. Sabirova, R. Tenkorang // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2020. № 2. S. 73–82.
10. Siaka N. V. Formirovanie anglijskogo jazyka mezhkul'turnogo obshhenija v Afrike (na materiale kul'tury Gany) = Formation of English as a language of intercultural communication in Africa (based on the culture of Ghana). Sankt-Peterburg, 2004. 24 s.
11. Slyshkin G. G. Jazykovaja politika: aksiologija i praksiologija = Language policy: Axiology and praxeology // Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Cheljabinsk, 28–30 maja 2018 goda / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii; Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet; Institut lingvistiki i mezhdunarodnyh kommunikacij; Tjan'czin'skij universitet inostrannyh jazykov. Tom 2. Cheljabinsk : Izdatel'skij centr JuUrGU. 2018. S. 110–113.
12. Hudorenko E. A. Jazykovaja politika Rossii v kontekste evrazijskoj integracii = Russian language policy in the context of Eurasian integration // Politicheskaja nauka. 2020. №2. S. 163–182.
13. Shul'gina N. P. Jazykovaja politika kak otrazhenie cennostej mnogonacional'nogo gosudarstva = Language policy reflecting the values of a multinational state /

N. P. Shul'gina, N. P. Bugaenko // *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*. 2014. №2. S. 7–15.

14. Aboagye Da-Costa C. Language Practice and the Dilemma of a National Language Policy in Ghana: The Past, Present and Future / C. Aboagye Da-Costa, A. Adade-Yeboah // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2019. Vol. 9, No 3. Pp. 142–149.

15. Anyidoho A. Shifting Sands: Language Policies in Education in Ghana and Implementation Challenges // *Ghana Journal of Linguistics*. 2018. 7.2. P. 225–243.

16. Buzasi K. Linguistic situation in twenty sub-Saharan African countries: A survey-based approach // *African Studies*. 2016. Vol. 75, No. 3. P. 358–380.

17. Davis E., Agbenyega J. S. Language policy and instructional practice dichotomy: The case of primary schools in Ghana // *International Journal of Educational Research*. 2012. Vol. 53. P. 341–347.

18. Dymet M. Digital language divide in the European High North: The level of online presence of minority languages from Northern Finland, Norway and Sweden // *The Yearbook of Polar Law Online*. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 245–274.

19. Owu-Ewie C. The Language Policy of Education in Ghana: A Critical Look at the English-Only Language Policy of Education // *Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics*, ed. John Mugane et al. 2006. P. 76–85.

20. Wornyo A. A. Language Policy Debate in Ghana: A Means of Elite Closure // *Sociology Study*. 2015. Vol. 5. No.8. R. 643–652.

21. Zaugg I. A. Digital inequality and language diversity: An Ethiopic case study // *Digital inequalities in the global south*. Cham: Springer International Publishing. 2020. P. 247–267.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-312.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-65
EDN KOYXYR

Романы Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь в аспекте экофеминизма

Фу Шаньшань^{1✉}, Фу Мэйянь²

¹Аспирант, Тяньцзиньский университет иностранных языков, КНР, г. Тяньцзинь.

²Доктор филологических наук, доцент, заместитель директор Института европейских языков и культур, Тяньцзиньский университет иностранных языков, КНР, г. Тяньцзинь.

¹1773950835@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0009-5083-2458>

²fmy@tjfsu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-0862-0461>

Аннотация. Гузель Яхина, писательница татарского происхождения из России, и китайская писательница Чи Цзыцзянь, как выдающиеся современные авторы-женщины, демонстрируют в своем творчестве яркие черты межкультурного диалога. В романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхина описывает путь ссылки и пробуждения татарской женщины, тогда как Чи Цзыцзянь в романе «Правый берег реки Аргунь» рисует столетнюю судьбу и духовный мир эвенкийского народа. Статья представляет собой сравнительный анализ романов Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» в рамках экофеминистского подхода. Опираясь на методы сопоставительного и контекстуального анализа, в исследовании рассматриваются судьба женщины в патриархальной системе, ее связь с природой, а также экофеминистские концепции, отраженные в творчестве обеих писательниц.

Оба произведения написаны тонким и простым языком, вводят образы леса и рек как ключевые пространственные метафоры и исследуют отношения женщин с природой, что глубоко соответствует основным идеям экофеминизма. Исследование показывает, что, исходя из собственных культурных контекстов, писательницы концентрируются на совместном угнетении, которому подвергаются женщины и природа, и призывают к возвращению к чистой человеческой сущности, создавая тем самым уникальный экофеминистский дискурс с региональным культурным колоритом. В отличие от радикального западного экофеминистского дискурса, их описание отличается мягкостью и сочувствием: через экологическую заботу и сострадание к жизни они «взирают в прошлое», формируя литературное пространство, в котором человек и природа связаны кровными узами, и с помощью

© Фу Шаньшань, Фу Мэйянь, 2025

первозданной природной мудрости откликаются на исторические травмы, вызванные современной цивилизацией.

Ключевые слова: Гузель Яхина; Чи Цзыцзянь; экофеминизм; «Зулейха открывает глаза»; «Правый берег реки Аргунь»; женщина и природа; женская литература

Статья выполнена в рамках проекта общественных наук Муниципальной комиссии по образованию Тяньцзиня 2024 г. «Исследование пространственных нарративов в поэзии Царицына в России 1920-х годов», № 2024SK064.

Для цитирования: Фу Шаньшань, Фу Мэйянь Романы Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь в аспекте экофеминизма // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 65–85. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-65>. <https://elibrary.ru/KOYXYR>.

PHILOLOGY

Original article

Novels by Guzel Yahina and Chi Zijian in terms of ecofeminism

Fu Shanshan¹✉, Fu Meiyan²

¹Postgraduate student, Tianjin University of Foreign Languages, PRC, Tianjin.

²Doctor of philological sciences, associate professor, deputy director of the Institute of European Languages and Cultures, Tianjin University of Foreign Languages, PRC, Tianjin.

¹1773950835@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0009-5083-2458>

²fmy@tjfsu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-0862-0461>

Abstract. Guzel Yakhina, a writer of Tatar origin from Russia, and the Chinese writer Chi Zijian are outstanding modern female authors, who demonstrate the vivid features of intercultural dialogue in their work. In the novel *Zuleikha Opens Her Eyes*, G. Yakhina describes a Tatar woman's path of exile and awakening, while Chi Zijian in *The Right Bank of the Argun River* depicts the hundred-year-long fate and spiritual world of the Evenki people. This article is a comparative analysis of the abovementioned novels within the framework of an ecofeminist approach. Based on the methods of comparative and contextual analysis, the authors examine the fate of a woman in the patriarchal system, her links with nature, as well as ecofeminist concepts reflected in the work of both writers. Both works are written in subtle and clear language, introduce images of forests and rivers as key spatial metaphors and explore women's relationship with nature, which is deeply consistent with the basic ideas of ecofeminism. The study shows that, based on their own cultural contexts, the writers focus on the oppression to which both women and nature are subjected, and call for a return to pure human essence, thereby creating a unique ecofeminist discourse with a regional cultural flavor. Unlike radical Western ecofeminist discourse, their description is characterized by gentleness and empathy: through ecological concern and compassion for life, they "look into the past", forming a literary space where man and nature are inseparable, and thanks to primordial natural wisdom they respond to historical traumas caused by modern civilization.

Key words: Guzel Yakhina; Chi Zijian; ecofeminism; Zuleikha Opens Her Eyes; The Right Bank of the Argun River; woman and nature; women's literature

The article was written as part of the Social Sciences project by the Tianjin Municipal Education Commission 2024: "Studying spatial narratives in Tsaritsyn's poetry in the 1920s Russia", No. 2024SK064.

For citation: Fu Shanshan, Fu Meiyang. Novels by Guzel Yakhina and Chi Zijian in terms of ecofeminism. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 65–85. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-65>. <https://elibrary.ru/KOYXYR>.

Введение

Татарская писательница из России Гузель Яхина и писательница из северо-востока Китая Чи Цзыцзянь являются яркими и заметными представительницами современной женской литературы. В их творчестве прослеживается сквозная тематическая линия: Яхина изображает судьбы маргинализованных личностей в потоке исторических катастроф, показывая их борьбу и стойкость в условиях эпохальных перемен; Чи Цзыцзянь посредством экологического письма и повествования о родине раскрывает жизненный мир и духовные поиски обычных людей на северо-восточной окраине Китая. Их гуманистическое внимание к уязвимым группам в рамках различных культурных контекстов не только отражает красоту эмпатии с женской точки зрения, но и формирует насыщенный внутренним напряжением и созвучием литературный диалог в межкультурной перспективе.

В романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» ярко показана трансформация главной геро-

ини Зулейхи – от «мокрой курицы» в традиционной татарской семье до «женщины-охотницы» в сибирской глуши, что воплощает как жизненные трудности, так и духовный рост женщины из этнического меньшинства в потоке эпохи. В 2015 году Гузель Яхина получила престижные литературные премии «Большая книга» и «Ясная Поляна» за свой дебютный роман. Молодая писательница сказала: «В глухой тайге, на грани жизни и смерти, слетает все наносное, несущественное – религиозные предубеждения, социальные и национальные предрассудки. И человек остается наедине с человеком. Я писала книгу об этом» [Яхина. Лишь ...]. В свою очередь, роман Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь», вдохновленный образом последней женщины-вождя и выдающейся охотницы эвенкийского народа – Марии Со, использует этнографическое повествование от первого лица, чтобы изобразить сложную картину сосуществования древнего охотничьего народа с природой на протяжении столетия, а также его столкновение с совре-

менной цивилизацией. Критики отмечают: «Чи Цзыцзянь стремится отразить альтернативные пейзажи Хэйлунцзяна, особые социальные группы и этнический колорит, проявляя тепло и глубину сквозь суровость и бесприютность» [Цзан Сяо Янь, 2021, с. 177] В 2008 году китайская писательница Чи Цзыцзянь была удостоена высшей литературной награды Китая – премии Мао Дуня за роман «Правый берег реки Аргунь». «Два романа характеризуются индивидуальной манерой и яркой жанровой спецификой этнопрозы, что дает возможность рассматривать ее произведения не только с точки зрения художественного вымысла, но и как ценный историко-этнографический и фольклорный источник» [Войтишек, 2014, с. 177].

Творчество обеих писательниц укоренено в уникальной культурной почве каждой из них, однако, обладая локализованным, но в то же время глобальным взглядом, они сосредотачиваются на общем для всего человечества вопросе выживания. Обе писательницы, исходя из женской перспективы, с теплотой и состраданием оглядываются на историю, с тонкостью и простотой изображают травмы прошлого, раскрывая духовную силу простых людей, преодолевающих страдания на фоне великой истории. Это литературное созвучие, преодолевающее границы регионов и культур, как раз и подтверждает универсальную гумани-

стическую ценность великих произведений литературы. В романе Яхиной «путь ссыльной татарской женщины» и эпосе Чи Цзыцзянь «столетняя элегия эвенкийского народа» культура этнических меньшинств служит нарративным полем, где образы горных лесов и рек выступают ключевыми пространственными символами. Эти произведения не только демонстрируют внимание к природе и заботу о положении женщин, что глубоко соответствует ключевым идеям экофеминизма, но и воплощают художественную интерпретацию его теории. Более того, посредством литературного воображения они расширяют границы теоретического дискурса.

Методы исследования

Настоящая статья основана на теоретической парадигме экофеминизма и представляет собой комплексное исследование, в котором сочетаются сравнительный анализ, контекстуальный подход, мифопоэтический метод и интертекстуальный анализ. Объектом исследования выступают образы природы и женщины в художественных произведениях Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь, а также их внутренняя взаимосвязь. Целью работы является выявление как типологических сходств, так и отличительных особенностей экофеминистского дискурса в творчестве обеих писательниц, с акцентом на специфику их художественного мировидения и культурно-исторического контекста.

Теоретические основания исследования

«Экофеминизм – теоретическое направление и идеологическое движение в экологии, интегрирующее на основе взаимоэкспликации фундаментальные проблемы экосферы с не менее фундаментальными проблемами гендерной асимметрии» [Хоменко, 2012, с. 82]. Глобальный экологический кризис, системное гендерное угнетение, структурный расизм и проблемы беженцев – эти ключевые противоречия современного общества формируют исторический контекст возникновения экофеминизма. Как отмечают исследователи экофеминизма, эти, казалось бы, разрозненные социальные проблемы на самом деле имеют общие эпистемологические корни – антропоцентристскую ценностную парадигму. В антропоцентрической системе природа конструируется как объект для эксплуатации, тогда как женщина в патриархальном обществе становится угнетенным «Другим» – оба превращаются в инструментальные ресурсы для реализации интересов доминирующих групп. Такая модель развития, основанная на инструментальной рациональности, с одной стороны, привела к экспоненциальному росту технологий и накоплению материальных богатств, но с другой – спровоцировала глубокий экологический кризис и кризис духовных ценностей. Эксплуатация природы, с одной стороны, и природы человека,

общества и животных, с другой, – и с этим следует согласиться – в экофеминизме осмыслены в единстве как процессы, нарушающие справедливость, равенство и свободу [Баркова, 2022]. Инструментализация природы и уязвимых социальных групп как модель мышления, с одной стороны, культивирует фетишизацию технологической рациональности, а с другой – приводит к системной девальвации экологической этики и гуманитарных ценностей.

Теоретические положения экофеминизма раскрываются в трех ключевых аспектах: во-первых, теория подвергает всесторонней критике разрушительное воздействие антропоцентризма на экологию, разоблачая хищническую эксплуатацию природных ресурсов и выступая за формирование новых этических отношений симбиоза между человеком и природой. Во-вторых, она осуществляет системную деконструкцию патриархальной социальной структуры, отстаивая создание системы власти, основанной на гендерном равенстве, что способствует установлению более справедливого и гармоничного общественного порядка. В-третьих, теория содержит глубокий анализ феномена материального фетишизма и потребительского отчуждения в условиях капитализма, подчеркивая важность возрождения духовных ценностей для устойчивого развития человеческой цивилизации.

В рамках данной теоретической перспективы диалектическое осмысление природной экологии и женской судьбы стало отличительной поэтической характеристикой экофеминистского литературного творчества. В последние годы возрастает интерес к литературным произведениям, посвященным конфликтам между человеком и природой, а также межгендерным противоречиям. Анализ подобных текстов с позиций экофеминизма способствует переосмыслению их глубинного содержания, выявлению скрытых социальных проблем и определению их актуального значения для современного общества. Такой подход не только способствует продвижению ценностей гармоничного сосуществования человека с природой, гендерного равенства, уважения к разнообразию и различиям, но и предоставляет теоретическую и эстетическую основу для формирования более инклюзивной и устойчивой культурной среды. В данной статье рассматривается, как идеи экофеминизма воплощаются в литературном творчестве Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь.

**Женское «другое»
в патриархальной системе**

С развитием феминистского движения, хотя женщины в большинстве стран в той или иной степени «вышли на историческую сцену» в сфере социальных и политических прав, в области идеологии и культуры многие женщины по-прежнему остаются безгласны-

ми, часто объективируются и принижаются, становясь маргинализированными «Другими». В условиях бурного развития глобального феминистского движения, несмотря на исторический прогресс в уровне политического участия и социальных прав женщин, структурное отсутствие женского голоса в сфере культуры и идеологии остается повсеместным явлением. Женщины в культурной репрезентации систематически объективируются, символизируются и даже маргинализуются, превращаясь в молчаливого «Другого». Рассматриваемые в данной статье романы, через тонкое изображение жизненного опыта женщин из этнических меньшинств, не только раскрывают угнетение, с которым сталкивается данная группа, но и создают через литературный нарратив – пространство сопротивляющегося женского дискурса, – демонстрируя глубокую гуманистическую заботу авторов о положении женщин как «Других».

В письме к китайским читателям Яхина пишет: «Героиня романа Зулейха совершает не только пространственное переселение, преодолевая обширные просторы Советского Союза на пути к месту ссылки, но и духовное преображение – она покидает старый, патриархальный мир своей первой жизни и вступает в новый, современный мир, в котором ей предстоит прожить свою вторую жизнь» [Яхина, 2017, с. 1]. Первоначально Зулейха

предстает как робкая, молчаливая женщина из традиционной татарской семьи. Подвергаясь двойному угнетению – и классовому, и гендерному, она беспрекословно подчиняется мужу и свекрови, будучи бесправной «забитой жертвой» в собственном доме. «После убийства мужа и раскулачивания, женщина частично выходит из зоны потаенности: она начинает проявлять определенную активность и свое Я, демонстрируя умения на людях и скрывая только мысли» [Яковлева, 2021, с. 157]. Изменение среды пробуждает в Зулейхе внутреннее прозрение. Парадоксальным образом эта ссылка становится для нее возможностью открыть глаза, «постепенно она начинает видеть те вещи, которые она не видела раньше и понимает те вещи, которые она не понимала раньше» [Яхина. Прямо ...].

В ходе изгнания она шаг за шагом ломает патриархальные нормы и ограничения. Сначала ее размещают в мечети – пространстве, традиционно предназначенном только для мужчин, затем идут месяцы тесного соседства в вагоне поезда с разными изгнанниками. «Все, чему учила когда-то мама, что считалось правильным и нужным в полузабытой жизни в мужнином доме, что составляло, казалось, суть Зулейхи, ее основу и содержание, – рассыпалось, распадалось, рушилось. Правила нарушались, законы оборачивались своими противоположностями. Взамен возникали новые

правила, открывались новые законы» [Яхина, 2015, с. 214]. По прибытии в трудовое поселение на берегу Ангары, столкнувшись с суровой природой и необходимостью выживания, Зулейха ради защиты себя и малолетнего сына постепенно обретает самосознание и внутреннюю силу: из помощницы на кухне превращается в квалифицированную медсестру, а затем – в самостоятельную и стойкую женщину-охотника.

«Изначально экофеминизм критиковал бинарные оппозиции западной культуры, однако в процессе развития, особенно с включением идей экофеминизма третьего мира, его фокус сместился на осмысление целостности человека и экосистемы, а также на проблему индивидуальной субъектности» [Чжан Юэ, 2024, с. 61]. Зулейха представляет собой образ женщины с постепенно возрастающей субъектностью: из покорной жены, затерянной в тени семьи, она превращается в самостоятельную личность, активно действующую в общественном пространстве. Она не только освобождается от оков патриархальной морали, но и начинает внутренний поиск собственного «Я», смело утверждая право на сексуальную свободу. Под воздействием как внешней среды, так и внутреннего пробуждения героиня постепенно преодолевает гендерную маргинализацию, завершая процесс конструирования личностного самосознания. «Говоря о ла-

герной прозе XX века, необходимо отметить, что главным героем в произведениях зачастую выступал мужчина. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что Г. Яхина смогла по-новому переосмыслить и расширить опыт многих репрессированных. Ведь главной героиней в романе “Зулейха открывает глаза” выступает женщина, которая пытается выживать в условиях ГУЛАГа. Именно эта особенность (гендерный аспект) делает этот роман в своем роде уникальным произведением» [Чотчаева, 2019, с. 39].

В романе «Правый берег реки Аргунь» Чи Цзыцзянь с тонкостью и мягкостью описания вырисовывает образ сильных эвенкийских женщин, создавая коллективный портрет, в котором отражается относительно идеализированная картина гендерных отношений в обществе малочисленного народа – сотрудничество и взаимозависимость между мужчинами и женщинами, основанные на четком разделении труда. Мужчины отвечают за охоту и защиту племени, а женщины занимаются приготовлением пищи, шитьем одежды и другими домашними делами. Как говорит второй муж героини-рассказчицы Варога: «Я – гора, ты – вода. Гора рождает воду, вода питает гору. Связанные, как гора с водой, мы пребудем вечно» [Чи Цзыцзянь, 2010, с. 170]. В отличие от устаревшего маскулинного дискурса и радикального феминизма, Чи Цзыцзянь, изображая

гармоничные отношения между полами, мягко показывает и реальные проблемы женщин в патриархальной системе. Социалистический экофеминизм рассматривает приписываемые женщинам, такие добродетели как смирение, целомудренность, повышенную эмпатию, благопристойность и весь тот перечень истинно женских достоинств, на практике купирующих политическую и гражданскую активность их обладательницы [Пророкова, 2020]. В романе Дамара предстает как воплощение всех традиционных женских добродетелей эвенкийской женщины, она трудолюбива, сдержанна и нежна, однако ее субъектность в условиях патриархата оказывается сведена к единственной функциональной роли – «жены». После смерти мужа ее социальная идентичность и самоощущение рушатся. Шаман Ниду, влюбленный в Дамалу, так и не женится, а после смерти ее супруга, осмелился открыто выразить свою любовь. Однако укоренившиеся родовые традиции, сопротивление со стороны детей и внутренняя патриархальная установка, усвоенная самой Дамарой, заставили ее подавить стремление к новой любви и унести это чувство с собой. В отличие от Зулейхи, которая после смерти мужа решила на смелый шаг навстречу новым чувствам, Дамала, погруженная в самоотречение, завершила свою жизнь в состоянии внутреннего подавления.

Резкий контраст ей составляет другая героиня романа – Ивлин, женщина с ярко выраженным духом сопротивления. Ее брак с самого начала стал жертвой патриархальной системы – она была вынуждена выйти замуж за мужчину, который любил другую. В браке она мучает мужа холодностью, вмешивается в брак сына, что приводит к его самоубийству. После этого Ифулин окончательно разрывает отношения с мужем, а когда муж пытается утвердить мужскую власть через принудительное зачатие, она искусственно прерывает беременность, калеча себя. Этот крайний акт сопротивления становится одновременно мстью мужу и трагическим утверждением своих репродуктивных прав. Судьба Ифулин отражает ограниченность женского сопротивления в патриархате: зачастую протест возможен лишь через саморазрушение, что лишь усугубляет угнетение. Дамала угасает в одиночестве, Ифулин разрушает себя в борьбе – создавая идеализированную модель гендерных отношений, Чи Цзыцзянь одновременно глубоко осмысливает угнетение женщин патриархальной системой.

**Деконструкция антропоцентризма:
к гармонии человека и природы**

Творчество Яхиной и Чи Цзыцзянь обнаруживает глубокий резонанс в экологическом нарративе: обе писательницы совместно осуществили литературную деконструкцию антропоцентрического взгляда на природу, укоренив-

шегося со времен эпохи Просвещения, и системно выстроили поэтическую картину гармоничного сосуществования человека и природы. Яхина использует в качестве повествовательного носителя жизненные обстоятельства ссыльных, показывая, как люди под давлением обстоятельств вынуждены осваивать природу, но в итоге достигают с ней гармонии. Чи Цзыцзянь же через описание повседневной жизни эвенков раскрывает разрушительное влияние современной индустриальной цивилизации на экосистему и актуальную ценность экологической мудрости коренных народов. Обе писательницы преодолевают традиционную литературную модель, объективирующую природу, и, наделяя ее субъектностью, конструируют онтологическую рамку «природа-человечество» как единой судьбы. Эта творческая концепция не только преодолевает дуалистическую эпистемологию субъекта и объекта, но и создает в литературном воображении нарративную парадигму, основанную на холистическом экологическом мировоззрении, предоставляя важный текстуальный ориентир для современной экокритической теории.

В романе «Зулейха открывает глаза» жители деревни Юлбаш существуют в полной зависимости от природы: летом их спасают крупная земляника и сочная малина, осенью – ароматные грибы. Богатые дары реки Кишме – трижды щедрые дары природы спасали жителей от

голодной смерти. Когда главная героиня оказывается в сибирской ссылке, спецпереселенцы под покровом древних елей и благодаря живительным водам Ангары постепенно восстанавливают утраченную связь с природой, чтобы в конце концов обрести новую жизнь в этой суровой, но щедрой земле. Роман Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» через шаманские верования эвенков раскрывает картину гармонии человека и природы и глубокую экологическую мудрость. Шаманизм, возникший в период расцвета первобытного матриархального общества, «основанный на первобытной охотничье-рыболовецкой экономике, представляет собой полителистическую систему верований, объединяющую культ природы, тотемизм и культ предков. 'Пантеизм' и 'анимизм' составляют его философскую и идеологическую основу» [И Инь, 2017, с. 83]. Эвенки считают, что горы, реки, солнце, луна, растения и животные воплощают божественную волю, обладая такими же чувствами и жизнью, как и человек, тем самым преодолевая антропоцентризм. Реки – это кровеносные сосуды, горы – кости, а тайга правого берега Аргуни и Малого Хингана – не просто место обитания эвенков, но и источник их существования и самой жизни. Трогательные детали в произведениях – будь то рубка только сухостоя, запрет на охоту за детенышами или торжественные погребальные обряды для добычи – все это воплощает исконное благоговение этого народа

перед природой. Как говорила Чи Цзыцзянь: «Природа – это единственное в мире по-настоящему бессмертное, она дышит, обладает духом и часто заставляет тебя откликнуться ей в ответ» [Фан Шоуцзинь, 2001, с. 81]. Хотя Яхина и Чи Цзыцзянь описывают разные географические пространства и культурные традиции, их произведения излучают одинаковый свет экологической мудрости, литературно воссоздавая гармоничные отношения между человеком и природой.

Обе писательницы выражают восхищение и благоговение перед природой, однако в их произведениях природа предстает не всегда ласковой – в ней заключена также грозная мощь, часто проявляющаяся в виде смерти и катастроф. В романе «Зулейха открывает глаза» шторм приводит к кораблекрушению, унося жизни более трехсот переселенцев. Однако для Зулейхи эта катастрофа становится моментом глубокого духовного очищения. Игнатов, после того как в пьяном виде теряет способность ходить из-за кораблекрушения, напротив, находит душевное спасение в природной силе реки. В романе «Правый берег реки Аргунь» герои сталкиваются с беспощадностью природы: Линькэ погибает от удара молнии, Ладжида замерзает в снегах, Варогу убивает медведь, а Джяокутокан умирает от укусов ос. Яхина использует природу как фон для масштабного повествования, делая ее силой, способствующей

духовному возрождению; сибирская пустыньность и реки в ее произведении – это пространства переживания личности. Ци Цзыцзянь же, опираясь на взгляды экологического холизма, не только раскрывает разрушительную сторону природы, но и подчеркивает ее бурную жизненную силу и первозданную красоту, тем самым создавая диалектическое единство – экологический мир, основанный на гармоничном сосуществовании человека и природы.

Природа и женщина

В коллективном бессознательном различных цивилизаций женщина неизменно воспринимается как воплощение природы. Обе писательницы тонко улавливают мистическую и глубокую взаимосвязь между женщиной и природой, наделяя женских персонажей природной одухотворенностью, что раскрывает уникальную перспективу экофеминизма.

Яхина через пространственную трансформацию раскрывает динамично развивающиеся отношения между женщиной и природой. До ссылки женщина сохраняет отстраненную дистанцию с естественным миром; однако суровые условия изгнания заставляют ее заново открыть природные свойства собственного тела, чтобы в конечном итоге через труд и боль сформировать кровно-родственное экологическое сознание. Зулейха изначально воспринимала лес как место, кишасщее дикими зверями, приста-

нище леших, русалок и прочей нечистой силы. Она испытывала страх перед густым лесом и каждый раз, когда муж уходил туда рубить деревья, Зулейха оставалась ждать его на расстоянии, не осмеливаясь войти. Однако после ссылки ей пришлось в одиночку пересекать лес, чтобы носить еду другим поселенцам. Постепенно она установила тесную связь с природой и в конце концов стала охотницей, достигнув глубокой духовной гармонии с окружающим миром. Для Зулейхи лес становится не просто источником пропитания, но и учителем духовного роста: он открывает ей истину жизни и смерти, дает экономическую независимость, представляет пространство для размышлений и в конечном итоге приводит к духовной свободе.

В то время как мужчина-охотник Игнатов беспомощен перед трудностями выживания, Зулейха проявляет неожиданный талант к охоте, с первого выстрела убив медведя и став настоящей охотницей. Это бросает вызов традиционным гендерным нормам, согласно которым женщина обычно представляется нуждающейся в спасении или защите от ужасного мужчины [Makhmudova, 2024]. В романе Яхиной инверсия ролей не только разрушает стереотипы гендерного разделения труда, но и раскрывает изначальную гармонию между женщиной и природой, придавая этой связи глубокий позитивный смысл. «Исходной точкой эко-

феминизма является установление связи между природой и женщиной. Природоцентричный экофеминизм решительно отвергает западную традиционную концепцию, приписывающую низший статус женщинам и природе, а высший – мужчинам и культуре. Проблема заключается не в том, что женщины связаны с природой теснее мужчин, а в том, что эта связь недооценена» [Ван Юй, 2021, с. 28]. Хотя творчество Яхиной необязательно является сознательным воплощением теории экофеминизма, оно демонстрирует поразительное созвучие с идеями природоцентричного экофеминизма.

В романе легкая, как птица, Зулейха ловко перемещается между еловыми ветвями, полностью сливаясь с природой. Ее чувство принадлежности к природному миру и выходит за рамки простой зависимости от него, достигая уровня духовного резонанса. Винтовка стала продолжением ее тела, знаменуя полное слияние с природой – именно через эту связь конструируется ее субъектность. Эволюция отношений Зулейхи с естественным миром несет в себе глубокую критику модернистского отчуждения: когда насилие разрывает покровы цивилизации, женщина обретает исконный способ единения с землей.

В романе «Правый берег реки Аргунь» природа также тесно связана с женщинами. Прежде всего, рассказчик – «я» – имеет неразрывную связь с природой. «Я» отказы-

вается покидать леса, отвергает современную культуру и твердо верит, что дети должны расти и учиться в природе, а не в классных комнатах. «Я» сказала: «То, что я дожила до девяноста лет в добром здравии, доказывает, что я выбрала правильного врача – мой врач это свежий ветер, текущая вода, солнце, луна и звезды» [Чи Цзыцзянь, 2010, с. 208], выражая экологическую мудрость исцеления природы, что перекликается с «этикой заботы» в экофеминизме. Другим ярким воплощением тесной связи женщины с природой является последняя шаманка в романе Нихао. В эвенкийской культуре шаман выступает посредником между человеком и «духами», выполняя священную миссию по соединению неба и земли и охране племени, являясь духовной опорой рода. В романе Ни Хао изображена как последняя шаманка, сочетающая в себе материнскую мягкость и стойкость с бескорыстной любовью и самоотверженностью шамана. Каждый ее акт спасения других людей сопровождается гибелью одного из ее собственных детей; во время последнего ритуала молитвы о дожде и спасении от лесного пожара – она отдала собственную жизнь. Ни Хао с благоговением относится к природе и горячо любит жизнь, на практике воплощая простую, но глубокую экологическую идею: человек – лишь часть природы и не имеет права возвышаться над другими формами жизни. Эта вера в

равенство всех живых существ отражает внутреннюю сущность эвенкийской культуры дух гармоничного сосуществования человека и природы.

Первая студентка из рода эвенков Елена также является типичным воплощением неразрывной связи женщины и природы. После окончания университета она работала художественным редактором в городе. Городская жизнь вызывала у нее тревогу и усталость, и только возвращение в ее внутренний дом – к оленям, деревьям, рекам, луне и свежему ветру – могло утешить ее душу. Будучи художницей, чья душа рождена природой, она не могла отказаться ни от мирской славы, ни выносить городской шум. Сильнейший удар традиций и современности вызвал у нее раздвоение личности. В итоге, завершив свою последнюю картину, она выбрала возвращение к природе в реке Бельц, чтобы обрести душевное освобождение.

«Экофеминизм решительно отвергает западную традицию, согласно которой женщины и природа считаются низшими, а мужчины и культура – высшими» [Ван Юй, 2021, с. 28]. В произведениях Яхиной и Чи Цзыцзянь изображение взаимосвязи женщины и природы также выступает как художественное опровержение этой традиции, утверждая позитивную ценность данной связи. «С бурным развитием модернизации и урбанизации с XX века была нарушена первобыт-

ная и простая форма жизни, а человек оказался искусственно отделенным от природы, столкнувшись с отчуждением, моральным разложением и утратой веры. В постгуманистическую эпоху многие современные писатели пытаются ответить на вопрос: сможет ли человечество, обращаясь к до-модерному прошлому, вновь обрести утраченное “я”» [Юй Вэньсю, 2025, с. 172]. Экологическое мировоззрение обеих писательниц тесно связано с темой женской идентичности, что позволяет им сформировать уникальную модель экофеминизма.

Сходства и различия в экофеминистском подходе

Экофеминизм как критическая теория стремится деконструировать бинарную логику господства и подчинения, присущую антропоцентризму и патриархату. Его целью является построение устойчивого общества, основанного на гармонии между полами, социальной справедливости и сосуществовании человека с природой. Творчество Г. Яхиной и Чи Цзыцзянь демонстрирует черты экофеминистского мышления, однако их ценностные ориентиры различаются в силу уникального культурно-исторического контекста. В отличие от западного экофеминизма, который зачастую радикально критикует патриархат, обе писательницы выражают более глубокое гуманистическое сочувствие и жиз-

ненную мудрость. Признавая различия между полами, они ищут пути к равенству и экологической гармонии. Пусть их замыслы порой идеалистичны, но именно эта идеальность глубоко резонирует с конечной целью экофеминизма – достичь гендерного равноправия и единения человека с природой.

В описании природы у Яхиной и Ци Цзыцзянь наблюдаются ярко выраженные стилевые различия. В произведениях Яхиной природные пейзажи наделены богатым символизмом и метафорической нагрузкой. Как подчеркивает исследователь, «внимание экофеминизма не ограничивается только проблемами гендерного угнетения и экологической эксплуатации, но и направлено на деконструкцию таких системных форм угнетения, как расизм, классовая дискриминация, колониализм. Эти социальные проблемы по сути являются первопричинами экологического кризиса, а сама деградация окружающей среды тесно связана с идеологическим и материальным подавлением угнетенных групп» [Mallory, 2013, с. 177]. Яхина описывает пространство ссылки как дикую, непокоренную природу, резко противопоставляемую цивилизованному миру, чтобы подчеркнуть жестокость классового насилия в истории СССР и трагедию маргинализированных групп. Так, образ «Шах-птица» в ее прозе выходит за рамки чисто биологического символа, «аллегорически повторяя историю

поселенцев, в то же время, имя Семруга удивительно перекликается с придуманным жителями поселка названием – “Семьрук”, отражающим трудовой вклад четырех человек в его строительство» [Канарская, 2022, с. 136]. Данная символическая репрезентация природы выполняет функцию экстериоризации человеческого духа, трансформируя природные феномены в семиотические носители антропологического содержания.

Ци Цзыцзянь, напротив, акцентирует внимание на божественной сущности и поэтичности природы. Во время шаманских обрядов многоголосье птичьих криков и удары бубна сливаются в небесную музыку, подчеркивая как красоту природы, так и проявление сверхъестественных сил через природные явления. В финале романа автор выражает тревогу по поводу разрушения природы в условиях модернизации: «Мы и наши олени всегда ласкали лес, как поцелуй. По сравнению с тысячами лесорубов, мы – всего лишь несколько стрекоз, скользящих по поверхности воды. Если лесная река загрязнена, не стрекозы же в этом виноваты» [Чи Цзыцзянь, 2010, с. 250].

Хотя природное описание Яхиной и Чи Цзыцзянь отличается по стилю, обе писательницы совместно расширяют литературное выражение экофеминистской идеи. Яхина с помощью высоко символизированных природных образов превращает сибирскую равнину в

свидетеля классового угнетения: такие образы, как «птица-король», выходят за пределы биологического значения и становятся поэтической метафорой духовной стойкости угнетенных. Такая стратегия политизации природы в ее творчестве подтверждает основной тезис экофеминизма – экологические проблемы имеют общее происхождение с системными формами угнетения, такими как классовая и расовая дискриминация. В свою очередь, Чи Цзыцзянь с поэтической тонкостью воссоздает шаманскую культуру эвенков, формируя космологию, где все сущее наделено духом. В ее описаниях природы сохраняется сакральное измерение архаических верований и ощущается мягкое сопротивление варварскому натиску модерности. Обе писательницы, хотя и следуют разным эстетическим путям, совместно деконструируют антропоцентризм: Яхина через интертекстуальность природы и истории вскрывает насильственную сущность структур угнетения, а Чи Цзыцзянь с этнографической чуткостью оберегает исчезающую экологическую мудрость. Их творчество убеждает нас в том, что подлинное экологическое письмо должно не только воспевать красоту природы, но и вскрывать властные отношения, лежащие в основе экологического кризиса, а также в пространстве литературного воображения заново выстраивать подлинную связь между человеком и

природой. Такая литературная практика не только обогащает теоретическое содержание экофеминизма, но и служит важным ориентиром для современной экологической литературы.

В вопросе гендерной идентичности Яхина через образ Зулейхи показывает путь к осознанию субъектности и к рефлексивному сопротивлению гендерным нормам, воплощая тем самым концепцию «андрогинности». Зулейха прошла путь от традиционной покорной женской роли к независимой личности, сочетающей в себе черты обоих полов: она не только взяла на себя охоту – занятие, традиционно считающееся мужским, – но и овладела навыками ухода за больными, совершив переход из частного семейного пространства в общественную сферу. Тем самым она достигла двойного освобождения – экономической независимости и духовной свободы – в качестве «гражданина», а не «жены» или «матери». Такой образ созвучен теории «андрогинного сознания», выдвинутой В. Вулф в ее литературной критике. «Вулф подчеркивала необходимость гармонии между чувствами и разумом и считала андрогинность эстетическим идеалом совершенной личности» [Ян Лисин, 2016, с. 90]. Духовный рост Зулейхи отражает не только гармоничное развитие ее разума и чувств, но и несет спасительную силу для окружающих: Игнатов с ее помощью обретает внутреннюю

гармонию, а доктор Лейбе избавляется от многолетнего душевного кошмара. Женские образы, создаваемые Яхиной, воплощают черты «софийности» – концепции в русской религиозной философии, согласно которой женщина наделяется священным статусом духовной проводницы. В русской религиозной традиции женщина рассматривается как духовный источник, соединяющий человека с природой, что во многом перекликается с западным экофеминизмом. Хотя Яхина критикует патриархальное угнетение женщин, ее творчество сосредоточено не на гендерном противостоянии, а на взаимодействии между формированием женской субъектности и окружающим пространством. Она призывает к построению более инклюзивной и благоприятной для выживания маргинализированных групп социальной экосистемы.

Ци Цзыцзянь же в своем творчестве демонстрирует синтез восточной и западной философии: усваивая основные принципы западного экофеминизма, она в то же время пронизывает свое повествование китайской традиционной мудростью – идеями единства неба и человека и гармонии инь и ян. Ее взгляд на гендер отличается большей целостностью: она не сосредотачивается на разоблачении патриархальных механизмов власти и не стремится акцентировать мужское господство, а исследует возможность гармоничного сосуществова-

ния полов. В романе «Правый берег реки Аргунь» Чи Цзыцзянь изображает разнообразные по форме и стилю любовные отношения, однако все они без исключения отражают ценность взаимной терпимости и поддержки между мужчиной и женщиной. Теплые и нежные чувства между Линке и Дамалой, глубокая любовь Ивана и Надежки, преодолевающая границы национальностей, неожиданный союз Джефулины и Даси, счастливая жизнь Нихао и Луня – все эти истории любви вместе формируют картину гендерных отношений, основанных на понимании и уважении, и раскрывают самую искреннюю основу человеческих чувств.

Будь то влияние «софийной мысли» в русской религиозной философии или восприятие древней китайской мудрости, воплощенной в даосизме, выражение женского сознания у обеих писательниц выходит за рамки конфронтационного радикального феминизма и обращается к глубокому осмыслению природной духовности и гуманистической заботы. В своих культурных контекстах они органично соединяют гендерные, экологические и духовные ценности, тем самым совместно формируя инклюзивную и пронизанную духом гармонии литературную модель экофеминизма.

Заключение

Вступив в XXI век, с ростом материального благополучия у людей все больше скуднеет духовный мир. Быстрый темп жизни порождает

дает раздражительность и равнодушие, что ведет к ухудшению общения между людьми. Несмотря на удобства, которые приносит стремительное развитие технологий, часть людей оказывается вытесненной за пределы модернизированного общества. Этот разрыв в социальной структуре и эмоциональное отчуждение отражаются в художественном творчестве, проявляясь в уменьшении числа сюжетов, посвященных простым «маленьким людям». В литературе и кино конкретные и живые образы все чаще заменяются абстракциями и символами, а тепло человеческой природы постепенно теряется. На этом фоне произведения Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь приобретают особую ценность. Они обращают внимание на тех, кто живет на обочине общества – скромных, простых персонажей, чьи жизни показаны во всей своей правдивой и сложной многогранности. Эти герои не идеальны, у них есть и добрые, и плохие черты, и именно такая сложность придает им объем и глубину, позволяя читателю заново почувствовать тепло человеческой природы. С момента появления модернизма и постмодернизма в литературе все чаще наблюдается отказ от изображения «нормальной» человеческой сущности – персонажи становятся отчужденными и трудными для сопереживания. Яхина и Чи Цзыцзянь воплотили в своих произведениях историю, культуру, память и боль своих народов и государств, пере-

плавив их в повествование, которое восстанавливает внутренние связи между людьми и позволяет читателю заново пережить подлинные эмоции и откликаться на них.

Язык обеих писательниц прост и выразителен. Их произведения пронизаны стремлением к равенству и глубоким осмыслением различных форм насилия. Они обращают внимание не только на конфликт между человеком и природой, но и на многоуровневые механизмы социального угнетения, включая подавление меньшинств большинством, угнетение женщин мужчинами, а также лишение прав и свобод личности капиталом и властью. Через уникальную женскую перспективу повествования они тонко раскрывают жизненные трудности маргинализированных групп в современном обществе, используя силу литературы для пробуждения глубокого внимания к человеческой сущности, достоинству и эмоциональным связям.

Через образ Зулейхи Яхина тонко раскрывает путь превращения «другого» из-под власти патриархата в гармоничную и независимую личность. Чи Цзыцзянь же, рисуя полотно жизни эвенков, с одной стороны, представляет идеальную картину мужско-женского сосуществования, с другой – ясно осознает и изображает неизбежную проблему инаковости женщины. Обе писательницы, опираясь на собственную культурную почву и используя культуру этнических меньшинств в качестве повествовательного фона,

через двойную призму – женскую и природную – демонстрируют осознанную позицию хранителей культуры. Они одновременно передают уважение и рефлексию по отношению к исторической правде, а также проявляют как принятие, так и сомнение в отношении современных ценностей. В их романах переплетаются политические перемены, историческая ткань и этническая вера. «Внимание сосредоточено не только на осмыслении прошлого, но и на объединении истории с живой современностью, открывая возможность для современного человека исцелить душу и обрести себя в шумном и противоречивом мире» [Хоу Вэйхун, 2019, с. 134].

Писательницы с сочувствием, но без отчаяния, с критичностью, но

без радикализма, описывают связь женщины с природой, с позиции женской экологической заботы и жизненной сострадательности «оглядываются в прошлое» и создают литературный мир, в котором человек кровно связан с природой. Через первобытную мудрость природы они стремятся исцелить исторические травмы, вызванные современной цивилизацией. В условиях ускоряющейся глобализации и модернизации творчество Гузели Яхиной и Чи Цзыцзянь не только отражает глубокую гуманистическую заботу и экологическое сознание, но и благодаря своему межкультурному нарративному подходу обладает ценным значением для современной эпохи и взаимного обогащения цивилизаций.

Библиографический список

1. Баркова Э. В. Экофеминизм: есть ли потенциал в решении проблемы природы человека и сохранения экомыра Земли? // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Грозный. Махачкала : АЛЕФ, 2022. С. 47–54.
2. Ван Юй. Природа, этничность и гендер: размышления по поводу романа Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» // Вестник Нанкайского университета (Серия философии и общественных наук). 2021. №4. С. 21–30.
3. Войтишек Е. Э. Фольклорные мотивы в творчестве Чи Цзыцзянь (на материале романа «Правый берег реки Аргунь») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2014. № 4. С. 75–83.
4. И Инь. Конструкция «божественного» мира жизни в творчестве Шэнь Цунвэня и Чи Цзыцзянь под влиянием народных верований // Исследования китайской литературы. 2017. № 1. С. 82–86.
5. Канарская Е. И. Проблема соотношения коллективной памяти и личностной идентичности в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Языки истории и языки литературы : коллективная монография. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 129–140.
6. Пророкова М. Н. Отчуждаемое природное: понятие природы в радикальном и культурном экофеминизме // Полилог/Polylogos. 2020. № 3. С. 1–14.

7. Фан Шоуцзинь, Чи Цзыцзянь. Природа возвращает литературных духов: интервью с Чи Цзыцзянь / Фан Шоуцзинь, Чи Цзыцзянь // Литературная критика. 2001. № 3. С. 80–86.
8. Хоменко Т. В. Экофеминизм: сущность и задачи // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2012. № 2(4). С. 82–86.
9. Хоу Вэйхун. Книга души в эпоху искусственного интеллекта: рецензия на современный русский роман «Зулейха открывает глаза» // Dongwu Xueshu (Восточная академия). 2019. №6. С. 127–134.
10. Цзан Сяо Янь. Стража и привязанность Чи Цзыцзянь к эвэнкской культуре: на примере романа «Правый берег реки Аргунь» // Современная литературная арена, 2021. №4. С. 177–182.
11. Чжан Юэ. Исследование экфеминизма в романе Арунадхи Рой // Внешние языки. 2024. № 3. С. 55–62.
12. Чи Цзыцзянь. Правый берег реки Аргунь. Пекин : Издательство народной литературы, 2010. 253 с.
13. Чотчаева М. Ю. Художественные особенности изображения женского национального характера в условиях несвободы (на примере произведения Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») / М. Ю.Чотчаева, И. В. Ключникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №5. С. 37–41.
14. Юй Вэньсю, Ли Хуэйцзюнь. Теплота и сопротивление: нарратив жизни в романах Чи Цзыцзянь / Юй Вэньсю, Ли Хуэйцзюнь // Искание истины. 2025. № 2. С. 169–176.
15. Яковлева Е. Л. Интерпретация символов женской судьбы в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Litera. 2021. № 12. С. 147–157.
16. Ян Лисин, Ван Вэй. Элементы «Блумсбери» и «гермафродитизм» Вирджинии Вулф / Ян Лисин, Ван Вэй // Сборник исследований женских проблем. 2016. № 5. С. 90–96.
17. Яхина Г. Зулейха открывает глаза (для китайских читателей) // Пер. Чжан Цзе, Се Юньдай. Пекин : Издательство народной литературы, 2017. 495 с.
18. Яхина Г. Прямо в сердце // Литературная Россия, 2016.12.16.№44. <https://litrossia.ru/item/9556-guzel-yakhina-pryamo-v-serdtse-otkrovennoe-intervyu/> (дата обращения: 03.04.2025).
19. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с.
20. Яхина Г. Ш. Лишь одно издательство ответило мне сразу. Отказом // Союз журналистов Республики Татарстан, 2015. 11 дек. URL:<http://sj-rt.ru/guzel-yakhina-lish-odno-izdatelstvo-otvetilo-mne-srazu-otkazom> (дата обращения: 10.05.2025).
21. Makhmudova N. A. Nature, feminism and motherhood in Ursula K. Le Guin's "the wife's story" // Актуальные и перспективные научные исследования : сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 175–177.
22. Mallory Chaone. Locating Ecofeminism in Encounters with Food and Place (англ.) // Journal of Agricultural and Environmental Ethics[англ.] : journal. 2013. Vol. 26, no. 1. P. 171–189.

Reference list

1. Barkova Je. V. Jekofeminizm: est' li potencial v reshenii problemy prirody che-loveka i sohraneniya jekomira Zemli? = Ecofeminism: Is there any potential in solving the problem of human nature and preserving the Earth's eco-world? // Gumanitarnoe znanie i duhovnaja bezopasnost': Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Groznyj. Mahachkala : ALEF, 2022. S. 47–54.
2. Van Juj. Priroda, jetnichnost' i gender: razmyshleniya po povodu romana Chi Czi-czjan' "Pravyj bereg reki Argun'" = Nature, ethnicity and gender: reflections on Chi Jijian's novel The Right Bank of the Argun River // Vestnik Nankajskogo universiteta (Serija filosofii i obshhestvennyh nauk). 2021. №4. S. 21–30.
3. Vojtishek E. Je. Fol'klornye motivy v tvorchestve Chi Czyczjan' (na materiale romana "Pravyj bereg reki Argun'") = Folklore motifs in Chi Zijian's work (based on the novel "The Right Bank of the Argun River") / Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2014. № 4. S. 75–83.
4. I In'. Konstrukcija «bozhestvennogo» mira zhizni v tvorchestve Shjen' Cunvjenja i Chi Czyczjan' pod vlijaniem narodnyh verovanij = Constructing the "divine" world of life in the works by Shen Congwen and Chi Zijian under the influence of folk beliefs // Issledovaniya kitajskoj literatury. 2017. № 1. S. 82–86.
5. Kanarskaja E. I. Problema sootnosheniya kollektivnoj pamjati i lichnostnoj iden-tichnosti v romane G. Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» = The problem of the correla-tion between collective memory and personal identity in G. Yakhina's novel Zuleikha Opens her Eyes // Jazyki istorii i jazyki literatury : kollektivnaja monografija. Nizhnij Novgorod : Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2022. S. 129–140.
6. Prorokova M. N. Otchuzhdaemoe prirodnoe: ponjatie prirody v radikal'nom i kul'turnom jekofeminizme = The alienated natural: the concept of nature in radical and cultural ecofeminism // Polilog/Polylogos. 2020. № 3. S. 1–14.
7. Fan Shoucun', Chi Czyczjan'. Priroda vzrashhivaet literaturnyh duhov: interv'ju s Chi Czyczjan' = Nature nurtures literary spirits: an interview with Chi Zijian / Fan Shoucun', Chi Czyczjan' // Literaturnaja kritika. 2001. № 3. S. 80–86.
8. Homenko T. V. Jekofeminizm: sushhnost' i zadachi = Ecofeminism: the essence and objectives // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2012. № 2(4). S. 82–86.
9. Hou Vjejhun. Kniga dushi v jepohu iskusstvennogo intellekta: recenzija na sov-remennyj russkij roman "Zulejha otkryvaet glaza" = The book of the soul in times of artificial intelligence: a review of the modern Russian novel Zuleikha Opens her Eyes // Dongwu Xueshu (Vostochnaja akademija). 2019. №6. S. 127–134.
10. Czan Sjao Jan'. Strazha i privjazannost' Chi Czyczjan' k jevjensknoj kul'ture: na primere romana "Pravyj bereg reki Argun'" = Chi Zijian's guard and attachment to the Evenk culture: on the example of the novel The Right Bank of the Argun River // Sov-remennaja literaturnaja arena, 2021. №4. S. 177–182.
11. Chzhan Juje. Issledovanie jekfeminizma v romane Arunadhi Roj = A study of ecfeminism in the novel by Arunadha Roy // Vneshnie jazyki. 2024. № 3. S. 55–62.
12. Chi Czyczjan'. Pravyj bereg reki Argun' = The Right Bank of the Argun River. Pekin : Izdatel'stvo narodnoj literatury, 2010. 253 s.

13. Chotchaeva M. Ju. Hudozhestvennye osobennosti izobrazhenija zhenskogo nacional'nogo haraktera v uslovijah nesvobody (na primere proizvedenija Guzel' Jahinoj "Zulejha otkryvaet glaza") = Artistic features in depicting the female national character under lack of freedom (the case of Guzel Yakhina's novel Zuleikha Opens her Eyes) / M. Ju. Chotchaeva, I. V. Kljuchnikova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. №5. S. 37–41.
14. Juj Vjen'sju Teplota i soprotivlenie: narrativ zhizni v romanah Chi Czyczjan' = Warmth and resistance: the narrative of life in Chi Zijian's novels / Juj Vjen'sju, Li Hujejcjun' // Iskanie istiny. 2025. № 2. S. 169–176.
15. Jakovleva E. L. Interpretacija simvolov zhenskoj sud'by v romane G. Jahinoj "Zulejha otkryvaet glaza" = Interpreting symbols of female destiny in G. Yakhina's novel Zuleikha Opens her Eyes // Litera. 2021. № 12. S. 147–157.
16. Jan Lisin Jelementy "Blumsberi" i "germafroditizm" Virdzhinii Vulf = Elements of "Bloomsbury" and "Hermaphroditism" in Virginia Woolf's work / Jan Lisin, Van Vvej // Sbornik issledovanij zhenskih problem. 2016. № 5. S. 90–96.
17. Jahina G. Prjamo v serce = Right in the heart // Literaturnaja Rossiya, 2016.12.16.№44. <https://litrossia.ru/item/9556-guzel-yakhina-prjamo-v-serdtse-otkrovennoe-intervyu/> (data obrashhenija: 03.04.2025).
18. Jahina G. Sh. Zulejha otkryvaet glaza = Zuleikha Opens her Eyes. Moskva : AST: Redakcija Eleny Shubinoj, 2015. 512 s.
19. Jahina G. Sh. Lish' odno izdatel'stvo otvetilo mne srazu. Otkazom = Only one publishing house answered me at once. By refusal // Sojuz zhurnalistov Respubliki Tatarstan, 2015. 11 dek. URL:<http://sj-rt.ru/guzel-yahina-lish-odno-izdatelstvo-otvetilo-mne-srazu-otkazom> (data obrashhenija: 10.05.2025).
20. Guzel' Jahina. Zulejha otkryvaet glaza (dlja kitajskih chitatelej) = Zuleikha opens her eyes (for Chinese readers) // Per. Chzhan Cze, Se Jun'caj. Pekin : Izdatel'stvo narodnoj literatury, 2017. 495 s.
21. Makhmudova N. A. Nature, feminism and motherhood in Ursula K. Le Guin's "the wife's story" // Aktual'nye i perspektivnye nauchnye issledovanija. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza : Nauka i Prosveshhenie, 2024. S. 175–177.
22. Mallory Chaone. Locating Ecofeminism in Encounters with Food and Place (англ.) // Journal of Agricultural and Environmental Ethics[англ.] : journal. 2013. Vol. 26, no. 1. P. 171–189.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 25.06.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Научная статья
УДК 81'316.772.2
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-86
EDN UGCADQ

**Амплифаеры-аддитивы как инструменты выражения
речевых интенций субъектов коммуникации
в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе**

Александр Евгеньевич Купцов^{1✉}, Владимир Николаевич Бабаян²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль.

²Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль.

¹kupcov.a@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9251-3214>

²vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Аннотация. Современные исследования в лингвистической науке активно изучают, как язык функционирует и какие закономерности определяют использование языковых единиц в зависимости от целей и задач участников коммуникации. Представляется важным определить, каким образом контекст, социальные факторы и индивидуальные намерения коммуникантов влияют на выбор определенных лексем и структур, а также на интерпретацию высказываний-реплик. Данное направление исследования включает анализ коммуникативно-прагматических аспектов языка, таких как акт коммуникации, предполагаемые значения и интенции говорящего/пишущего, что позволяет глубже понять динамику взаимодействия между коммуникантами и роль языка в социальной практике. Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе заключается в их способности не только структурировать взаимодействие между коммуникантами, но и передавать эмоциональную окраску, социальные отношения и индивидуальные интенции. Данные лексические единицы языка выполняют роль связующих элементов, позволяя авторам создавать динамику диалога, подчеркивать конфликты или согласие между персонажами. Использование амплифаеров в рамках художественного диалогического дискурса сопряжено с интенциями автора показать образы персонажей и их стиль речи, передать атмосферу произведения. В художественном контексте амплифаеры-аддитивы помогают глубже раскрыть характеры, их внутренние переживания и социальные контексты, что способствует более полному восприятию произведения читателем. Таким образом, употребление амплифаеров-аддитивов в речи является важным инструментом в создании многослойного и выразительного диалога, отражающего сложность человеческого общения. Следовательно, изучение данных лексиче-

ских единиц языка в художественных текстах открывает новые горизонты для понимания механизмов, с помощью которых автор воздействует на читателя, формируя смысловые слои произведения.

Ключевые слова: дискурс; художественный диалогический дискурс; высказывание-реплика; коммуникативно-речевая ситуация; речевые интенции; контекст; амплифаеры; амплифаеры-аддитивы

Для цитирования: Купцов А. Е., Бабаян В. Н. Амплифаеры-аддитивы как инструменты выражения речевых интенций субъектов коммуникации в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 86–106. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-86>. <https://elibrary.ru/UGCADQ>.

Original article

Amplifiers-additives as tools for expressing the speech intentions of communication subjects in russian-language fictional dialogic discourse

Alexander Ye. Kuptsov^{1✉}, Vladimir N. Babayan²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of english, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

²Doctor of philological sciences, professor at the department of the theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

¹kupcov.a@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9251-3214>

²vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Abstract. Modern research in linguistic science is actively studying how language functions and what patterns determine the use of linguistic units depending on the goals and objectives of the participants in communication. It is important to determine how context, social factors, and individual intentions influence the choice of lexemes and structures, as well as the interpretation of utterances. This research area includes an analysis of the communicative and pragmatic aspects of language such as the act of communication, the intended meanings and intentions of the speaker/writer, which allows for a deeper understanding of the dynamics of interaction between interlocutors and the role of language in social practice. The communicative and pragmatic potential of amplifiers in fictional dialogic discourse lies in their ability not only to structure the interaction between interlocutors, but also to convey emotional coloring, social relations and individual intentions. These lexical units of the language act as connecting elements, allowing the authors to create dialogue dynamics, emphasize conflicts or agreement between characters. The use of amplifiers in the framework of fictional discourse is associated with the author's intentions, to show the images of characters and their style of speech, to convey the atmosphere of the work. In a fictional context, additive amplifiers help to reveal characters, their inner experiences and social contexts more deeply, which contributes to a more complete perception of the work by the reader. Thus, the use of amplifiers-additives in speech is an important tool in creating a multi-

layered and expressive dialogue that reflects the complexity of human communication. Consequently, the study of these lexical units of language in fiction texts opens up new horizons for understanding the mechanisms by which the author influences the reader, forming the semantic layers of the work.

Key words: discourse; fictional dialogical discourse; utterance-replica; communicative-speech situation; speech intentions; context; amplifiers; amplifiers-additives

For citation: Kuptsov A. Ye., Babayan V. N. Amplifiers-additives as tools for expressing the speech intentions of communication subjects in Russian-language fictional dialogic discourse. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 86–106. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-86>. <https://elibrary.ru/UGCADQ>.

Введение

В настоящее время амплиферам приписываются функции на различных уровнях анализа. Таким образом, как единицы языка амплифера выполняют важные функции в различных стилях и регистрах дискурса: *смена темы, переформулировка, акцентирование, хеджирование, обратная связь* и др. Эти функции амплиферов можно классифицировать на **три основные группы**: (а) отношения между элементами высказывания – реплики говорящего; (б) отношения между говорящим и содержанием сообщения; (в) отношения между говорящим и слушателем в диалогическом акте общения. Таким образом, в рамках настоящей работы *амплифера* понимаются как лексические единицы языка, которые выполняют определенные коммуникативно-прагматические функции в различных регистрах художественного диалогического дискурса, которые организуют и структурируют высказывания-реплики, выражают отношения

между элементами сообщения, а также между адресантом, адресатом и содержанием, актуализируют конкретный смысл высказывания-реплики, добавляют смысловые оттенки и расширяют контекст, способствуя более эффективной и успешной коммуникации. Следует заметить, что *дискурс в общем* представляет собой связный (монологический или диалогический) текст, представленный в устной или письменной форме в виде последовательности высказываний-реплик адресанта и адресата в качестве его продуцентов и обращенный соответственно к слушателю или читателю, а также учитывающий всех его участников в качестве экстралингвистических факторов [Арнольд, 2002; Арутюнова, 1999; Блох, 2000; Борисова, 2018; Григорян, 2005; Дейк, 1989; Кубрякова, 2000; Кубрякова, 2004; Леонтьев, 1995; Мельникова, 2021; Стернин, 2001; Тюкина, 2021].

Художественный текст создается творческой языковой личностью и является отражением созна-

ния и продуктом ее когнитивной деятельности, содержащей следы определенной эпохи в авторской интерпретации в приближенном к реальности формате, то есть представляет собой моделирование действительности. Таким образом, **художественный дискурс** характеризуется способностью отражать аспекты культурно-языковой идентичности и миропонимание этноса. Иначе говоря, художественный дискурс, обладая глубоким смысловым содержанием, включает в себя и передает особенности менталитета и философии народа, тем самым создавая уникальную атмосферу.

Важно подчеркнуть, что главная цель художественного текста – не донести до читателя информацию, а изложить историю, в которой авторское мнение и эстетическая сторона представляются решающими. Образ Мира же создается при функционировании языка в эстетической сфере. Художественный текст представляет собой субъективную интерпретацию мира, которую автор создает на основе личного опыта и его национально-культурных ценностей. Внутренний мир каждого персонажа художественного текста отражает его эмоциональное и ментальное состояние. Данная интеракция, то есть взаимодействие между авторской моделью мира и внутренним миром персонажа, создает многослойность художественного произведения, позволяя читателю

однозначно воспринимать замысел автора и внутренние конфликты его персонажей. Итак, можно заключить, что акт интерпретации художественного произведения проявляется:

- 1) *в виде многоаспектного анализа;*
- 2) *в осмыслении механизмов организации;*
- 3) *в интерпретационных свойствах самого текста;*
- 4) *в роли свойств в построении картины мира;*
- 5) *в культурно-специфических и эстетических факторах.*

Таким образом, **художественный дискурс** представляет собой когнитивный диалог, отражающий как мирозерцание, «диалектику души» автора, так и динамику энергожизни текста – поликультурного языкового кода, воплощающего духовную энергию народа [Купцов, 2012; Шилова, 2023б].

Художественный диалогический дискурс характеризуется многоаспектностью, включая прямую речь и внутренние монологи, а также контекстуальностью, которая зависит от социального и культурного фонда. Художественный диалог, обладая определенной протяженностью, факультативной для реального диалога, спонтанным характером, а также подчиненный правилам времени, ритма, темпа, представляет собой сложный языковой феномен. Как справедливо говорят многие исследователи, коммуника-

тивной единицей художественного диалогического дискурса является высказывание-реплика, так как именно высказывание представляет собой наименьшую структурную единицу двустороннего речевого общения [Бабаян, 2023б; Мельникова, 2022; Тюкина, 2020]. Реплики способны изменять смысл предшествующих высказываний, создавая контекст и развивая акт диалогической коммуникации. Анализ высказываний-реплик позволяет однозначно интерпретировать особенности речевого поведения участников коммуникации и их интенции.

Интеракциональность в художественном произведении, как правило, представлена в форме диалога или композиционно-смысловых единств, которые вербализуют нормативные стратегии речевого поведения в художественном диалоге (стилизованном дискурсе, который по-своему отражает личностное пространство общения персонажей в художественном тексте). Е. Ю. Ильинова, исследуя интеракционные комплексы в художественном тексте, приходит к выводу, что в его сюжетном пространстве примеры диалогической речи выполняют двойственную эстетико-художественную функцию. Исследователь отмечает, что в смысловом пространстве художественного текста обычно выделяется бытовой и институциональный диалоги. Эти типы диалогов рассматриваются не только как проявление информатив-

но-художественной функции (развитие сюжетной линии в повествовании; создание образа литературного персонажа и его характеристика), но и как проявление коммуникативно-прагматической функции дискурса, демонстрирующей высокий уровень коммуникативной компетенции личности – способности организовывать общение (диалог), учитывая мотивационные, ролевые, статусные и эмоциональные аспекты речи [Ильинова, 2007].

Диалогичность и дискурс представляют собой ключевые понятия в современном языкознании, которые позволяют однозначно истолковать динамику коммуникации и взаимодействие в различных социальных контекстах. Дискурс является речевым потоком, используемым в социальном контексте, тогда как диалог – это дискурсивная форма речевой интеракции, которая скоординированно разворачивается между двумя или более партнерами по общению во время их взаимодействия.

Использование языка является социальным явлением. Следовательно, функционирование языка в социальных контекстах представляет собой многогранный процесс, включающий влияние социокультурных факторов на формирование значений и интерпретацию высказываний-реплик в диалогической речи. Соответствующий контекст может включать в себя различные аспекты рассматриваемой ситуации, в том числе цели и интенции коммуникантов,

состав участников, среду, в которой ведется коммуникация, средства невербального общения (движения, жесты, эмоции и др.) и др.

Диалог представляет собой дискурсивную форму речевой интеракции, в то время как дискурс рассматривается как речь или текст, находящийся в ситуации диалога, словно возвращенный к жизни. Из этого следует, что подобный текст обретает своего автора и реального читателя в конкретной ситуации их диалогической встречи как субъектов. Таким образом, дискурс становится проявлением социального взаимодействия в языковой форме и представляет собой структуру и процесс языкового творчества и познания мира человеком. Дискурс рассматривается как пространство, в котором осуществляется принцип диалогичности, а его сущностные характеристики выявляются через анализ диалогов [Бабаян, 2023б; Бабаян, 2023а; Шилова, 2023а].

Следует отметить, что диалогичность является основной характеристикой художественного дискурса, поскольку именно диалогичность способствует наиболее корректной его интерпретации. Соответственно, в настоящем исследовании акцентируется внимание на особенностях художественного диалогического дискурса как на диалогическом явлении.

Диалог фиксирует, закрепляет на определенное время особые мо-

менты происходящего процесса в акте коммуникации и поведении коммуникантов, внешних формах быта и т. д. Эти проблемы интересуют многих исследователей, изучающих различные аспекты диалога. Отметим, что в современной науке понятие «**диалог**» трактуется в широком и узком понимании. Так, *диалог в широком смысле* представляет встречу двух сознаний, и с этой точки зрения недиалогической речи не существует, то есть любой текст «двупланов» и «двусубъективен». *В узком смысле диалог* можно определить как одну из основных форм общения, где каждое высказывание направлено непосредственно к собеседнику и связано с текущей темой разговора.

Широкое и узкое понимание диалога открывает новые горизонты для полной и однозначной интерпретации природы человеческого общения и его роли в обществе. Следовательно, диалог как объект лингвистического исследования позволяет глубже понять механизмы человеческой коммуникации и взаимодействия.

На наш взгляд, ограничение анализа диалога выделением в нем диалогического единства, которое состоит из двух соседних реплик, не является исчерпывающим. Говоря о важности ретроспективного анализа каждой реплики-высказывания и взаимосвязи последующих высказываний с предыдущими реакциями партнера по

диалогу, необходимо учитывать стратегические намерения каждого участника диалогического акта коммуникации. В действительности, партнеры по диалогу постоянно стремятся к компромиссу, формулируя свои реплики-высказывания с учетом ответов друг друга. Однако каждая реплика-высказывание также соотносится с предшествующими высказываниями самого адресанта. Каждая речевая реакция может быть переосмыслена адресатом сообщения как стимул для нового высказывания, но сам говорящий может заранее планировать несколько реплик, продолжая свою предыдущую мысль (идею) и игнорируя ответ своего партнера или исходя не только из смысла сказанного, но и из его контекста, пространственно-временных условий или других своих размышлений. На наш взгляд, выделение диалогического единства на основе двух пограничных реплик может упростить задачу исследователя диалогического акта коммуникации, однако вряд ли отражает всю сложность и многообразие процесса диалогического общения.

Таким образом, можно заключить, что **диалог** как форма межличностного диадического взаимодействия в узком понимании характеризуется следующими *дифференциальными признаками*:

1) в диалоге непременно должны участвовать как минимум два и более коммуниканта;

2) высказывания-реплики партнеров по диалогу должны чередоваться, то есть участники диалога меняются ролями говорящего и слушающего;

3) партнеры по диалогическому акту коммуникации должны вести общение на общем для обоих языке;

4) коммуниканты – продеценты диалога должны видеть (слышать) своего партнера по общению.

Следует отметить, что в широком понимании **диалога** исследователи в основном изучают устную диалогическую речь в ее противопоставлении письменной, а также монологической речи. Таким образом, можем сказать, что разговорная речь приравнивается к диалогической речи.

Диалог представляет собой своеобразный текст, коллективным автором-продуcentом которого являются все его участники. В диалоге взаимодействуют как минимум две речемыслительные стратегии-программы. По формальным критериям диалогический текст, как правило, делится на реплики и «диалогические единства». В рамках диалогической цепи выделяются «единства», состоящие из двух, трех или более реплик, такие как *двучленные, трехчленные и многочленные* диалогические единства. Связь между высказываниями-репликами в диалогическом общении всегда проявляется не только на смысловом уровне, но и на языковом, а в некоторых случаях – и на формальном

уровне. Все реплики диалога делятся на *иницирующие* и *реагирующие*. Объединение как минимум двух соседних реплик в линейной цепи диалога происходит по определенным правилам семантической, прагматической и синтаксической зависимости, что формирует коммуникативную единицу диалога, диалогические единства.

Высказывания-реплики в диалогическом дискурсе, как полагает Е. С. Свиридова, обладают формальной соотнесенностью, означающей, что каждая последующая реплика-высказывание синтаксически согласуется с предыдущей, обеспечивая тем самым ее адекватное восприятие партнером по диалогу. Взаимодействие между высказываниями-репликами может зависеть как от содержания высказывания, так и от пресупозиционных или инференционных связей, а также от эмоциональных реакций участников коммуникации. Все реплики адресанта и адресата формируют их речевую партию [Свиридова, 2023].

Итак, благодаря изучению диалогической речи открываются новые возможности для изучения человека, его роли в обществе и социальной коммуникации. Диалог обладает различной формой, различными этапами и уровнями. Реализация диалогов характеризует особенности мышления. Проблемы коммуникации многогранны и отражают культуру общения и мысли

людей. Вопрос об определении концептуального и семантического значения диалога как базового понятия диалогического дискурса очевиден и необходим. Хочется отметить, что преимущество диалогического подхода к изучению языка заключается в том, что дискурс воспринимается не как маргинальное, частичное или случайное явление в наших жизненных процессах, а как процесс становления, который непосредственно интегрируется в конкретные социальные явления. Следовательно, приходим к выводу, что художественный диалог имеет следующие особенности:

1. *Цель и функция*: для художественного диалога основной целью является развитие сюжета, передача тем и идей произведения и др.

2. *Структура и форма*: художественный диалог, как правило, структурирован, включает риторические приемы и другие стилистические элементы.

3. *Характер и стиль*: художественный диалог, как правило, стилизован в соответствии с определенным стилем/эпохой, может быть идеализирован.

4. *Контекст*: художественный диалог используется для создания определенной атмосферы, служит для передачи подтекста и скрытых смыслов.

5. *Развитие персонажей*: в художественном диалоге развитие происходит через их интеракцию в

диалоге, что помогает наиболее точно понять адресату (читателю) их внутренний мир.

Представляется необходимым отметить, что, несмотря на важность дискурсивных единиц для сегментации и толкования дискурса, в современной науке о языке не наблюдается единого мнения о том, что именно демонстрирует дискурсивная единица и каким образом ее следует истолковывать. Для интерпретации (толкования) единиц анализа дискурса необходимо рассмотреть соотношения лингвистических понятий предложения и высказывания, так как разграничение этих понятий все еще остается спорным, не существует единых общепризнанных объяснений понятий предложения и высказывания и их соотношения. Считаем важным отметить, что предложение (фраза) как наименьшая коммуникативная единица принимается многими лингвистами в современной теории языка за предельный компонент при разбиении текста связной речи.

Цель статьи – исследовать, систематизировать и описать особенности функционирования *амплифаеров-аддитивов* как языковых средств репрезентации дополнительной информации в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Методология исследования

Объектом исследования в настоящей работе выступают лингво-прагматические особенности рус-

скоязычного художественного диалогического дискурса. Предметом исследования выступают семантические, функциональные и коммуникативно-прагматические характеристики *амплифаеров-аддитивов* в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Материал исследования

Исследование функционально-семантического диапазона в художественном диалогическом дискурсе на материале текстов диалогов русскоязычных произведений художественной литературы.

При анализе эмпирического материала – диалогов – использован метод дискурс-анализа, коммуникативного, социолингвистического, а также лингвистического контекстуального анализа художественного текста.

Анализ материала

Анализ полученного эмпирического материала позволяет выделить два подвида *амплифаеров-аддитивов* в зависимости от семантико-прагматических функций в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе: ***амплифаеры добавления информации*** (*дополнительно, более того, и, кроме того, помимо того и др.*) и ***амплифаеры контраста*** (*в свою очередь, в отличие, в противоположность этому, в то же время, в то время как, для сравнения, в противовес этому, между тем, наоборот, но, однако, по сравнению, тем не менее и др.*).

А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян

Проведенное исследование позволило установить, что в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе лексические единицы данного корпуса амплифаеров не только вводят дополнительную информацию, но также дополняют актуальной информацией предыдущее высказывание-реплику, тем самым выступая в роли когезивных средств. Например:

– *Напротив, ваше превосходительство. Хорошенькие лица способствуют аппетиту.*

– *Для меня это очень сильное средство, – сухо сказал губернатор, вставая. – **Кроме того**, я спешу. На прощанье позволю себе дать вам совет: одумайтесь,* Олексин [Васильев, 1994].

Приведенный выше пример высказываний-реплик в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе показывает, что исследуемые амплифаеры способствуют формированию и формулированию идеи (мысли) адресанта, а также фокусированию внимания адресата (партнера по диалогу) на следующее новое для него сообщение (информацию), квалифицируя актуальную информацию с точки зрения выражаемых коммуникантами модусных значений: *знание/незнание, аксиологическая оценка, сомнение, истинность* и др.

Кроме того, **амплифаеры добавления информации** способны выражать сопоставление элементов информации, квалифицируя ее с

точки зрения генерализации (обобщения) или расчленения. Заметим, что амплифаеры обладают параметрами, которые соотносятся с коммуникативным уровнем, где отмечается их текстовая ориентированность. Функциональный диапазон амплифаеры добавления информации отражается в связывании высказываний-реплик участников диалога и абзацев в тексте и установлении логической последовательности мыслей, то есть они помогают создавать когерентность художественного диалогического текста – связность и логическое единство всех элементов (сегментов) текста, такие как сюжет, персонажи, описание, диалоги и т. д. Другими словами, *амплифаеры добавления информации* содействуют связности художественного диалогического текста на глобальном уровне (когерентность) и на локальном уровне (когезия). Считаем важным отметить, что когерентность обеспечивает понимание и восприятие текста читателем как целого, а не отдельных фрагментов, что, в свою очередь, создает законченность и целостность мыслей и идей литературных персонажей.

В результате настоящего исследования выявлено, что в приведенном ниже отрывке *амплифаер добавления информации* **и** в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе создает короткие паузы, добавляя что-то новое к текущему топику, объединяя выска-

звания-реплики, тем самым данный амплифаер усиливает коммуникативное значение высказывания-реплики, в совокупности обогащает текстуальную выразительность. Таким образом, можем сказать, что семантика *амплифаеров добавления информации* проявляется на определенном фоне, выражая конкретные смысловые отношения. Например:

– *Как же не слышать, я ведь их меньшего сына Виктора нянчила...*

А Виктор – это брат Николая Владимировича. Известный в нашей стране соболятник. Между прочим, полная противоположность Зубру. Нетороплив, тих, застенчив. Он восстановил стране соболя. Во многом именно ему мы обязаны тем, что численность соболя стала больше, чем во времена Ивана Грозного.

– ... **И** *Николая я знала* [Гранин, 2005].

Как свидетельствует анализ фактического материала, данный амплифаер создает интонационно-синтаксические паузы, служит для логического членения речевого потока в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе и формирует грамматико-смысловые единства, тем самым

создавая сверхфразовое – интонационное, грамматическое и смысловое – единство. Таким образом, *амплифаеры добавления информации* играют ведущую роль в когнитивной и прагматической структурах языка, так как функционируют как амплифаеры дискурсных отношений, обеспечивая связность и последовательность высказываний-реплик.

На основе функционально-семантического анализа *амплифаеров добавления информации* в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе считаем целесообразным представить циклическую структуру художественного диалогического дискурса (см. Схема 1), где *инициация коммуникации* – завязывание речевого общения между партнерами; *ответ/реакция коммуниканта* – ответ адресата на сообщение адресанта; *введение новой темы или возвращение к изначальной теме с помощью амплифаера добавления информации* – процесс возвращения к обсуждаемому аспекту; *подведение итогов* – завершение обсуждения коммуникантами; *новый цикл* – инициирование нового круга дискуссии одним из общающихся или обоими коммуникантами.

Схема 1. Циклическая структура художественного диалогического дискурса

Что касается **амплифаторов контраста**, то, как справедливо отмечает М. В. Каменский, данные лексемы как когнитивное средство создания контраста в дискурсе характеризуются специфическими когнитивно-функциональными особенностями как постоянными, определяющими способность языковых единиц данного класса вводить контрастирующие противоречивые высказывания-реплики в ход дискурсивного взаимодействия [Каменский, 2014]. Следовательно, можем сделать вывод о том, что лексические единицы контрастирования обладают полифункциональностью и когнитивной нагрузкой в коммуникативных ситуациях.

Предпринятое исследование позволило установить, что функционал **амплифаторов контраста** с

позиции коммуникативно-прагматического подхода определяется речевой ситуацией художественного диалогического дискурса, то есть контекстом, а ключевой функцией амплифаторов контраста является *дискурсорганизирующая функция*. Тем самым лексические единицы данного корпуса амплифаторов отграничивают контрастирующие высказывания-реплики или части высказывания-реплики, которые противоположно трактуются коммуникантом. Например:

– *Нельзя изобрести способ производства, Толя.*

– *Но?.. Ведь есть же у вас в запасе «но», Георгий Петрович?*

– **Но** можно уловить его появление.

– *Где?*

– В жизни, разумеется. Первые робкие росточки [Тендряков, 1988].

Как следует из вышеприведенного примера, *амплифаер контраста* **но** в русском языке обладает пропозициональным значением при частичной семантической прозрачности и возможности интерпретировать коммуникативно-прагматическое значение, так как высказывание-реплика соотносится с предыдущим высказыванием-репликой. Следует обратить внимание на тот факт, что данный амплифаер довольно часто употребляется в инициальной позиции в высказывании-реплике, что придает последующей информации большую убедительность, а позицию адресанта по обсуждаемому вопросу – более релевантной.

Контрастивные амплифаеры в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе являются маркерами, позволяющими адресату однозначно интерпретировать смысл высказывания-реплики с учетом дополнительных контекстуальных факторов, а именно, из внутреннего и внешнего контекстов. Следовательно, данные лексические единицы используются адресантами (продуцентами высказываний-реплик) с целью воздействовать на формирование у адресата определенного мнения и сфокусировать его внимание на поступающем новом сообщении (информации). Амплифаеры контраста способствуют уточнению и проясняют содержание отношений меж-

ду высказываниями-репликами или между частями высказываний-реплик, так как они – *амплифаеры контраста* – в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе маркируют конкретные связи (отношения), исключая возможность неоднозначной их интерпретации.

Анализ полученного эмпирического материала позволяет выделить несколько подвидов *амплифаеров контраста* в зависимости от семантико-прагматических функций в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе:

1) *амплифаеры контрастного сопоставления*: *наоборот, напротив, по сравнению, для*. Иллокутивный потенциал заключается в маркировании контраста между двумя и более высказываниями-репликами, акцентируя внимание адресата на различиях и сходствах, а также как одно явление/факт соотносится с другим, тем самым обеспечивают логичность и структурированность художественного диалога. Например:

На следующий день писарь Полынов (бывший семинарист Сперанский) отправился в японское фотоателье, где симпатичный фотограф-японец сделал с него несколько снимков.

– Я ничего вам не должен за это? – спросил писарь.

– **Напротив**, это мы должны вам ... [Пикуль, 1989].

2) *амплифаеры опционного контраста*: *или, иначе, иным обра-*

зом. Иллокутивный потенциал заключается в обозначении условия, при котором ситуация может измениться, обеспечивая когнитивную связность художественного диалогического дискурса, а также создают параллельные конструкции, тем самым позволяя продуцентам высказываний-реплик выразить несколько идей в одном контексте. Например:

— Да ты сколько воды набираешь, дурак? Кто ж так моет?

— Гражданин начальник! А иначе его не вымоешь. Въелась грязь-то... [Солженицын, 1999].

3) **амплифаеры замещающего контраста**: вместо того чтобы, нежелая. Иллокутивный потенциал заключается в акцентировании внимания партнеров по общению на предпочтении одного явления/действия над другим, маркируя его значимость и целесообразность. Например:

— Мы скверно работаем, друзья. Мы царапаем землю, вместо того чтобы ее пахать. Мы причесываем, а не бороним. Мы непозволительно запаздываем со сроками и сеем кое-как, лишь бы избавиться от зерна

— Какой же выход? Что скажет заведующий хозяйством?

— Выхода я вижу два, — сказал Василий Иванович. — Первый нанять рабочую силу, пока мы не встанем на ноги [Васильев, 1994].

Приведенные примеры русскоязычных высказываний-реплик художественного диалогического дис-

курса позволяют сделать вывод о том, что данные подвиды амплифаеров контраста — *амплифаеры контрастного сопоставления, амплифаеры опционного контраста, амплифаеры замещающего контраста* — рассматриваются в качестве инструментов художественного диалогического дискурса, так как они способствуют формированию ментальных моделей (контрастное сопоставление, опционный контраст, замещающий контраст) и выступают в роли комментариев, используемых для формирования аддитивного кодирования актуальной информации с целью усиления экспрессивности высказывания-реплики, привнося дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в русскоязычный художественный диалогический дискурс. При этом следует отметить, что функциональный потенциал данного корпуса лексических единиц определяется в соответствии с конкретной коммуникативно-речевой ситуацией и коммуникативно-прагматическими установками обоих партнеров по общению.

Функционально-семантический анализ амплифаеров-контраста в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе позволяет представить циклическую структуру художественного диалогического дискурса. Необходимо подчеркнуть, что амплифаеры контраста и их подвиды — *амплифаеры контрастного сопоставления, амплифаеры опционного контраста, ам-*

плифаеры замещающего контраста – имеют одинаковую циклическую структуру художественного диалогического дискурса в русском языке. На наш взгляд, данный феномен объясняется благодаря своим структурным и функциональным свойствам, что находит свое подтверждение как теоретическими, так и эмпирическими исследованиями.

Схематически русскоязычный художественный диалогический дискурс с *амплиферами-контраста* имеет следующий вид (см. Схему 2), где *инициация коммуникации* – установление контекста, в которой происходит коммуникация; *изложение актуальной информации/дискуссия* –

обсуждение обоими коммуникантами представленной информации; *введение говорящим (адресантом) противоположной мысли, вводимой при помощи амплифера* – введение одним из партнеров по диалогу новой контрастной информации; *изложение актуальной информации/дискуссия* – обсуждение представленной информации обоими коммуникантами; *подведение итогов акта коммуникации*, то есть завершение обсуждения; *новый цикл* – инициирование одним из общающихся или обоими коммуникантами нового круга дискуссии/ новой темы, продолжая процесс коммуникации.

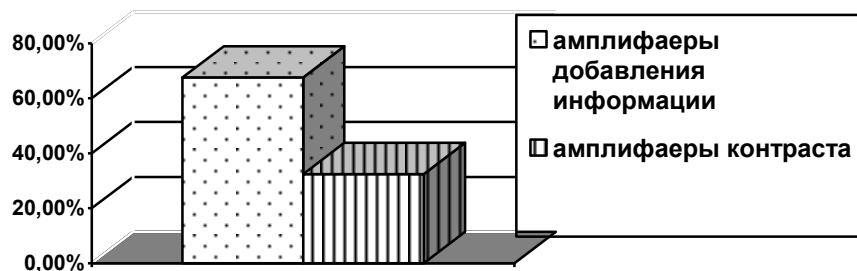
Схема 2. Циклическая структура художественного диалогического дискурса с амплиферами-контраста

Таким образом, отметим, что в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе выявлены как минимум 2 циклические струк-

туры с использованием *амплифаторов-аддитивов*. В связи с тем, что *амплифаеры-аддитивы* в художественном диалогическом дискурсе

рекуррентны и имеют широкий коммуникативно-прагматический потенциал в русском языке, в рамках настоящей работы, считаем, что получение лингвостатистических

данных позволит выявить определенные закономерности, которые являются характерными для русского языка.

Гистограмма 1. Частотность употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в русском языке

Как видим из гистограммы 1 наиболее часто используются **амплифаеры добавления информации** – 67,6%, в то время как **амплифаеры контраста** в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе используются значительно реже – 32,4%. Полагаем, что количественные различия в использовании данных лексем зависят от структурных особенностей русского языка, обуславливающих специфику русскоязычной коммуникации, и связанных с определенными когнитивными и коммуникативно-прагматическими аспектами коммуникации.

Выводы

Итак, можем заключить, что иллюкутивной функцией амплифаеров-аддитивов в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе является организация текста, указание на связь между идеями, введение

дополнительной информации или продолжение мысли, тем самым обеспечивая логическую связность художественного текста. Амплифаеры-аддитивы создают в художественном диалогическом дискурсе последовательное аргументирование, позволяя читателю (реципиенту) следить за развитием мысли и фокусируя внимание реципиента на следующей новой для него информации. Таким образом, иллюкутивный потенциал данного корпуса амплифаеров заключается в связи элементов речи, в модифицировании смысла высказываний-реплик, тем самым создавая контекстуальные связи между коммуникативными интенциями партнеров по общению в диалогических высказываниях-репликах русскоязычного художественного дискурса.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. Москва : Флинта : Наука, 2002. 383 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Бабаян В. Н. Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2023б. № 2(33). С. 142–151.
4. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023а. № 2. С. 34–43.
5. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 57–67.
6. Борисова Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 34–48.
7. Васильев Б. Л. Собрание сочинений : в 8 томах. Том 4. Повесть, роман. Смоленск : Траст-Имаком : Фирма «Русич», 1994. 545 с.
8. Гранин Д. А. Зубр : роман. Москва : Эксмо, 2005. 735 с.
9. Григорян А. А. Дискурс и текст // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 26-27 февраля 2005 г. Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2005. С. 16–22.
10. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 310 с.
11. Ильинова Е. Ю. Функции диалогичности в художественном тексте // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика. 2007. С. 141–147.
12. Каменский М. В. Дискурсивные маркеры как когнитивное средство создания контраста в дискурсивном взаимодействии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 1(54). С. 53–56.
13. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сборник обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания; Редкол.: Ромашко С. А., отв. ред. [и др.]. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 5–13.
14. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
15. Купцов А. Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 383–385.
16. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста : материалы науч. конф. Ч. 1. Москва : Изд-во МГУ, 1995. С. 45.

17. Мельникова К. А. Политкорректный медиадискурс как способ достижения коммуникативной свободы общения // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития : сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Пинск, 26 марта 2021 года. Выпуск 2. Пинск : Полесский государственный университет, 2021. С. 169–175.
18. Мельникова К. А. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2(29). С. 126–132.
19. Пикуль В. С. Каторга. Москва : Вече, 2008. 352 с.
20. Свиридова Е. С. Дискурс как сложное коммуникативное явление // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2023. № 2(68). С. 65–71.
21. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича: [рассказы 60-х годов]. Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2017. 347 с.
22. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. 252 с.
23. Тендряков В. Ф. Покушение на миражи: Роман, повесть, рассказы. Москва : Советский писатель, 1988. 397 с.
24. Тюкина Л. А. Лингвистический анализ юмористического диалогического дискурса (на материале немецко-, англо- и русскоязычного бытового анекдота) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта : сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие, Москва, 10–12 ноября 2020 года. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. С. 68–74.
25. Тюкина Л. А. Проблема непонимания в юмористическом дискурсе // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : Сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, Брянск, 14–16 октября 2021 года. Брянск : Изд-во Брянского государственного инженерно-технологического университета, 2021. С. 95–100.
26. Шилова Н. В. Отрицательная оценочная семантика дискурсивных маркеров во франкоязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023а. № 4(55). С. 680–683.
27. Шилова Н. В. Коммуникативно-прагматические единицы как составляющие вспомогательной системы художественного дискурса // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ярославль, 19–20 мая 2023 года. Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2023б. С. 291–296.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk = Stylistics. Modern English : uchebnyk dlya vuzov. Moskva : Flinta : Nauka, 2002. 383 s.

2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka = Language and the world of man. Moskva : Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
3. Babajan V. N. Lingvopragmaticheskie osobennosti vyskazyvanij-replik anglojazychnogo dialogicheskogo hudozhestvennogo diskursa = Lingvopragmatic features of utterances-replicas of English-language dialogical artistic discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023b. № 2(33). S. 142–151.
4. Babayan V. N. Molchashchij nablyudatel' kak producent dialogicheskogo diskursa terciarnoj rechi = The silent observer as a producer of dialogical discourse of tertiary speech // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2023a. № 2. S. 34–43.
5. Bloh M. Ya. Diktema v urovnevoj strukture yazyka = Dictem in the level structure of language // Voprosy yazykoznanija. 2000. № 4. S. 57–67.
6. Borisova E. G. Upravlenie ponimaniem. Yazykovye edinicy, reguliruyushchie ponimanie soobshcheniya = Understanding Management : Language Units Regulating Message Understanding // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2018. № 6. S. 34–48.
7. Vasil'ev B. L. Sobranie sochinenij : v 8 tomah. Tom 4. Povest', roman = Collected Works: in 8 volumes. Volume 4. Story, novel. Smolensk : Trast-Imakom : Firma «Rusich», 1994. 545 s.
8. Granin D. A. Zubr : roman = Bison: a novel. Moskva : Eksmo, 2005. 735 s.
9. Grigoryan A. A. Diskurs i tekst = Discourse and text // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse. Orel, 26-27 fevralya 2005 g. Orel : Orlovskij gosudarstvennyj institut iskusstv i kul'tury, 2005. S. 16–22.
10. Dejk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya = Language. Cognition. Communication. Moskva : Progress, 1989. 310 s.
11. Il'inova E. Ju. Funkcii dialogichnosti v hudozhestvennom tekste = Functions of dialogism in fiction // Voprosy strukturnoj, funkcional'noj i kognitivnoj lingvistiki: teorija i praktika. 2007. S. 141–147.
12. Kamenskij M. V. Diskursnye markery kak kognitivnoe sredstvo sozdaniya kontrasta v diskursivnom vzaimodejstvii = Discourse markers as a cognitive means of creating contrast in discursive interaction // Vestnik CHerepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1(54). S. 53–56.
13. Kubrjakova E. S. O ponjatijah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike (Obzor) = On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics (Review) // Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost': funkcional'nye i strukturnye aspekty : sbornik obzorov / RAN. INION. Centr gumanitarnyh nauchno-informacionnyh issledovanij. Otdel jazykoznanija; Redkol.: Romashko S. A., otv. red. i [dr.]. Moskva : Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2000. S. 5–13.
14. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge. Towards gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 555 s.

15. Kupcov A. E. Leksicheskie sredstva vydeleniya temy v predlozhenii (na materiale ispanskogo jazyka) = Lexical means of highlighting the topic in a sentence (based on the Spanish language) // Kognitivnye issledovaniya jazyka. 2012. № 11. S. 383–385.
16. Leont'ev A. A. Priznaki svyaznosti i cel'nosti teksta = Signs of coherence and integrity of the text // Lingvistika teksta: Materialy nauch. konf. CH. 1. Moskva : Izd-vo MGU, 1995. S. 45.
17. Mel'nikova K. A. Politkorrektny`j mediadiskurs kak sposob dostizheniya kommunikativnoj svobody` obshheniya = Politically correct media discourse as a way to achieve communicative freedom of communication // Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya: sovremennye vektory` razvitiya : sbornik nauchny`x statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Pinsk, 26 marta 2021 goda. Vy`pusk 2. Pinsk : Poleskij gosudarstvenny`j universitet, 2021. S. 169–175.
18. Mel'nikova K. A. Sposoby realizacii kommunikativnogo vozdejstviya v mediadiskurse = Methods of implementing communicative impact in media discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2(29). S. 126–132.
19. Pikul' V. S. Katorga = Penal servitude. Moskva : Veche, 2008. 352 s.
20. Sviridova E. S. Diskurs kak slozhnoe kommunikativnoe javlenie = Discourse as a complex communicative phenomenon // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalja. 2023. № 2(68). S. 65–71.
21. Solzhenicyn A. I. Odin den' Ivana Denisovicha = One day of Ivan Denisovich: [rasskazy 60-h godov]. Sankt-Peterburg : Azbuka : Azbuka-Attikus, 2017. 347 s.
22. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to speech influence. Voronezh, 2001. 252 s.
23. Tendryakov V. F. Pokushenie na mirazhi = Assault on Mirages: Roman, povest', rasskazy. Moskva : Sovetskij pisatel', 1988. 397 s.
24. Tjukina L. A. Lingvisticheskij analiz jumoristicheskogo dialogicheskogo diskursa (na materiale nemecko-, anglo- i russkojazychnogo bytovogo anekdota) = Linguistic analysis of humorous dialogic discourse (based on German, English and Russian language everyday jokes) // Voprosy sovremennoj lingvistiki i izuchenija inostrannyh jazykov v jepohu iskusstvennogo intellekta : sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, posvjashhennogo Vsemirnomu dnju nauki za mir i razvitie, Moskva, 10–12 nojabrja 2020 goda. Moskva : Rossijskij universitet družby narodov (RUDN), 2020. S. 68–74.
25. Tyukina L. A. Problema neponimaniya v yumoristicheskom diskurse = The problem of misunderstanding in humorous discourse // Voprosy` sovremennoj filologii i problemy` metodiki obucheniya yazykam : Sbornik nauchny`x statej po itogam IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Bryansk, 14–16 oktyabrya 2021 goda. Bryansk : Bryanskij gosudarstvenny`j inzhenerno-technologicheskij universitet, 2021. S. 95–100.
26. Shilova N. V. Otricatel'naya ocenohnaya semantika diskursivnyh mark-erov vo frankojazychnom hudozhestvennom diskurse = Negative evaluative seman-

tics of discursive markers in French-language fictional discourse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2023. № 4(55). S. 680–683.

27. Shilova N. V. Kommunikativno-pragmaticheskie edinicy kak sostavljajushhie vspomogatel'noj sistemy hudozhestvennogo diskursa = Communicative-pragmatic units as components of the auxiliary system of artistic discourse // Lingvodidaktika i lingvistika v vuze: tradicionnye i innovacionnye podhody : sbornik nauchnyh statej po materialam V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Jaroslavl', 19–20 maja 2023 goda. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2023b. S. 291–296.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 22.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 26.06.2025; approved after reviewing 22.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Научная статья
УДК 82-141
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-107
EDN PDGIMQ

**Лермонтов и Су Ши:
онейрическая поэтика и буддийское мировидение**

Леонид Викторович Дубаков

Кандидат филологических наук, доцент Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР, г. Шэньчжэнь
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. В статье производится сопоставительный типологический анализ стихотворений М. Ю. Лермонтова и Су Ши. Актуальность работы обусловлена активным взаимодействием России и Китая в сфере культуры в последние два десятилетия, стремлением ученых-литературоведов с обеих сторон установить прямые и типологические связи между национальными литературами, прояснить и сравнить специфику художественных миров конкретных авторов. Сходство и отличие поэтических систем Лермонтова и Су Ши определяется с точки зрения лермонтоведческих интуиций, проявившихся в русской религиозной философии, классического лермонтоведения, а также в рамках исследований, посвященных буддийскому тексту русской литературы и буддизму в китайской культуре и литературе. Лермонтов и Су Ши – поэты неидентичного личностного и художественного темперамента, однако в их поэзии присутствует ряд связанных с религиозным мистицизмом архетипических мотивов – одиночества, странничества, жизни как духовного пути, неотмирности героя, неземного покоя, тонкости границ времени и пространства, иномирья, музыкальности реальности. Кроме того, эти поэты пересекаются в своем постепенном приближении к буддизму. Су Ши – поэт, соединивший в своем сознании три китайских религии – конфуцианство, даосизм, буддизм, с преобладанием последней в конце жизни. В случае Лермонтова можно условно говорить о некоторых элементах буддийского мировидения в отдельных его произведениях. Лермонтов и Су Ши – поэты, устремляющиеся к запредельному, видящие мир в его двойственности и открывающие для себя его недвойственный характер. Также одна из общих проблем их поэзии – осмысление природы, прочувствование границ собственного «я» – между собой и другими, собой и природой. У обоих поэтов сон и пробуждение оказываются тонкими состояниями души, которые обеспечивают переход человека к подлинной духовной жизни.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; Су Ши; Су Дунпо; типологический анализ; онейрическая поэтика; буддизм; буддийский текст; буддийское мировидение; трансцендентная реальность

© Дубаков Л. В., 2025

Для цитирования: Дубаков Л. В. Лермонтов и Су Ши: онейрическая поэтика и буддийское мировидение // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 107–120. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-107>. <https://elibrary.ru/PDGIMQ>.

Original article

Lermontov and Su Shi: oneiric poetics and buddhist worldview

Leonid V. Dubakov

Candidate of philological sciences, associate professor at the Center of the Russian language, the Shenzhen MSU–BIT University, PRC, Shenzhen
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract. The article provides a comparative typological analysis of the poems by M. Y. Lermontov and Su Shi. The relevance of the work is due to the active cultural cooperation between Russia and China over the past two decades. Scientists from both countries seek to establish direct and typological links between the national literatures, to clarify and compare the specifics of the literary worlds created by certain authors. The similarity and difference between the poetic systems of Lermontov and Su Shi is examined from the point of view of Lermontov's intuitions, manifested in Russian religious philosophy and classical Lermontov studies, as well as in the framework of researches on Buddhist text in Russian literature and Buddhism in Chinese culture and literature. Lermontov and Su Shi are poets who are not identical in terms of personal and artistic temperament, but their poetry contains a number of archetypal motifs associated with religious mysticism – loneliness, pilgrimage, life as a spiritual path, the otherworldliness of the hero, heavenly peace, the subtleties of the boundaries of time and space, otherworldliness, and musical reality. In addition, these poets intersect in their gradual approach to Buddhism. Su Shi is a poet who combined in his mind three Chinese religions – Confucianism, Taoism, and Buddhism, with the latter dominating at the end of his life. In the case of Lermontov, we cannot unconditionally talk about certain elements of the Buddhist worldview in some of his works. Lermontov and Su Shi are poets who strive for the transcendental, seeing the world in its duality and discovering for themselves its non-dual character. A common problem of their poetry is understanding nature, feeling the boundaries between themselves and others, between themselves and nature. For both poets, sleep and awakening turn out to be subtle states of the soul that ensure a person's transition to genuine spiritual life.

Key words: M. Y. Lermontov; Su Shi; Su Dongpo; typological analysis; oneiric poetics; Buddhism; Buddhist text; Buddhist worldview; transcendent reality

For citation: Dubakov L. V. Lermontov and Su Shi: oneiric poetics and buddhist worldview. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 107–120. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-107>. <https://elibrary.ru/PDGIMQ>.

Введение

В книге «“Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...”»: российский-китайский литературный

диалог» Е. М. Болдырева обозначает три формы такого диалога. Во-первых, существование типологических пар писателей, писателей-

«двойников», в творчестве которых наблюдается очевидное сходство проблематики и поэтики. Во-вторых, мотивные переключки, порождаемые близостью общественно-политических ситуаций, внутри которых созданы конкретные литературные произведения, или прямым воздействием одного писателя на другого. Наконец, *третья форма диалога* – то, что открывается читателю через анализ «функционалирования вечных, “странствующих” сюжетов и образов в русской и китайской литературе» [Болдырева, 2023, с. 13]. Данная третья форма – самая безусловная. Особенно если писатели не только относятся к разным культурам, но и значительно отстоят друг от друга во времени. Тем не менее, если существуют архетипические сюжеты, мотивы, определенные варианты мировоззрения и способы восприятия реальности, при необходимом обосновании возможны и подобные соотнесения.

Философы рубежа веков и первой половины прошлого века открыли для читателя М. Ю. Лермонтова (1814–1841) как поэта-мистика, как того, кто обладал «даром общения с мировыми духовными сущностями в полной развертке аксиологической шкалы: от благодатных до демонических» [Исупов, 2014, с. 56]. Они, по выражению философа С. Г. Семёновой, писали о нем, «мистически укореняя» его «в иные, сверхземные измерения бытия» [Семёнова,

2004, с. 172]. Так, в частности, В. С. Соловьёв и Д. С. Мережковский, хотя и по-разному оценивая Лермонтова, одинаково увидели в нем устремленность к метафизической реальности: у него была «способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений» [Соловьёв, 2013, с. 388]; Лермонтов – исключительная душа, для которой «поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну премирную» [Мережковский, 2013, с. 410]. Позже вслед за Мережковским о Лермонтове как о мистике, «вестнике», в «Розе мира» напишет Д. Л. Андреев, характеризуя его, наряду с Достоевским и Блоком, как одного из «Великих созерцателей “обеих бездн”, бездны горнего мира и бездны слоев демонических» [Андреев, 1991, с. 182]. Можно также сказать, что Лермонтов – поэт-романтик, наблюдающий реальность двоемирия, ощущающий «двуединую тягу» [Сакулин, 2013, с. 596] человечества, фиксирующий разлом между мирами и «безднами».

Су Ши (1037–1101), или Су Дунпо, поэт династии Сун, воспринял все три главные китайские религии: он изучил конфуцианство, учился в даосской школе, а также получал наставления от чаньского монаха Фо Иня. Беседы с последним впоследствии стали частью китайского фольклора, воплотившись в «Свод занятных историй,

случившихся с сунцами». Данные беседы-рассказы, на первый взгляд, иронически демонстрируют, в чем состоят подлинные духовная благородство и простота. Однако внутри каждой из этих бесед присутствует указание на ту или иную тонкую реальность [Сторожук, 2024]. Соприкосновению с этой последней посвящены и некоторые истории «Леса записей Дун-По», авторского сборника эссеистики Су Ши [Су Ши, 2009].

Параллель между мотивикой и поэтикой Су Ши и Лермонтова в статьях «Мотивы поэзии Лермонтова и Су Ши: критерии сопоставительного анализа» и «Субъектно-образные структуры русской и китайской лирики: аспекты сопоставления» впервые провел китайский исследователь Тан Цюнцун [Тан Цюнцун, 2021]. Однако краткость этих статей оставляет возможность для дальнейшего типологического анализа. В представленной работе, конечно, также нет возможности провести исчерпывающий анализ схожих мотивов в творчестве Лермонтова и Су Ши, это требует отдельного и большого исследования. Здесь обозначены и проанализированы лишь некоторые наиболее яркие и показательные совпадения.

Результаты исследования

Как известно, в стихотворении Лермонтова «Ангел» (1831) нашел отражение биографический момент – «воспоминание поэта о песне, которую ему пела в детстве мать» [Лермонтов, 2014, с. 518].

Однако, по мысли Д. Л. Андреева, «Ангел, несший <...> душу на землю и певший ту песнь, которой потом “заменить не могли ей скучные песни земли”, есть не литературный прием» [Андреев, 1991, с. 183], не поэтическое развитие платоновской интуиции о предсуществовании души на «небесной родине» и даже не биографический факт, но факт бытийственный. Схожий мотив соприкосновения с небесной иерархией можно обнаружить и в стихотворениях Су Ши. См., например, «武昌酌菩薩泉送王子立» («Провожая Ван Цзыли у источника бодхисаттв, что в Учане») («В путь без вина провожаю тебя...») [Су Дунпо, 1975]. Перед небесной реальностью реальность земная с ее «скучными песнями» [Лермонтов, 2014, с. 203] и житейскими заботами о материальных благах – вине или деньгах – малозначима. Источник бодхисаттв из произведения китайского поэта так же приобщает героя стихотворения к высокому инобытийному существованию, как и ангельская песнь – героя лермонтовского текста. Ощущение «томительной» жизни на свете равнозначно провидению того, что все четыре направления и водное пространство – это все то же лишь отраженное в них небо, что освящено присутствием высоких христианских или буддийских иерархий.

В поэзии юного Лермонтова «господствуют» «два memento»: «помни о смерти» и «помни о небе», «о высоком предназначении

человека», «об обретении бесконечности и в пространстве, и во времени» [Семёнова, 2004, с. 172]. Потенция вечности, живущая в сердце человека, «Объемлет в краткой миг» «Пространство без границ, течение века» [Лермонтов, 2014, с. 148]. Дом поэта – это дом высотой от земли до звезд и шириной, что измеряется «не взором, но душой» [Лермонтов, 2014, с. 148], он создан для страдания героя сегодня и его покоя в перспективе («Мой дом» (<1830– 1831?>)). В стихотворении Су Ши «宿九仙山 宋» («Ночую на Горе девяти святых») герой вначале отменяет время, ведь дух даосского учителя Ван Се, несмотря на прошедшие 500 лет, по-прежнему живет возле горного храма, а затем, погружившись в «небытие» и очнувшись ото сна и трансцендируя, забывает про земное пространство, ранее в виде скал надвинувшееся на него с разных сторон: «Смотрел я на небо, где лодка-луна / Плыла в облаках – как во льдах!» [Су Дунпо, 1975].

Лермонтов, как и Су Ши, в поэзии переходит через границы между обыденным и иным миром. Лермонтовское стихотворение «Сон» (1841) В. В. Набоков в «Предисловии к “Герою нашего времени”» интерпретирует с точки зрения взаимопроникновения трех снов. Лирический герой видит сон о том, как умирает на Кавказе. Смертельно раненный видит сон о молодой девушке. Она, в свою очередь, видит сон об этом умираю-

щем, которому снится сон о ней. Перед нами «Сон 3 внутри Сна 2 внутри Сна 1, который, сделав замкнутую спираль, возвращает нас к начальной строфе» [Набоков, 2004, с. 526]. (До Набокова напряженное единство, тождество «я» поэта, его двойника-сновидца и «юной жены», о которой двойник вспоминает, отмечал И. Р. Эйгес в статье «О Лермонтове (К метафизике сновидения)» [Эйгес, 2013, с. 513] и В. С. Соловьёв в статье «Лермонтов» [Соловьёв, 2013, с. 390].) Физическая реальность, в которой существуют лермонтовские герои, истончается. Рана воина дымится – в значении тлеет, горит жаром и болью, но вместе с тем здесь возникает и образ невидимого испарения, тонкого тумана исходящей души. Девушка сидит глубоко задумавшись, и корень «дум» оказывается не только созвучен корню «дым», но и совпадает с ним в одном из родственных значений: корень «дум» близок праславянскому «*dŏti», то есть «дуть». А оба они связаны с корнем «душ» – душа, и все вместе рождает образ тонкого дуновения сквозь материальность. Души героев встречаются, переносясь друг к другу по воздуху или, согласно выражению древних, по эфиру.

Интересно, что в раннем (1830 или 1831 года) одноименном стихотворении Лермонтова деву, которую видит герой и «Сидела <...> пленительна, грустна», поэт характеризует «как последний

сон / Души, на небо призванной» [Лермонтов, 2014, с. 140]. Итак, схожие образы и мотивы, по-иному и в другом контексте собранные, позволяют прочесть сон героини «Сна» 1841 года и как ее вариант смерти, или как сложное онейрически-мортальное состояние.

Сложная композиция обнаруживается также в стихотворении Су Ши «江城子 乙卯正月二十日夜记梦 (十年生死两茫茫)» («На мелодию “Цзянчэнцзы”» («Речной город»)) («Десять уж лет с того времени минуло...»). Герой этого произведения, тоскуя по умершей жене, видит о ней сон. Место действия – их дом, она стоит перед окном и наряжается, их взгляды встречаются. При этом до конца не ясно положение героя: то ли он стоит перед окном за пределами дома, то ли внутри. Но в обоих случаях, по всей видимости, Су Ши организывает встречу мужа и жены во сне через зеркальные преломления: он и она видят друг друга сквозь стекло или через отражение в нем. За счет сна и стекла, увиденного ночью, у Су Ши исчезает промежуток времени в десять лет и расстояние в тысячу ли.

Равно и в лермонтовском «Сне» расстояние между столичным пространством и кавказской долиной оказывается незначимым для уснувших героев. Лермонтов и Су Ши используют в своих стихотворениях слово «сон», но природу онейрического состояния каждого из героев определить сложно: ве-

щий сон, предсмертное забытье, дрема задумавшейся по божественному наитию души («бог знает чем была погружена» [Лермонтов, 2014, с. 349]), сон-фантазия, «спиритическое» свидание с духом покойной. Говоря о «Сне», Л. А. Ходанен и Ямадзи Асута пишут, что в этом произведении «присутствуют провидение собственной смерти, посмертный сон, сновидческая реальность последнего видения-воспоминания, посетившего сознание» [Ходанен, 2015, с. 181].

В целом, В. В. Савельева в монографии «Художественная гипнология и онейропозтика русских писателей» говорит о множественности тонких, трудноопределимых онейрических состояний: «...греза, галлюцинация, гипнагогические образы, гипноз, кошмарный сон, летаргия, онейроид, сон, снобдение, тонкий сон» [Савельева, 2013, с. 487], также «видения <...> бред, мечты наяву [Савельева, 2013, с. 17].

Однако, какими бы ни были эти тонкие состояния и тонкие связи между героями у Лермонтова и Су Ши, они становятся возможны через силу любви и в приближении к смерти. Как заметил, размышляя о стихотворении «Сон» и в целом о творчестве поэта, И. Р. Эйгес: «Любовь, во всей совокупности своих элементов, острее всего рассекает жизнь на два мира – метафизический и эмпирический, она же обладает силой полнее всего слить их» [Эйгес, 2013, с. 527].

Отдельно можно отметить, что

Тан Цюнцун в статье «Субъектно-образные структуры русской и китайской лирики: аспекты сопоставления», анализируя субъектно-объектную организацию текста и специфику восприятия внутренней и внешней реальности в китайской поэзии по сравнению с русской, пишет, что в стихотворении Су Ши «“я” и “ты” появляются одновременно, выступают в качестве субъектов и объектов изображения, образуя синкретическую целостность» [Тан Цюнцун, 2024, с. 65]. Такую же синкретическую целостность образуют «я» и «он» лермонтовского текста. Кроме того, «В обоих произведениях авторское сознание функционирует в двух формах: как частное “я”, любящее и страдающее, и высшее “я”, размышляющее о трагических коллизиях в жизни человека и видящее мир в бытийном измерении» [Тан Цюнцун, 2024, с. 65].

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (1841) Лермонтов возвращается к одной из главных проблем своей поэзии – к разладу между человеческим «я», воспринимаемым им в качестве «неподменного и неразложимого духовно-душевно-телесного единства» [Семёнова, 2004, с. 173], которое не должно знать границ и не может подлежать уничтожению, и покоем персонального небытия. С. Г. Семёнова замечает, что, хотя принято считать, что поздний Лермонтов «изменил своё негативное отношение к покою» [Семёнова, 2004, с. 200], в этом произведении все

равно присутствует та же проблема: космический пейзаж строен, а человек задаётся мучительными вопросами о смысле своего существования и пытается спастись, скрывшись во вневременном пространстве под покровом зеленого дуба, сладкого (ангелического) голоса и трансцендентного сна. Схожая ситуация – в тютчевском творчестве: «Сон в поэзии Тютчева выступает как своеобразный покров, отделяющий сознание человека от мрачной бездны существования, от неотвратимости хода времени, приближающего смерть, от одиночества не только индивидуума, но и всего человечества в борьбе с природой. Человек, лишенный сна, оказывается особенно хрупким перед лицом мироздания [Изотова, 2005, с. 138].

В стихотворении «西江月 照野弥弥浅浪» («Степь, залитая лунным светом...») герой Су Ши, подобно герою произведения Лермонтова, провидит нечеловеческий мир в окрестностях Хуанчжоу: в ночном небе светит луна, вокруг стоят горы, шумно течет речка. Он засыпает под воздействием усталости и вина, ощущая тишину и хрупкость природной реальности [Су Дунпо, 1975]. Это стихотворение Су Ши может быть прочитано сквозь образы и идеи буддизма: опьянение героя – это опьянение жизнью, наводящей морок на человека, река – поток человеческого существования, желание не потревожить покой мира – стремление к гармонии, голос кукушки, призыва-

ющей к пробуждению, – указание на возможность окончательного освобождения от иллюзорной действительности [Чогьял Намкай Норбу, 2001], скорое пробуждение – намек на учение о возможности мгновенного пробуждения к истинному существованию. Здесь нужно отметить, что мировоззрение Су Ши было сложным, но «буддизм в его времена был настолько органической частью жизни китайского общества, что даже для человека, специально не интересовавшегося его доктриной, он мог стать частью его внутреннего мира» [Мартынов, 1982, с. 228]. В случае же с Су Ши буддизм, философские и метафизические доктрины этой религии с каждым годом все сильнее проникали в его сознание. Подобное, буддийское истолкование в рамках широкого взгляда на отечественную литературу позапрошлого века [Бекметов, 2018] возможно и применительно к «Выхожу один я на дорогу...». Так, Б. С. Гречин утверждает, что в некоторых произведениях Лермонтова наблюдается резонанс с буддийским мировоззрением [Гречин, 2016]. Желание лермонтовского героя навечно «забыться и заснуть» [Лермонтов, 2014, с. 423], не умирая, но отринув желания и сожаления, кажется смежным с представлением о состоянии нирваны, или угасания страстей.

Стихотворение «И скучно, и грустно» (1840) в еще большей степени видится буддийским текстом, так как оно наполнено фразами об обманности, тщете, конечности и

вредности желаний и страстей, со звучными строкам «Дхаммапады»: «Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. Связанные путами и узами, они снова и снова в течение времени возвращаются к страданию» [Дхаммапада, 1960, с. 127], «Пересекая поток существования, откажись от прошлого, откажись от будущего, откажись от того, что между ними. Если ум освобожден, то, что бы ни случилось, ты не придешь снова к рождению и старости» [Дхаммапада, 1960, с. 128]. Заметим, в связи с этим произведением, что в критической статье, посвященной поэзии гр. А. А. Голенищева-Кутузова, В. С. Соловьёв обращает внимание на проявление буддийского настроения, правда, в его упрощенном, только отрицающем виде: «Это настроение есть с начала до конца – безнадежность. Жизнь бессмысленна, а счастье – мгновенная и обманчивая случайность» [Соловьёв, 1991, с. 432]. Думается, опуская соловьевские слова о безнадежности, что это описание буддийских взглядов, конечно, больше подходит именно лермонтовскому стихотворению «И скучно, и грустно», а не всего лишь пессимистически настроенному поэту Голенищеву-Кутузову.

Стихотворение «舟中夜起» («风萧萧吹菰蒲») («Ночная дума») («Ветер что-то шепчет в тростнике...») Су Ши констатирует ту же печальную ситуацию: «Наша жизнь стремительна, быстра, / Соткана из

грусти и забот, / А отдохновенье – быстрый миг: / Промелькнет внезапно – и уйдёт» [Су Дунпо, 1975]. Однако завершается это произведение не отчаянием, как у Лермонтова, а призывом к преодолению ночной лунной иллюзии жизни: «Барaban вещает, что пора / Паруса расправить рыбакам!» [Су Дунпо, 1975].

Еще одно пронизанное буддийским мировоззрением и настроением стихотворение Лермонтова – «Тучи» (1840) – содержит мотивные переключки с произведением Су Ши «水调歌头 丙辰中秋, 欢饮达旦, 大醉, 作此篇, 兼怀子由» («В середине осени в год Бинчэн я веселился всю ночь, распивая вино, и во хмелю вспомнил своего брата Цзы Ю. Тогда же я написал эти стихи») («С чаркой вина в руке люблюсь лазурью небес...»). Однако то, что с некоторой гордостью принимает герой стихотворения Лермонтова: холод окружающего неземного пространства и собственной души, отвержение земных страстей и отсутствие земного пристанища [Лермонтов, 2014, с. 325], – того опасается герой стихотворения Су Ши: его пугает холод нефритового небесного дворца, он принимает ущербность человеческого существования и желает долгой жизни своему близкому [Су Дунпо, 1975].

Заключение

Лермонтов и Су Ши – поэты разных культур, они значительно отличаются друг от друга во времени, у

них разный характер. Однако в их творчестве обнаруживается ряд *схожих, связанных с религиозным мистицизмом архетипических мотивов* – это мотивы одиночества, странничества, жизни как духовного пути, неотмирности героя, неземного покоя, тонкости границ времени и пространства, иномирья, музыкальности реальности. Герои стихотворений этих поэтов воспринимают двоемирие бытия, видя границу между мирами и в отдельных случаях, устремляясь к ней и за нее. Проникновение в высший мир, освященный с инспирацией божественных существ, в таинственный мир запределья возможно посредством тонких состояний, обусловленных, например, любовью и смертью и проявляющихся в сновидческих погружениях. Лермонтов и Су Ши – поэты, для которых земная реальность противопоставлена реальности небесной: первая из них груба, мгновенна и иллюзорна, другая – хотя холодна и вечна, но по-настоящему действительна.

Одна из точек сближения Лермонтова и Су Ши – их буддийское мировидение. В случае с китайским поэтом это его сознательный религиозный выбор, в случае с поэтом русским – интуитивное движение в сторону мировидения, частично совпадающего с его характером, его интеллектуальным и творческим темпераментом.

Лермонтов и Су Ши тем не менее разнятся в том, как они видят и отражают земную и духовную реальность. Су Ши принимает двоемирие,

существование страданий и смерти, учиться земным, но помнит о небесном, видит взаимопроникновение одного и другого и иллюзорность обоих (исповедуя буддийские идеи, китайский поэт помнит, что любая двойственность не безусловна, например, «и сон и бодрствование оказываются неистинными» <...>, ведь во сне мы видим, по сути дела, то же самое, что встречаем наяву» [Мартынов, 1982, с. 242-243]; истинная же реальность есть дхармакайя, то есть абсолютная реальность с точки зрения буддизма). Применительно к Су Ши, наверное, возможно говорить о «буддийской онейропоэтике». Е. С. Штейнер в статье «“Зыбкий мост сна”: сны и сновидцы в японской традиции», как и А. С. Мартынов, обращает внимание на иной, чем в европейской и русской традиции, взгляд на природу сна на востоке, в буддизме: «Сон – не противоположность яви, а одна из манифестаций различных форм иллюзорности», «Буддисты всегда подчеркивали, что между бодрствующим и спящим сознанием нет разницы, как между черным и белым, но оба эти состояния скорее принадлежат одному континуальному сознанию» [Штейнер, 2009, с. 434]. При этом «В одних текстах

сон мог служить метафорой помрачения сознания, отказывающегося воспринять истинную сущность мира, в других – мог почитаться как наиболее верный модус сознания-бытия, окно в прозрачную зыбкость мира как он есть» [Штейнер, 2009, с. 430]. И это тоже случай Су Ши, у которого в разных стихотворениях, в зависимости от интенции и состояния героя, сон выступает и в качестве одного, и в качестве другого.

Лермонтов, в отличие от Су Ши, либо бунтует, либо с большим трудом пытается смириться с мирозданием, исполненным оппозиций – любви и разлуки, покоя и действия, красоты и разрушения, жизни и смерти, и преодолеть их; для Су Ши, притом что «отрешиться от эмпирического мира и от своей личности было не так-то просто» [Мартынов, 1982, с. 242], граница между субъектом и объектом (человеком и человеком, человеком и природой) иллюзорна, равно как и временные и пространственные границы, Лермонтов же остро их переживает, упорно и однозначно удерживаясь за собственное «я» и одновременно открывая возможности для стирания всяческих границ в «посмертной живой дреме» [Роднянская, 1981, с. 304].

Библиографический список

1. Андреев Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории. Москва : Прометей, 1991. 288 с.
2. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога) : [монография]. Казань : Школа, 2018. 327 с.
3. Болдырева Е. М. «Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...»: Российско-китайский литературный диалог : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. 347 с.

4. Гречин Б. С. Апология русского буддизма. Ярославль : МБРО «Буддийская община “Сангье Чхо Линг”», 2016. 64 с.
5. Дхаммапада. Пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова ; отв. ред. Ю. Н. Рерих. Москва : Изд-во Восточной литературы, 1960. 160 с.
6. Изотова Е. С. Мотивный комплекс «сон – бессонница» в лирике Ф. И. Тютчева // Культура и текст – 2005 : сборник научных трудов международной конференции: В 3 т. / под ред. Г. П. Козубовской. Т. 1. Санкт-Петербург ; Самара; Барнаул : Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 2005. С. 133–140.
7. Исупов К. Г. Метафизика Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост., коммент. С. В. Савинкова, К. Г. Исупова; вступ. статья С. В. Савинкова. Санкт-Петербург : РХГА, 2014. С. 53–72.
8. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения / отв. ред. тома Н. Г. Охотин. Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома, 2014. 776 с.
9. Мартынов А. С. Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по и Чжу Си // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века [: сб.]. Москва : Наука, ГРВЛ, 1982. С. 206–316.
10. Мережковский Д. С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой; вступ. статья В. М. Марковича; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 399–439.
11. Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода в 5 томах: Том 1 / Пер. с англ.; сост. С. Ильина, А. Кононова. Предисл. и комментарии А. Люксембурга. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. 608 с.
12. Роднянская И. Б. Сон // Лермонтовская энциклопедия / Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкин. дом), Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия»; Гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : Сов. энциклопедия, 1981. 784 с.
13. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей : монография. Алматы : Жазушы, 2013. 520 с.
14. Сакулин П. Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой; вступ. статья В. М. Марковича; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 594–640.
15. Семёнова С. Г. Метафизика русской литературы. Том 1. Москва : Издательский дом «ПоРог», 2004. 512 с.
16. Соловьёв В. С. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой; вступ. статья В. М. Марковича; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 381–398.
17. Соловьёв В. С. Буддийское настроение в поэзии // Философия искусства и литературная критика / Вступ. статья Р. Гальцевой и И. Роднянской. Москва : Искусство, 1991. 701 с.
18. Су Дун-по. Стихи. Мелодии. Поэмы / Су Дун-по; пер. с кит. И. Голубева; пер. под ред. Г. Ярославцева. Москва : Художественная литература, 1975. 285 с.
19. Су Ши. Горный чертог / пер. с кит., сост. С. А. Торопцев ; науч. консультант, проф. Гу Юй. Москва : Шанс, 2024. 159 с.

20. Су Ши. Лес записей Дун-по. Записки из Чоучи / Перевод и комментарии И. А. Алимова // Алимов И. А. Лес записей: Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2009. С. 459–527.
21. Тан Цюнцун. Мотивы поэзии Лермонтова и Су Ши: критерии сопоставительного исследования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 3-5(73). С. 451–452.
22. Тан Цюнцун. Субъектно-образные структуры русской и китайской лирики: аспекты сопоставления // *Philologos*. 2024. Выпуск №2 (61). С. 62–67.
23. Ходанен Л. А., Ямадзи Асута. Поэтическая мифология снов в творчестве М. Ю. Лермонтова // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-4(62). С. 179–183.
24. Чогьял Намкай Норбу. Дзогчен – состояние самосовершенства. Кукушка состояния присутствия. Санкт-Петербург : Шанг Шунг, 2001. 176 с.
25. Штейнер Е. С. «Зыбкий мост сна»: сны и сновидцы в японской традиции // *Русская антропологическая школа. Труды*. Вып. 6. 2009. С. 430–443.
26. Эйгес И. Р. О Лермонтове (К метафизике сновидения) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой ; вступ. статья В. М. Марковича ; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 512–534.

Reference list

1. Andreev D. L. *Roza mira. Metafilosofija istorii = The Rose of the world. Metaphilosophy of history*. Moskva : Prometej, 1991. 288 s.
2. Bekmetov R. F. *Russkaja literatura i buddijsko-daoskij Vostok (problemy dialoga) = Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue) : [monografija]*. Kazan' : Shkola, 2018. 327 s.
3. Boldyreva E. M. “Moj daljokij dvojnik gde-to tam, na drugom beregu...”: Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialog = “My far away twin is somewhere out there, on the other shore...”: Russian-Chinese literary dialogue : monografija. Jaroslavl' : RIO JaG-PU, 2023. 347 s.
4. Grechin B. S. *Apologija russkogo buddizma = The Apology of Russian Buddhism* / B. S. Grechin. Jaroslavl' : MBRO «Buddijskaja obshhina "Sanghe Chho Ling"», 2016. 64 s.
5. *Dhammapada = The Dhammapada*. Per. s pali, vvedenie i kommentarii V. N. Toporova ; otv. red. Ju. N. Rerih. Moskva : Izd-vo Vostochnoj literatury, 1960. 160 s.
6. Izotova E. S. Motivnyj kompleks «son – bessonnica» v lirike F. I. Tyutcheva = The motif complex “sleep – insomnia” in F. I. Tyutchev's poetry // *Kul'tura i tekst – 2005 : sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj konferencii: V 3 t. / pod red. G. P. Kozubovskoj*. T. 1. Sankt-Peterburg ; Samara; Barnaul : Izd-vo Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2005. S. 133–140.
7. Isupov K. G. *Metafizika Lermontova = Lermontov's metaphysics* // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост., коммент. S. V. Savinkova, K. G. Isupova; vstup. stat'ja S. V. Savinkova. Sankt-Peterburg : RHGA, 2014. S. 53–72.

8. Lermontov M. Ju. Sobranie sochinenij: V 4 t. T. 1. Stihotvorenija = Complete works: In 4 volumes Vol. 1. Poems / otv. red. toma N. G. Ohotin. Sankt-Peterburg : Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2014. 776 s.
9. Martynov A. S. Buddizm i konfuciancy: Su Dun-po i Chzhu Si = Buddhism and Confucians: Su Dong-po and Zhu Xi // Buddizm, gosudarstvo i obshhestvo v stranah Central'noj i Vostochnoj Azii v srednie veka [: sb.]. Moskva : Nauka, GRVL, 1982. S. 206–316.
10. Merezkovskij D. S. Lermontov. Pojet sverhchelovechestva = Lermontov. The poet of superhuman // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1 / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj; vstup. stat'ja V. M. Markovicha; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 399–439.
11. Nabokov V. V. Sobranie sochinenij amerikanskogo perioda v 5 tomah: Tom 1 = Collected works of the American period in 5 volumes: Volume 1 / Per. s angl.; sost. S. Il'ina, A. Kononova. Predisl. i kommentarii A. Ljuksemburga. Sankt-Peterburg : Simpozium, 2004. 608 s.
12. Rodnjanskaja I. B. Son = Dream // Lermontovskaja jenciklopedija / In-t rus. lit. AN SSSR (Pushkin. dom), Nauch.-red. sovet izd-va «Sov. jenciklopedija»; Gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : Sov. jenciklopedija, 1981. 784 s.
13. Savel'eva V. V. Hudozhestvennaja gipnologija i onejropojetika russkich pisatelej = Artistic hypnology and oneiro-poetics in Russian writers' works: monografija. Almaty : Zhazushy, 2013. 520 s.
14. Sakulin P. N. Zemlja i nebo v poezii Lermontova = Land and sky in Lermontov's poetry // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1 / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj; vstup. stat'ja V. M. Markovicha; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 594–640.
15. Semjonova S. G. Metafizika russkoj literatury. Tom 1 = Metaphysics of Russian literature. Volume 1. Moskva : Izdatel'skij dom «PoRog», 2004. 512 s.
16. Solov'jov V. S. Lermontov = Lermontov // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1 / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj; vstup. stat'ja V. M. Markovicha; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 381–398.
17. Solov'jov V. S. Buddijskoe nastroenie v poezii = Buddhist mood in poetry // Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika / Vstup. stat'ja R. Gal'cevoj i I. Rodnjanskoj. Moskva : Iskusstvo, 1991. 701 s.
18. Su Dun-po. Stih. Melodii. Pojemy = Verses. Melodies. Poems / Su Dun-po; per. s kit. I. Golubeva; per. pod red. G. Jaroslavceva. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 285 s.
19. Su Shi. Gornij chertog = The Upper Hall / per. s kit., sost. S. A. Toropcev ; nauch. konsul'tant, prof. Gu Juj. Moskva : Shans, 2024. 159 s.
20. Cu Shi. Les zapisej Dun-po. Zapiski iz Chouchi / Perevod i kommentarii I. A. Alimova = Forest of Dong-po records. Notes from Chouchi / Translated and commented by I. A. Alimov // Alimov I. A. Les zapisej: Kitajskie avtorskie sborniki X–XIII vv. v ocherkah i perevodah. Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009. S. 459–527.

21. Tan Cjuncjun. Motivy poezii Lermontova i Su Shi: kriterii sopostavitel'nogo issledovanija = Motifs in poetry by Lermontov and Su Shi: criteria of comparative research // *Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie*. 2021. № 3–5(73). S. 451–452.
22. Tan Cjuncjun. Sub#ektno-obraznye struktury russkoj i kitajskoj liriki: aspekty sopostavlenija = Subject-image structures of Russian and Chinese poetry: comparison aspects // *Filologos*. 2024. Vypusk №2 (61). S. 62–67.
23. Hodanen L. A. Pojeticheskaja mifologija snov v tvorchestve M. Ju. Lermontova = The poetic mythology of dreams in M. Y. Lermontov's work / L. A. Hodanen, Jamadzi Asuta // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 2–4(62). S. 179–183.
24. Chog'jal Namkaj Norbu. Dzogchen – sostojanie samosovershenstva. Kukushka sostojanija prisutstvija = Dzogchen is a state of self-perfection. The cuckoo states of presence. Sankt-Peterburg : Shang Shung, 2001. 176 s.
25. Shtejner E. S. “Zybkij most sna”: sny i snovidcy v japonskoj tradicii = “The Shaky Bridge of Sleep”: dreams and dreamers in the Japanese tradition // *Russkaja antropologicheskaja shkola*. Trudy. Vyp. 6. 2009. S. 430–443.
26. Jejges I. R. O Lermontove (K metafizike snovidenija) // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1. = About Lermontov (Towards the metaphysics of dreams). T. 1. // M. Y. Lermontov: pro et contra, anthology, vol. 1. / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj ; vstup. stat'ja V. M. Markovicha ; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 512–534.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 25.06.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-121

EDN PPHPOG

**Культурная память в монографии Чэнь Фукана
«История переводоведения в Китае»**

Гао Шаопин

Доктор филологических наук, доцент, Шанхайский университет иностранных языков. КНР, г. Шанхай

1615@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5837-0229>

Аннотация. В статье исследуется теория культурной памяти, выдвинутая немецким египтологом Яном Ассманом, и ее влияние на изучение культурных традиций Китая, с особым акцентом на развитие китайского переводоведения. В своей работе Ассман предложил разделение культурной памяти на теоретическую и практическую части, подчеркнув их роль в формировании национальной идентичности и сохранении культурных ценностей на протяжении веков. Эти теоретические положения становятся основой для анализа перевода как важного механизма передачи и сохранения культурных традиций. В качестве примера рассмотрена монография профессора Чэнь Фукана «История переводоведения в Китае», в которой автор систематизирует развитие переводческой практики в Китае с древних времен до современности. Чэнь Фукан анализирует переводческую деятельность через призму культурной памяти, рассматривая, как перевод служит инструментом сохранения и передачи знаний, а также как он способствует формированию и обновлению китайской культурной идентичности. В статье также выделены ключевые аспекты межкультурной коммуникации и межпоколенческого диалога, которые играют важную роль в сохранении культурной памяти. Особое внимание уделяется анализу личной и коллективной памяти, а также значению крупных исторических событий Китая, влияющих на формирование культурной идентичности. Автор подчеркивает, что процесс сохранения культурной памяти не ограничивается только традиционными методами, но также включает в себя перевод как механизм, который обновляет и переосмысляет культурные контексты в рамках современного общества. Цель статьи – анализ взаимосвязи культурной памяти и переводческой традиции Китая, исследование роли перевода в сохранении и обновлении культурной идентичности на протяжении истории.

Ключевые слова: культурная память; культурная идентичность; китайское переводоведение; межкультурная коммуникация; «История переводоведения в Китае»

Китае»; Чэнь Фукан, культурные особенности; духовные маркеры китайской нации; индивидуальная и коллективная культурная память; культурный ген

Для цитирования: Гао Шаопин Культурная память в монографии Чэнь Фука-на «История переводоведения в Китае» // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 121–134. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-121>. <https://elibrary.ru/PPHPOG>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

**Cultural memory in Chen Fukang's
monograph History of translation studies in China**

Gao Shaoping

Doctor of philological sciences, associate professor at Shanghai university of foreign languages. PRC, Shanghai

1615@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5837-0229>

Abstract. The article examines the theory of cultural memory put forward by the German Egyptologist Jan Assmann, and its impact on studying Chinese cultural traditions, focusing on the development of Chinese translation studies. In his work, Assman suggested dividing cultural memory into theoretical and practical parts, emphasizing their role in shaping national identity and preserving cultural values over the centuries. These theoretical provisions become the basis for the analysis of translation as an important mechanism for passing on and preserving cultural traditions. To illustrate, the author examines Professor Chen Fukang's monograph The History of Translation Studies in China, which provides a comprehensive overview of translation practices in China from antiquity to the present day. Chen Fukang analyzes translation work through the prism of cultural memory, examining how translation serves as a tool for preserving and transmitting knowledge, as well as how it contributes to shaping and changing Chinese cultural identity. The article also highlights key aspects of intercultural communication and intergenerational dialogue that play an important role in preserving cultural memory. Special attention is paid to the analysis of personal and collective memory, as well as to significant major historical events in China that influence the formation of cultural identity. The author emphasizes that maintaining cultural memory does not amount only to traditional methods, but also involves translation as a mechanism that updates and reconsiders cultural contexts within modern society. The aim of the article is to analyze the relationship between cultural memory and the Chinese translation tradition, to study the role of translation in preserving and reforming cultural identity throughout the history.

Key words: cultural memory; cultural identity; Chinese translation studies; intercultural communication; “History of Translation Studies in China”; Chen Fukang; cultural characteristics; spiritual markers of the Chinese nation; individual and collective cultural memory; cultural gene

For citation: Gao Shaoping Cultural Memory in Chen Fukang's monograph History of Translation Studies in China. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 121–134. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-121>. <https://elibrary.ru/PPHPOG>.

Введение

В современном мире культура, экономика и политика становятся все более взаимосвязанными, переплетаясь и взаимно дополняя друг друга. Национальная культура играет более важную роль в могуществе национального государства. Сила культуры обладает жизнеспособностью, творческим потенциалом и сплоченностью нации. «Глубинная жизнеспособность и исключительная креативность культуры, заложенные в самой культуре, являются важнейшими признаками процветания и развития страны и нации» [崔丽娜, 2012, с. 81]. А под культурной памятью понимается опыт поколений, накопленный в представлениях и понятиях, умениях, обычаях, традициях, нравах и остальных иных социальных установках. По мнению Я. Ассмана, культурная память является особым и значимым подходом к культурному наследию, она выступает в качестве способа регулировать взаимодействия народа в обществе и ее исследование предоставляет возможность для диалога представителей различных поколений и эпох. Анализируя характеристики теории культурной памяти, мы выясняем социальные и культурные особенности общества и нации, определяя самоидентификацию

народа с определенной языковой и культурной общностью. «Научно-исследовательская ориентация корректируется под влиянием новых концепций. Ценность исторического опыта заключается в том, что изучение и осмысление прошлого позволяет обновлять мировоззрение, отбрасывая устаревшее и утверждая новое» [刘宓庆, 2007, с. 61]. Социализация способствует формированию первичных представлений об окружающей реальности, помогает усвоить фундаментальные культурные коды.

В последние десятилетия возрастает научный интерес к изучению культурной памяти и переоценке ее ресурсного преобразовательного потенциала. В конце XX века культура стала называться «мягкой силой» в международной политике, причем «мягкая сила» страны может получить признание и расширение только в рамках международного сообщества. Некоторые ученые также полагают, что современный Китай уделяет все больше внимания строительству и развитию традиционной китайской культуры как своей «мягкой силы». «В данный особый исторический период, характеризующийся открытостью рынка, обновлением концепций, трансформацией общества и переосмыслением культуры,

формирование “мягкой силы” приобретает для Китая исключительно важное значение. Китай является единственной в мировой истории древней цивилизацией, непрерывно развивающейся с древности до наших дней. Китайская культура сформировала ее прошлое и неизбежно будет влиять на ее будущее» [张佩瑶, 2012, с. 115]. Известно, что перевод является одной из ключевых составляющих факторов развития мягкой силы. В историческом развитии Китая перевод буддийских канонов, а также переводы западных научно-технических достижений в конце эпохи Цин и начале периода Китайской Республики значительно способствовали прогрессу китайского общества. «Культурная память требует носителя, проявляющегося как медиум памяти, а медиум открывает пространственное поле культурной памяти» [刘振怡 魏宏宇, 2025, с. 142]. С ростом экономики Китая, такие фильмы как «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» («卧虎藏龙») и «Нэчжа» («哪吒») при помощи перевода пользуются большими успехами среди зрителей за рубежом. По состоянию на начало 2024 года китайский научно-фантастический роман «Задача трех тел» («三体») был переведен более чем на 40 языков, что сделало его одним из самых успешных литературных произведений Китая на мировой арене. Этот масштабный переводческий проект способствует не только популяризации китай-

ской научной фантастики, но и укреплению культурного влияния Китая в мире. Следует отметить, что фильм «Нэчжа 2» обошел «Звёздные войны» и вошел в топ-5 фильмов мира, действие которого разворачивается в мифологическом Китае примерно 35 столетий назад. «Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом, которые сворачиваются в символические фигуры, соединяющие множество частных воспоминаний о данном объекте или событии. По сути, для культурной памяти важна не фактическая история, а ее воссоздание – трансформация определения мифа» [Мунько, 2020, с. 113].

Теория культурной памяти обладает парадигмой, связывающей прошлое с настоящим, что позволяет переосмысливать прошлое и сохранять его актуальное значение [扬·阿斯曼, 金寿福, 黄晓晨译, 2015, с. 6]. Данное утверждение проявляется в том, что исторические события «перетягиваются» в настоящее и приобретают новый смысл, что подтверждается в фундаментальной работе профессора Чэнь Фукана «История переводоведения в Китае»: «Процесс человеческого мышления всегда детерминирован контекстом его существования» [冯友兰, 2004, с. 15].

Результаты исследования

Как отмечает сам автор в предисловии к монографии: «Развитие теории перевода представляет собой бесконечный процесс непре-

рывного углубления. Китайская теория перевода нуждается в обновлении и совершенствовании, но она может быть обновлена только на основе традиций и усовершенствована с учетом “исходной точки”. Кроме того, язык и письменность обладают наиболее национальными характеристиками, и теория перевода каждой страны глубоко укоренена в исторической структуре и специфической культурной почве своей родины, а китайская теория перевода тоже, естественно, несет в себе национальные особенности. Мы не можем перерезать исторические связи или стереть отпечаток нашей национальной специфики. Нам необходимо не только внедрять новые идеи, но и, что более важно, опираясь на уже достижения. Поэтому, чтобы проводить исследования в области перевода, повышать уровень теории перевода и добиться большего прогресса, сначала надо изучить историю китайской теории перевода, чтобы выявить ее «родословное древо» и прояснить ее «генеалогию» [陈福康, 2011, с. IV].

В главе о древнекитайских суждениях перевода своей книги автор исследует древние исторические материалы, связанные с взаимодействием между древнекитайскими племенами, а также между китайцами и другими народами, раскрывая культурную память и исторические факты, подтверждающие важность и древность переводческой деятельности. Чэнь Фу-

кан указывает, что «Еще во времена династии Ся предки китайцев, жившие в бассейне реки Хуанхэ, уже поддерживали связи с жителями районов Забайкалья и Минусинской котловины» [陈福康, 2011, с. 1]. Профессор в таких исторических источниках, как «Чуньцю фаньлу» (春秋繁露) Дун Чжуншу эпохи Западной Хань, «Шан шу» (尚书), «Ли цзи» (礼记), «Чжоу ли и шу» (周礼义疏), «Чуньцю Гулянь чжуань» (春秋谷梁传) и «Люйши чуньцю» (吕氏春秋), проследивает истоки истории китайского перевода, особо подчеркивая связь прошлого с настоящим. Например, он упоминает записанную Конфуцием в «Чуньцю Гулянь чжуань» фразу: «Конфуций говорил, “Называть иностранную вещь нужно в соответствии с языком ее «владельца”... Более двух тысяч лет спустя, когда Чжоу Цзожэнь и другие обсуждали вопрос о транскрипции имен собственных, они по-прежнему без возражений принимали “название следует за владельцем” в качестве общего принципа, что свидетельствует о сильной жизнеспособности мысли Конфуция» [陈福康, 2011, с. 4]. Как говорит Н. П. Ильин, что нет памяти без субъекта памяти, а это значит, что каждый раз, когда мы слышим слово «память», мы имеем право спросить: «чья память?» [Ильин, 2017, с. 6].

Развитие переводоведения подвержено ограничениям и влиянию социально-экономических, культурных и политических факторов. Формирование переводоведения представляет собой длительный и сложный процесс развития, являющийся результатом взаимодействия исторических условий, экономических факторов и традиционной культуры в развитии нации и общества. Более того, переводоведение само по себе представляет академическую дисциплину, которая непрерывно совершенствуется и развивается в процессе практики межкультурного взаимодействия. Оно тесно связано с культурой и находится в постоянном процессе обновления, развития и взаимопроникновения. Как отмечается в книге: «Необходимо развивать социалистическую культуру, ориентированную на модернизацию, мировые тенденции и будущее, – национальную, научную и народную культуру» [杨凤城, 2012, с. 6].

Очевидно, что при первом издании автор подчеркивал – только укорененное в традиционной китайской культуре переводоведение способно к непрерывному инновационному развитию. Для развития и успешного взаимодействия с переводческими школами других стран необходимо перенимать достижения зарубежных исследований в данной области. Культурная память в истории переводоведения основывается на идеях и концепциях, возникающих в процессе перевод-

ческой деятельности, представляя собой стандарты, методы и теоретические поиски, стимулирующие развитие переводческой практики и повышению качества перевода. Культурная память в истории перевода – это наследие и воплощение культурных генов китайской цивилизации и эволюции. «Коллективная этническая память инкорпорируется в глубинные слои идентичности, формируя культурные гены» [陈兹, 2025, с. 100].

Культурный ген – это уникальный духовный идентификатор, формирующийся в процессе длительного исторического развития нации, чьи особенности глубоко отражают ценности, образ мышления и модели поведения народа. Рассматривая китайский культурный ген в монографии Чэнь Фукана с точки зрения теории культурной памяти, можно выделить *три аспекта*: основное содержание, институциональная культура и современное значение. В первой части содержится три аспекта. Во-первых, дух ритуальной системы, например, влияние книги «Чжоуские ритуалы» («周礼») и связанных с ними исторических текстов на развитие переводоведения и их практическое значение. Чэнь Фукан в своей книге отметил: «В книге “Ритуалы династии Чжоу и толкование канонических книг” (Чжоу Ли И Шу 周礼义疏) Цзя Гунъянь объяснил, что И (译 перевод) значит И (易 перемена, изменение), то есть И (易) означает

изменить слова, сделав их понятными для других» [陈福康, 2011, с. 3]. Чэнь указал, что именно Конфуций говорил, что «Называть иностранную вещь нужно в соответствии с языком ее “владельца”, а называть китайские предметы следует в соответствии с языком Чжунго» (名从主人, 物从中国) и «В Центральных равнинах Чжунго следует называть вещь на языке народа Чжунго, а в остальных местах на языке владельцев вещей» (号从中国, 名从主人) [陈福康, 2011, с. 4]. Во-вторых, философское мышление «золотой середины» (中庸之道), которое отличается от простого компромисса, подчеркивая динамический баланс и сочетая философскую идею «гармонии в многообразии» (和而不同). «Философская категория “хэ эр бу тун” раскрывает, что гармония (“хэ”) возникает не через гомогенизацию, а через диалектическое взаимодействие различий при сохранении многообразия» [郭佳, 2023, с. 19]. В-третьих, непрерывно обновляющееся мировоззрение, например, «Книга Перемен» («易经») и связанные с ней тексты, акцентирующие мудрость реформ «обновление путем отказа от устаревшего». С точки зрения институциональной культуры выделяется культура системы Императорских экзаменов Кэцзюй (科举), что влияет на развитие переводческой деятельности Китая. В своей монографии «История переводоведения в

Китае» Чэнь Фукан через призму культурной памяти показывает, что в истории переводоведения коллективная и индивидуальная культурная память переплетаются, взаимодействуют и взаимно обогащают друг друга в процессе динамического развития. История переводоведения – это не только история совершенствования и развития научной дисциплины в процессе международного обмена, но и героическая история борьбы китайских ученых, мыслителей и революционеров, а также личное осмысление автором исторических документов.

Мнение профессора соответствует суждениям Яна Ассмана, высказанным в книге «Пространство воспоминания»: «Когда представители тартуско-московской семиотической школы Юрий Лотман и Борис Успенский определяли культуру как “коллективную ненаследуемую память”, они подчеркивали зависимость культурной памяти от определенных практик и медиа. Такая память не передается автоматически, так как она требует постоянного переосмысления, утверждения, передачи и усвоения» [阿莱达·阿斯曼, 潘璐译, 2016, с. 11]. «Критерии отбора историографического материала в исследованиях по истории перевода детерминируются системой ценностных координат исследователя» [许钧, 2024, с. 2].

Чэнь Фукан, историк, в процессе написания данной книги проявил

выдающийся талант и проницательность. Как он сам отметил в книге, что важные критические замечания о Фэн Гуйфэне, представителях движения «Ян-У», Кан Ювэе, Чжан Юаньцзи, Гао Фэнцяне, Ло Чжэньное, Ху Хуайчэне и Цзян Байли ранее не включались ни в сборники материалов по теории перевода, ни даже в библиографические списки по переводческой мысли. Кроме того, хотя работы некоторых теоретиков перевода и публиковались в отдельных сборниках, в них допускались серьезные упущения. Например, важные ранние статьи Чжан Шичжао о переводе и поздние работы Чжоу Цзожэня оставались неизвестными из-за публикации под псевдонимами, и лишь в данной книге они впервые были отмечены и их мнения о переводе изложены. Также автор впервые обратил внимание на значение для истории переводческой теории трактата эпохи правления Цяньлуна «Фань цин шо» (繙清说), обнаруженного совсем недавно.

Чэнь Фукан совершил ряд важных академических открытий об истории науки перевода в Китае, что имеет большое значение для современности и подтверждает суждение с точки зрения теории культурной памяти о ключевой роли личности в историческом процессе. В своей работе «История переводоведения в Китае» автор не только уделяет внимание исторической достоверности, но и выражает свою точку зрения. Например,

Чэнь Фукан отмечает, что «В настоящее время, обсуждая историю китайского перевода, мы обычно начинаем с эпохи Троецарствия. В то время в связи с процветанием перевода буддийских канонов, рассуждения о переводе, безусловно, превосходили высказывания Цицерона и Горация на Западе» [陈福康, 2011, с. 5]. Он также предлагает новую интерпретацию идей таких древних мудрецов и выдающихся деятелей, как Конфуций, Лао-цзы, монах Даоань, Сюаньцзан, Кумараджива, Янь Фу, Чжу Гуанцянь, Мао Дунь, Цянь Чжуншу, Фу Лэй и Цзян Чуньфан, подчеркивая их исключительную роль в развитии китайской науки о переводе.

Несомненно, обсуждения о переводе Янь Фу остаются предметом изучения по сей день, и его имя неизменно фигурирует в историографии перевода. Как отмечают исследователь, «его перевод “Теории эволюции” был избирательным и включал интерпретации, отличные от текста Гексли. Это объясняется его стремлением повлиять на элиту имперского Китая, пробудить в ней реформаторский дух во имя национального спасения» [朱安博, 2009, с. 49]. Личная культурная память в академической сфере иногда проявляется как уникальные индивидуальные взгляды, а иногда – как расхождения в точках зрения, что создает возможности для дальнейших исследований. Например, в истории перевода в Китае трактат «Бянь

Чжэн лунь» («О правильном переводе»), написанный Янь Цуном династии Суй, оказал значительное влияние. Однако оценки его вклада в теорию перевода остаются предметом напряженных дискуссий. Как полагает ученый Ло Синьчжан, «Бяньчжэн лунь» является первым в истории Китая специальным трактатом о переводоведении [傅惠生, 2011]. Признавая значимость труда Янь Цуна для переводоведения, профессор Чэнь Фукан пришел к выводу об отсутствии неопровержимых свидетельств авторства «Десять аспектов (Шитяо)» и «Восемь условий (Бабэй)» [陈福康, 2011, с. 24].

Чэнь Фукан акцентирует внимание на переводчиках различных профессиональных сфер, а не ограничивается лишь литературными. Данный подход представляет особый интерес. «Ранее в китайской теории перевода основное внимание уделялось лишь литературным переводчикам, тогда как прочие направления либо упоминались вскользь, либо полностью игнорировались» [方梦之, 2024, с. 7].

Кроме того, с позиции историка автор анализирует классические тексты китайской литературы и культуры, выявляя в них идеи, значимые для теории перевода. Сам процесс его работы представляет собой взаимодействие между индивидуальным сознанием и культурной памятью. Автор в качестве связующего звена между прошлым

и современной реальностью сохраняет и передает знания и опыт, накопленные предшествовавшими поколениями, последующим поколениям, тем самым формируя межпоколенческий диалог.

Французский социолог Морис Хальбвакс первым заметил, что индивидуальная память в значительной степени является и коллективной, так как народ в одной группе воспринимает масштабные события сходным образом. Вместе с тем с точки зрения культурной памяти коллективная память, как правило, передается тем, кто не был участником или очевидцем событий. Поражение Китая в войне с Японией (1894–1895) заставило китайцев переосмыслить свои взгляды. Стремясь укрепить страну, китайские ученые начали переводить японские книги о передовых западных технологиях на китайский язык, чтобы возродить государство. «Поражение в этой войне привело к унижительному “Симоносекскому договору”, который привел китайский народ к беспрецедентному тяжелому положению. Многогранные катастрофические последствия для китайского общества подробно описаны и проанализированы в многочисленных трудах по новой истории за последние десятилетия. Однако наряду с тяжелейшими потрясениями это поражение стало мощным идейным толчком, ускорившим трансформацию национального самосознания Китая, начавшуюся

ся еще после Опиумных войн» [陈旭麓, 2014, с. 153].

Например, летопись «Повесть временных лет» была создана в начале XII века на основе более древних записей, легенд и сказаний. А благодаря труду автора обрывается и передается коллективная память, что позволяет обществу осознать свою коллективную сущность, коллективные обычаи, традиции, ценности и символы, содействующими установлению связей между всеми членами общества. Такая связь создает собственную культурную идентичность.

Поэтому во второй главе своей книги Чэнь Фукан указывает, что в Китае появилось несколько политических влиятельные групп. Первая состояла из консерваторов, аристократов, феодалов-чиновников во главе с императрицей Цыси, Вожэнь, выступавших против новых реформ. Во вторую группу входили представители движения «Ян-У» как Цзэн Гофань, Ли Хунчжан, Чжан Чжидун и др., выступающие за «Китайское учение как основополагающий принцип, а западное учение для практического применения» (Чжунсуюе вэйти Сисюевэйюн, 中学为体, 西学为用). А третья группа – новаторская, ее сторонники, такие как Кан Ювэй, Лян Цичао, продвигали западные социально-политические и естественные науки для достижения конституционной монархии, политической реформы и модернизации. Позже революционеры Сунь Ятсен, Чжан Тайянь и т. д. – представите-

ли революционного движения, выступали за «изгнание татар, маньчжуров и др.» <....> За исключением нескольких крайне консервативно-настроенных членов первой группы, остальные представители в большей или меньшей степени признавали важность и необходимость переводческих работ и высказывали свои мысли по вопросам перевода» [陈福康, 2011, с. 57–58].

Особого внимания заслуживает то, что в монографии ярко продемонстрирована характерная особенность: развитие науки о переводе в Китае было тесно связано с политическим руководством разных эпох. Так, лидеры в начале периода нового Китая, такие как Чжоу Эньлай, Чэнь И, Лю Бочэн и др., выдвигали весьма влиятельные идеи, имеющие стратегическое значение для развития исследования науки о переводе. Будучи государственными руководителями, их взгляды обладали исключительной весомостью.

Это полностью согласуется с концепцией коллективной памяти в работе «Культурная память»: «Коллективная память всегда стоит на позициях реальной, живой социальной группы» [杨·阿斯曼, 金寿福 黄晓晨译, 2015, с. 40]. Переводческие концепции, предложенные государственными лидерами, не только оказывали огромное влияние, но и демонстрировали преемственность, сохраняя свою актуальность до наших дней. Как справедливо отмечается в «Культурной памяти»: «Для памяти существует мощный

стимул, проистекающий из потребности господства» [杨·阿斯曼, 金寿福 黄晓晨译, 2015, с. 70]. В данном контексте «господство» может быть интерпретировано как государственное управление.

Между культурной памятью и важнейшими историческими событиями существует тесная взаимосвязь. *Во-первых*, ключевые исторические события выступают элементами формирования культурной памяти. *Во-вторых*, они являются мощнейшей движущей силой для ускорения процесса общественного развития. *В-третьих*, такие события наполняют культурную память новым содержанием и смыслом.

В работе «История переводоведения в Китае» отражены значимые исторические вехи: перевод буддийских канонов, путешествие Сюаньцзана за священными текстами на Запад, Опиумные войны, движение Янь-у, Движение 4 мая, политика реформ и открытости КНР. Все эти события как способствовали прогрессу и развитию общества, так формировали и продолжают формировать культурную память. Например, деятельность сторонников модернизации (Янь-у) на рубеже династий Мин и Цин, а также массовая публикация академических статей на тему «О переводах» в период Китайской Республики стимулировали развитие философских, литературных, культурологических, эстетических и социологических аспектов китайского переводоведения.

Как отмечается в «Культурной памяти», исторические события и культурная память взаимно влияют друг на друга, развиваясь в тесном взаимодействии.

Заключение

Таким образом, в монографии Чэнь Фукана об истории переводоведения в Китае отражены характерные черты культурной памяти. В этом фундаментальном труде органично переплетаются индивидуальная культурная память автора, коллективная культурная память в различные исторические эпохи и знаковые общественно-исторические события, что формирует уникальные особенности развития китайской переводческой науки. Теория культурной памяти позволяет нам отчетливо проследить, как в истории китайского переводоведения неизменно присутствовал динамичный процесс: социальных трансформаций, взаимодействия западной и традиционной китайской культур, слияния иностранных технологий с традиционными концепциями государственного управления. Как отмечает ученый, «с региональной точки зрения, мы происходим из определенного народа, но в глобальном масштабе мы принадлежим всему миру» [孔明安 靳欢欢, 2024, с. 13].

Данная монография представляет собой не только значительный академический труд, но и убедительное подтверждение универсальной значимости теории культурной памяти. Проведя системный

анализ этого исследования по истории перевода, мы наблюдаем ключевую роль и глубокую научную ценность культурной памяти в процессе социального развития. «Наследование традиций, заим-

ствование зарубежных достижений и интеграция инноваций – единственно верный путь развития китайской теории перевода» [杨平 甘露, 2024, с. 2].

Библиографический список

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Ильин Н. П. Философские проблемы культурно-исторической памяти (часть 2) // Культурологический журнал. 2017. № 4 (30). С. 6–18.
3. Мунько А. В. Теория культурной памяти Я. Ассмана и формирование образа Чингисхана на приеме «Сокровенного сказания монголов» и «Романа о Чингисхане» Францисканской миссии и Карпини [J] / А. В. Мунько, О. В. Хазанов // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 113–119.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 24.03.2025).
5. 阿莱达·阿斯曼. 回忆空间：文化记忆的形式和变迁 [M]. 潘璐译, 北京：北京大学出版社, 2016.
6. 陈福康. 中国译学史 [M]. 上海：上海外语教育出版社, 2011.
7. 陈旭麓, 近代中国社会的新陈代谢 [M], 北京：中国人民大学出版社, 2014 ; 153.
8. 陈兹, 《史记》帝王谱系与中国早期文化记忆的重塑, 哈尔滨工业大学学报 [J], 2025 年 5 月 (第 27 卷第 3 期) : 100.
9. 崔丽娜, 从理论上关注当代中国文化的发展, 教学与研究 [J], 2012 (12) ; 81.
10. 方梦之, 跨类翻译家研究, 外语与翻译 [J], 2024 (4) : 7.
11. 冯友兰, 中国哲学简史 [M], 北京：新世界出版社, 2004 : 15.
12. 傅惠生, 彦琮《辩正论》对我国译论的历史贡献, 中国翻译 [J], 2011 (1) : 19.
13. 郭佳, 中华文明包容性与中非文明互鉴, 文学遗产 [J], 2023 (6) : 19.
14. 孔明安 靳欢欢, 民族精神的现代性重构与中国式现代化, 世界社会科学 [J], 2024 (6) : 13.
15. 刘宓庆, 文化翻译论纲 [M], 中国对外翻译出版公司, 2007 : 61.
16. 刘振怡, 魏宏宇, 回忆空间:文化记忆的空间审视, 学习与探索 [J], 2025 (3) : 142.
17. 许钧, 关于翻译史研究的几点思考, 外国语 [J], 2024 (1) : 2.
18. 扬·阿斯曼. 文化记忆：早期高级文化中的文字、回忆和政治身份 [M]. 金寿福, 黄晓晨译. 北京：北京大学出版社, 2015:6,40,70.
19. 杨凤城, 十六大以来中国共产党的文化发展观述论, 教学与研究 [J], 2012 (3) : 6.
20. 杨平 甘露, 对外话语体系建设视域下的中国翻译理论建构与翻译学科发展, 外语教学理论与实践 [J], 2024 (4) : 2.

21. 张佩瑶, 传统与现代之间: 中国译学研究新途径 [M], 长沙: 湖南人民出版社, 2012: 4.

22. 朱安博, 归化与异化: 中国文学翻译研究的百年流变 [M], 北京: 科学出版社, 2009: 49.

Reference list

1. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti = Cultural memory: writing, memory, and political identity in ancient high cultures / per. s nem. M. M. Sokol'skoj. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 s.

2. Il'in N. P. Filosofskie problemy kul'turno-istoricheskoy pamjati (chast' 2) = Philosophical problems of cultural and historical memory (part 2) // Kul'turologicheskij zhurnal. 2017. № 4 (30). S. 6–18.

3. Mun'ko A. V. Teorija kul'turnoj pamjati Ja. Assmana i formirovanie obraza Chingishana na prieme «Sokrovennogo skazanija mongolov» i «Romana o Chingishane» Franciskanskoj missii i Karpini [J] = Ya. Assman's theory of cultural memory and the formation of Genghis Khan image using the example of the “Secret Legend of the Mongols” and the “Novel about Genghis Khan” by the Franciscan Mission and Carpini [J] / A. V. Mun'ko, O. V. Hazanov // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2020. № 67. S. 113–119.

4. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' = Collective and historical memory. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (data obrashhenija: 24.03.2025).

2. 阿莱达·阿斯曼. 回忆空间: 文化记忆的形式和变迁 [M]. 潘璐译, 北京: 北京大学出版社, 2016.

3. 陈福康. 中国译学史 [M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2011.

4. 陈旭麓, 近代中国社会的新陈代谢 [M], 北京: 中国人民大学出版社, 2014: 153.

5. 陈兹, 《史记》帝王谱系与中国早期文化记忆的重塑, 哈尔滨工业大学学报 [J], 2025 年 5 月 (第 27 卷第 3 期): 100.

6. 崔丽娜, 从理论上关注当代中国文化的发展, 教学与研究 [J], 2012 (12): 81.

7. 方梦之, 跨类翻译家研究, 外语与翻译 [J], 2024 (4): 7.

8. 冯友兰, 中国哲学简史 [M], 北京: 新世界出版社, 2004: 15.

9. 傅惠生, 彦琮《辩正论》对我国译论的历史贡献, 中国翻译 [J], 2011 (1): 19.

10. 郭佳, 中华文明包容性与中非文明互鉴, 文学遗产 [J], 2023 (6): 19.

11. 孔明安 靳欢欢, 民族精神的现代性重构与中国式现代化, 世界社会科学 [J], 2024 (6): 13.

12. 刘宓庆, 文化翻译论纲 [M], 中国对外翻译出版公司, 2007: 61

13. 刘振怡, 魏宏宇, 回忆空间: 文化记忆的空间审视, 学习与探索 [J], 2025 (3): 142

14. 许钧, 关于翻译史研究的几点思考, 外国语 [J], 2024 (1): 2

15. 扬·阿斯曼. 文化记忆: 早期高级文化中的文字、回忆和政治身份 [M]. 金寿福, 黄晓晨译. 北京: 北京大学出版社, 2015: 6, 40, 70.

16. 杨凤城,十六大以来中国共产党的文化发展观述论, 教学与研究 [J] , 2012 (3) : 6.
17. 杨平 甘露, 对外话语体系建设视域下的中国翻译理论建构与翻译学科发展, 外语教学理论与实践 [J] , 2024 (4) : 2.
18. 张佩瑶, 传统与现代之间: 中国译学研究新途径 [M] , 长沙: 湖南人民出版社, 2012 : 4.
19. 朱安博, 归化与异化: 中国文学翻译研究的百年流变 [M] , 北京: 科学出版社, 2009 ; 49.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 26.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-135
EDN QNTTKK

«Цветные» буквы М. Яснова

Юрий Андреевич Ноздрин

Аспирант, Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург
nozdrinyou@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9174-9993>

Аннотация. На материале поэтических книг М. Яснова, адресованных детям, рассматриваются резонансные отношения текста стихотворения и иллюстрации. Создание книжки-картинки – это всегда сотворчество писателя и художника, результатом которого является комплексное воздействие на читателя-ребенка. Пространство сборника представляет собой непрерывающийся диалог, развивающийся в нескольких направлениях: во-первых, общаются поэт и художник, которые оказывают взаимовлияние на процесс работы над книгой; во-вторых, взаимодействуют текст и иллюстрация; в-третьих, в диалог со всеми актантами вступает ребенок-читатель. Поэтому авторы книжки-картинки должны стремиться к тому, чтобы диалог был максимально понятным, в полной мере декодируемым потенциальным читателем. Задача художника – дать более точное визуальное оформление звучащему слову поэта, что соответствует жанру книжки-картинки. Понимая важность цвета и формы в визуальных поэтических текстах, М. Яснов в соавторстве с художниками в своих детских стихотворениях смело экспериментирует и создает многоплановую и полифункциональную структуру, выполняющую креативную и эстетическую функции. Взгляд на книжку-картинку как на поликодовый феномен – обращение к анализу не только текста, но и сопровождающей его иллюстрации – позволяет выявить стратегии, которых придерживались поэт и художник. В статье делается вывод, что отвечающее замыслу поэта оформление детских стихов усиливает воздействие на маленького читателя: книжки-картинки развивают не только эмоциональный интеллект ребенка, но и его эстетический вкус.

Ключевые слова: графика поэтического текста; фоносемантика; фоносмысловой анализ; текстофонема; детская поэзия; семантика цвета; книжка-картинка; иллюстрирование книг для детей

Для цитирования: Ноздрин Ю. А. «Цветные» буквы М. Яснова // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 135–150. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-135>. <https://elibrary.ru/QNTTKK>.

M. Yasnov's "colored" letters

Yuri A. Nozdrin

Postgraduate student, Ural state pedagogical university, Yekaterinburg
nozdrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9174-9993>

Abstract. This article examines the resonant relationship between the text of poems and illustrations in M. Yasnov's poetry books for children. Creating a picture book is always a collaboration between the writer and the artist, resulting in a comprehensive impact on the child reader. The space of the book is an ongoing dialogue unfolding in several directions: firstly, the poet and the artist interact, influencing each other's work on the book; secondly, the text and the illustrations interact with each other; thirdly, the child reader engages in the dialogue with all the participants. Therefore, picture book authors should ensure that the dialogue is as clear and fully interpretable by the potential reader as possible. The artist's task is to provide the most accurate visual representation of the poet's words, aligning with the genre of the picture book. Understanding the importance of color and form in visual poetic texts, M. Yasnov, in collaboration with the artists, experiments in his children's poetry, creating a multifaceted and multifunctional structure that serves both creative and aesthetic purposes. Viewing the picture book as a polycode phenomenon – analyzing not only the text but also the accompanying illustrations – helps to identify the strategies employed by the poet and artist. The article concludes that the design of children's poems, corresponding to the poet's intention, enhances its impact on the young reader: picture books not only develop the child's emotional intelligence but also their aesthetic taste.

Key words: poetic text graphics; phonosemantics; phonosemantic analysis; textophoneme; children's poetry; color semantics; picture book; illustrating children's books

For citation: Nozdrin Yu. A. M. Yasnov's "colored" letters. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 135–150. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-135>. <https://elibrary.ru/QNTTKK>.

Введение

Книги для детей, написанные М. Ясновым, держать в руках – огромное удовольствие. Каждая новая страница – а то и целый разворот! – напоминает праздник: музыкальные стихотворения звучат, а герои этих произведений, воплощенные талантливыми художниками, живут. Сборники детских стихотворений у Яснова – это не просто книги, а книжки с картинками!

Именно в детстве каждый из нас хотя бы раз держал в руках такие книги. Яснов не исключение: одной из любимых у поэта была брошюрка В. Маяковского «Это книжечка моя про моря и про маяк» [Яснов, 2014]. Встреча с этой книжкой подарила будущему автору многочисленных детских сборников понимание сущности литературы для детей: «Я понял, что в детских стихах не обойтись без цветных звуков

и больших букв, — делится своим важным открытием Яснов. — И теперь я стараюсь, чтобы в каждой моей новой книжке они встречались как можно чаще» [Яснов, 2014, с. 17].

Отметим, что изучение родного языка малышом обычно связано с чтением особых книг, в которых буквы огромны, звуки отчетливы, а рисунки яркие, — азбук. Азбука не только помогает малышам освоить азы родного языка, но и прививает чувство прекрасного (через образный ряд), способствует расширению кругозора (См. тематические азбуки, например, «Цирковую азбуку» Яснова). Е. Н. Бекасова предъявляет серьезные требования к авторам, работающим в этом жанре, подчеркивая, что азбука является отправной точкой в процессе интеллектуального познания мира, расширяет возможности ребенка в этой области: «Отбор слов должен отражать концептосферу русского языка в той ее части, которая доступна детскому восприятию» [Бекасова, 2017, с. 47]. Убедительно важность в формировании первых впечатлений, ассоциативных связей ребенка демонстрирует статья И. Н. Ларина [Ларин, 2020]. Ученый показал, как смена политического режима повлияла на процесс воспитания подрастающего поколения: «Именно дети рассматривались как строители светлого будущего, зачастую и во многом опережающие взрослых, и потому их идеологическая индоктринация

составляла особую задачу» [Ларин, 2020, с. 70]. Поэтому, например, такой важный концепт для дореволюционного общества, как «церковь» заменяется в новом букваре «цепом», и приходит культовое во всех смыслах слово «товарищ».

Яснов, в свою очередь, будучи ребенком, начал изучать буквы с афиш: пока мама ходила за продуктами, Миша стоял на тумбе возле афиш, водил пальчиком по ним и учился читать. А поскольку в послевоенные годы книги издавались «скромно», то неудивительно, что будущему детскому писателю захотелось наполнить свои книжки «солнцем, морем, светом, “цветным” звуком, которым переполнены стихи» [Яснов, 2014, с. 16].

Почти во всех детских книжках встречаются буквицы, творчество Яснова не является исключением. Например, «Полное собрание детских стихотворений» начинается знакомством с животными: тексты сопровождаются детскими ассоциациями (ситуациями-встречами), которые графически выделены с помощью разрядки, шрифта и возможностей печати (например, по диагонали). См. стихотворение «Муравей» (см. рис. 1). Однако не всегда буквицы и шрифтовые выделения присутствуют в книгах для детей. Зато картинки должны быть обязательно. Значит, художнику, кроме изображения собственно «сюжета» стихотворения, необходимо визуализировать звукобуквенный уровень.

Рис. 1. Яснов. Полное собрание детских стихотворений. С. 13.

Обращение к жанру книги-картинки обусловлено самой спецификой детской литературы, которую Яснов определял следующим образом: «Литература должна учить гармонии, вкусу, такту, языку. И благодаря этому детская литература, особенно детская поэзия, учит состраданию, сочувствию, эстетическому восприятию мира» [Де Флорио, 2020, с. 446]. Многие исследователи литературы для детей отмечали важность именно эстетического развития ребенка: детская литература призвана научить малышей понимать язык искусства. «Ведущая роль отводится не познавательному или занимательному, – к такому выводу после рассмотрения история развития феномена детской иллюстрированной литературы, например, приходит И. А. Лыкова, – а эстетическому воздействию искусства художественной книги (в том числе иллю-

страции) на воспитание и развитие детей разных возрастов» [Лыкова, 2015, с. 126]. У. С. Уринова также подчеркивает непреходящую значимость визуальной составляющей в книгах, поскольку не только слова влияют на формирование убеждений, но и иллюстрации: «Иллюстрация играет эстетическую роль в раскрытии содержания книги, вызывая эмоции у детей и, наконец, обогащая и развивая его образы» [Уринова, 2024, с. 401].

Сначала рассмотрим вербальную сторону изучаемого феномена. С точки зрения содержания перед читателем книги стихов. Яснов каждую из опубликованных книг тщательно разрабатывал на каждом из уровней: во-первых, в книгах прослеживается четкая композиция, во-вторых, присутствует серьезный лирический сюжет (например, в «Я – сам!» лирический герой с каждым новым разделом стано-

вится немного старше, постигая сложный внешний мир; в книге «День дождения» перед читателем раскрывается трепетная история взросления лирического героя, который осознает хрупкость бытия); в-третьих, Яснов организует свои книги как ансамблевые единства. Н. В. Барковская, У. Ю. Верина и Л. Д. Гутрина дают следующее определение этому феномену: «Книга стихов – это сложное концептуальное и архитектурное единство, которое создается, прежде всего, благодаря наличию сквозного метасюжета, развивающегося через взаимодействие тем, образов, лейтмотивов» [Барковская, 2014, с. 28]. Все эти черты присущи книгам, создаваемым Ясновым. Несмотря на обилие текстов, целостность обусловлена авторским отношением, образом лирического героя, а также эмоциональной доминантой. Книга стихов «Я – сам!» представляет собой увлекательное повествование о малыше, познающем мир. Разделы книги всегда строго оформлены: сначала идет предисловие к разделу, а затем – стихотворения. Последний раздел книги «Я иду в школу, или Что такое счастье» собрал стихотворения школьной тематики. Кроме того, он подвел итоги взрослению малыша и переходу его в новое состояние – «ребенок младшего школьного возраста». А что будет дальше – это материал для новой книги стихов, поскольку и сюжет, и образы, и адресат изменятся.

Однако детские книги редко представляют собой сугубо тексты. Читатель, открывая их, видит перед собой еще и иллюстрации. Как важно художнику не разрушить единство, создаваемое поэтом! Эта задача довольно трудная, поскольку, как отмечают исследователи вопросов визуализации поэтического текста Т. С. Симян и А. А. Макарян, «визуализация – это всегда перевод из одной знаковой системы в другую. Ученые даже называют процесс понимания “переводом”» [Симян, 2023, с. 220]. Поэтому художнику необходимо первым делом понять текст, выявить образные доминанты, настроение, пафос, без которых иллюстрации не только будут мертвы, но и сломают книгу.

Вербальный образ, имеющий на странице визуальное воплощение, воздействует на ребенка сильнее, поскольку подключается не только аудиальное восприятие (книги с картинками рассчитаны или на чтение родителя ребенку, или на совместное чтение), но и визуальное. Поскольку малыши нередко испытывают сложности при назывании и определении собственных эмоций или эмоций героев стихотворений, картинка, находящаяся в «диалоге» с текстом, становится прекрасным помощником: «Картинка помогает ребенку лучше понимать слово так же, как в раннем периоде реальный предмет и реальное действие дают возможность осмыслить слово, связать его с предметом, с действием» [Флерица, 2019, с. 33]. Кроме того,

изображение создает определенную культуру эмоций, углубляет и способствует закреплению нового опыта ребенка.

Поэтому теоретики детской литературы к стихам предъявляют серьезные требования: «Прочитанное стихотворение должно усваиваться ребятами без остатка. Не должно быть ничего, что бы воспринималось не сразу из-за неясности содержания или нечеткости формы» [Малишевский]. Отметим такое же ответственное отношение и к иллюстрациям: картинка не должна замыкаться на простой номинации, декорировании: художнику, по мнению Е. Данько, следует дарить ребенку не схемы, а впечатления, эмоции от окружающей его действительности [Данько, 2019]. Исследователь призывает всех служителей искусства к ответственной работе, потому что именно от них зависит богатство духовного мира подрастающего поколения: «Воспитать глаз, непредвзятый, свободный от зрительных привычек, ведущий самостоятельную, активную работу над произведением искусства, – значит преодолеть вредную инерцию» [Данько, 2019, с. 65].

Однако главным принципом в ранней детской литературе все же остается педагогический подход К. Истомина «забавляя, обучай», основанный на полимодальном воздействии на ребенка. Исследователи детской литературы, особенностей ее воздействия четко понимают, что современный мир, в который приходят дети, изменился,

а вместе с ним – и компетенции, которыми нужно овладеть новому поколению [См. Амзаракова, 2011; Асонова, 2019; Лыкова, 2015; Ушакин, 2020]. Умение интерпретировать изображение, связать его с текстом – на первый взгляд, такое простое, – требует от ребенка значительных усилий, а в современном мире работа с визуальным материалом встречается повсеместно. Причем, по мнению Е. Асоновой, эти непростые навыки и умения свойственны детям в большей степени, чем взрослым. К примеру, ребенку гораздо легче удастся представить закадровое действие в комиксе: «Иногда читателю надо “увидеть” между кадрами, то есть понять, чего автор не изобразил, оставив читателю возможность установить причинно-следственную связь между кадрами» [Асонова, 2019, с. 419].

Методы исследования

В статье мы предпримем попытку рассмотреть «механизм» воплощения звучащего слова поэта в визуальный образ, созданный художником или оформителем. Для этого мы прибегнем к литературоведческому анализу поэтического текста, который поможет выявить тематические и образные доминанты стихотворения. Кроме того, для обнаружения звуковых особенностей произведения (фоносемантических констант, звуковых анаграмм, просодии стиха) используется фоносмысловой и ритмико-мелодический анализы.

Результаты исследования

Современный ребенок приходит в мир, отличный от мира его родителей или бабушек с дедушками. В связи с этим поменялись и потребности подрастающего поколения, и компетенции, которыми необходимо овладеть современному человеку. Важнейшая компетенция – восприятие и дешифровка визуального кода. Е. Г. Цветкова акцентирует внимание на том, что в современном мире преобладает информация визуального типа, что актуальной для молодого поколения читателей становится именно визуальная литература: «Повествование в таких жанрах литературы передается при помощи визуального нарратива: текст и изображение находятся в неразрывной связи и взаимно дополняют друг друга» [Цветкова, 2024, с. 51]. Исследователи визуальности в книгах и собственно феномена книг-картинок выделяют следующую главную особенность этого литературного явления – совмещение двух знаковых систем – вербальной и визуальной, – что в свою очередь сближает книжку-картинку, например, с комиксами и графическими романами [См. Барзах, 2010; Данько, 2019; Сергеев, 2019; Флерица, 2019]. Однако ни в коем случае нельзя говорить, что комикс и книга-картинка одно и то же. А. Е. Барзах дает следующее определение комиксу: «Комикс – повествование картинками, “иллюстрируемое”, по необходимости, вспомогательными текста-

ми» [Барзах]. Главное отличие, по мнению исследователя, кроется именно в знаковой доминанте повествования: для комикса – это язык изображений, а для книги-картинки – вербальные средства.

Д. Сергеев дает следующее определение книге-картинке: «Жанр детской литературы, использующий одновременно визуальные и вербальные знаковые системы в процессе смыслопорождения, небольшое количество слов на страницу, возможность параллельного повествования через текст и иллюстрации, особое размещение текста и картинок относительно друг друга, ориентация материала на детский возраст» [Сергеев, 2019, с. 411]. Исходя из определения книги-картинки, можно сделать вывод: *текст и картинка, его сопровождающая, обязательно должны дополнять друг друга, а их взаимодействие будет напоминать взаимовлияние, не только углубляющее смыслы, заложенные как художником, так и поэтом, но и помогающее ребенку в процессе чтения.*

Для доказательства нашей гипотезы мы обратимся к сборнику детских стихотворений Яснова «Я – сам!» (1). Анализируя звуковую сторону поэтического текста, мы будем, прежде всего, рассматривать текстофонемы, определяемые Ю. В. Казариным следующим образом: «Текстофонема – это часть типового аллитеративного звукокомплекса, входящего в ту или иную морфему, лексему или высказыва-

ние, имеющее звукообразный (идеофонный) или анаграмматический характер» [Казарин, 2000, с. 19]. Именно текстофонема, будучи разновидностью социофонемы, воспринимается психологически, эмоционально и эстетически. Звуковая сторона речи крайне важна для художественного текста, поскольку привносит в произведение экстралингвистическую информацию. Так, исследователи И. А. Воронцова С. Б. Барушкова и Е. Е. Петрова отмечают, что фоносемантический компонент играет важную роль: в ирландских сказках, которые являются объектом изучения, встречается игра омофонами, факты звукоимовизма, анаграмматические комплексы и отражение особенностей ирландского варианта английского языка [Воронцова, 2021].

Звуковая сторона речи – на первый взгляд, такая незначительная, выполняющая служебную функцию транслятора содержания – во многом определяет восприятие (художественного) поэтического текста. В совокупности с ритмико-мелодической организацией она оказывает на читателя сильнейшее эмоциональное и эстетическое воздействие. А. Д. Дейкина и Г. Е. Соколова в связи со звуковой стороной речи говорят о благозвучии как непременной составной части коммуникации. Исследователь выделяет следующие компоненты, входящие в данную категорию: «Сочетаемость звуков, эстетика фонетического постро-

ения текста, частота повторения одних и тех же звуков в речи, длина слова» [Дейкина, 2023, с. 239]. Учеными подчеркивается, что внимательное изучение звуковой стороны речи является важным этапом в процессе обучения русскому языку как иностранному. Конечно, в поле нашего внимания находятся дети, однако при изучении своего родного языка каждый ребенок в некотором роде подобен «иностранцу». Поэтому важная и сложная задача стоит и перед всеми участниками образовательного процесса – показать красоту звучащей речи.

Анализ звуковой стороны позволит нам выявить фоносемантическую константу, принимающую участие в выражении общего текстового смысла, с которым работает художник-иллюстратор. Как убедительно показала Е. Ю. Куликова в своем разборе иллюстраций к книге стихов «Отгул», вдумчивая работа иллюстратора, может усилить смыслы, способствуя более глубокому пониманию текста и того поэтического мира, который запечатлен в тексте [Куликова, 2024, с. 423].

Так, в стихотворении Яснова «Бродячий кот» можно выделить следующие аллитеративные комплексы текстофоном: *брдчй, ждт, жлйт, рзгвр, тск, лск, жжт, бдлг, крнс, кскс, брзглв, тмт, тмнй, двр, пврт, смлкйт*. Данные текстофонемы не только способствуют выражению смыслов произведения, но и выполняют функцию музыкально-просодического оформления текста:

*Бродячий кот,
Бродячий кот,
Он за углом кого-то ждёт,
Он на меня глядит в упор
С печалью и тоскою,
Но не желает разговор
Поддерживать со мною.*

*Влез, бедолага, на карниз.
Нелепо звать его «кис-кис!».
Не отзовется он никак
На ласку и на кличку.
Глядит на вас, как на пустяк,
Брезгливо, как на птичку.*

*Уходит в ночь бродячий кот,
Но что-то нас томит и жжёт.
И мы, минувя тёмный двор,
Спешим до поворота,
И наш недавний разговор
Смолкает отчего-то. (32)*

Лирический субъект обращен к коту, стремится к нему. Кот же в свою очередь избегает ребенка, пренебрегает им, что очень тяжело переживается последним. В стихотворении присутствуют 4 потенциально анаграмматических словопотребления: *брод*, *беда*, *вор*, *чу-жой*, – фоносемантическую и мелодическую основу которых составляют текстофонемы *Б, Р, Д, Ч, Ж, Й, В, Т*, реализующие в стихотворении общий текстовый смысл «заброшенности, одиночества». Отчужденность задается на фонетическом уровне звукокомплексом [бр] в лексеме «бродячий», который трансформируется в [бр'] в слове «брезгливый», благодаря

этому звукоподобию кот приобретает в тексте довольно определенную характеристику. Помимо этого, состояние лирического субъекта стихотворения точно так же моделируется не только на лексическом уровне с помощью слов из тематической группы «чувств и ощущений» («печаль», «тоска», «ждёт», «томит», «жжёт»), но и на фонетическом уровне через звукобуквенные соответствия – к примеру, *томит/тёмный, ждёт/жжёт*.

Можно сделать вывод, что фонетический облик стихотворения перекликается с его пафосом, усиливает ощущение одиночества. Даже среди слов, содержащих цветовую семантику: «ночь», «тём-

ный», – будут доминировать чёрный и серый цвета. Соответственно, можно и нужно ожидать картинки, выполненной именно в таких оттенках. Однако художник Ирина Гаврилова (книга сверстана издательством «Лабиринт Пресс») в данной палитре выполняет только кота (он черно-серый, мохнатый, с

разноцветными глазами), а остальная часть страницы выглядит вполне благополучно: белый дом с красной крышей, ярко-зеленая трава, – что, конечно же, мешает маленькому читателю ощутить глубину чувства и переживания лирического героя-ребенка (см. рис. 2).

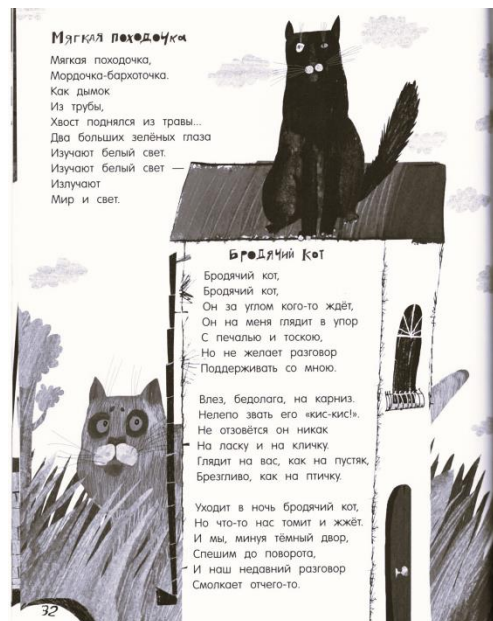

Рис. 2. Яснов. Я – сам! Стихи для детей и родителей. С. 32

Ритмико-мелодическая организация стихотворения также способствует выражению текстовых смыслов. Бодрый 4-стопный ямб регулярно нарушается пиррихиями в 4-й строке, а также меной мужской рифмы на женскую. Это своеобразный акцент на переживаниях человека, смотрящего на кота, – смутно-тревожных. От шестистишия к ше-

стистишию раскрывается история не только встречи кота и ребенка (в 1-й строфе превалирует стоящее в разных формах местоимение «я»), но и ребенка с имплицитным читателем (2-я строфа связана с местоимением «вы»). Третья строфа – максимальное сближение читателя и лирического героя (местоимение «мы»). Кот ни к кому не подойдет.

Ю. А. Нозорин

В иллюстрировании стихотворения «Крапивница-капустница» мы наблюдаем обратную ситуацию: оформление страницы передает в полной мере фоносемантическую доминанту, моделируемую с помощью фонетических средств. Благо-

даря жонглированию комплексами текстофоном *крпвнц*, *пртвнц*, *кпстнц* и *сзнц* Яснов выделяет причину номинации лирическим героем бабочек: одна – союзница, а друга – противница:

*Бабочка-крапивница,
Ты моя противница!
Где ты прячешься весь день –
Там, где солнце
Или тень?*

*Бабочка-капустница,
Ты моя союзница!
Спозаранку
День-деньской
Ты порхаешь надо мной...*

*Я сачок в траве припрятал:
Вот достану –
И тогда...*

*Эй, крапивница, куда ты?
Эй, капустница, куда? (15)*

Дело не только в ассоциациях ребенка (опасная крапива, съедобная капуста), но и в самом звучании слов. Аллитеративные комплексы *слнц*, *д'н'*, *т'н'*, *спзрнк* помогают автору выразить пафос стихотворения – «радость жизни, ежедневных открытий». Кроме того, в тексте встречаются слова с определенной цветовой семантикой: крапивница (черно-оранжевый), день (светлые оттенки, бледно-золотые), тень (приглушенные тона), капустница

(белый с черными крапинками), трава (зеленый).

У стихотворения довольно бодрый и живой ритм: 3-стопный хорей с нерегулярными пиррихиями. Дополнительные паузы, помогающие визуально и ритмически выделить отдельные лексемы, например «солнце» и «спозаранку», создаются с помощью разбивки 3-й и 4-й строк соответственно. К 3-й строфе напряжение нарастает: многоточие маркирует понижение голоса, а отбивка последних строк – драматич-

ный финал всей сцены (бабочки улетели!).

Данное стихотворение визуализировать легче, чем предыдущее, причем Гаврилова вслед за ассоциацией лирического героя на страницу вынесла анаграмму «капуста», но не стала рисовать другую анаграмму «крапива» (см. рис. 3). Страница у

художницы получилась яркой и солнечной – вокруг лирического героя летают не только вполне реалистичные крапивницы, но и «заряженные» золотом капустницы. Рисунки в данном случае не просто изображают, но находятся в прямом диалоге с текстом.

Рисунок 3. Яснов. Я – сам! Стихи для детей и родителей. С. 15

Заключение

Книга-картинка – чрезвычайно сложный жанр, требующий и от автора, и от художника серьезной совместной работы. В малышом возрасте, на который рассчитаны

эти книги, крайне важны картинки, которые помогают ребенку эмоционально пережить прочитанное, лучше понять не только описываемое, но и свои собственные эмоции.

Примечания

- (1) Далее цит. по: [Яснов, 2017] с указанием страниц в тексте статьи

16. Сергеев Д. Что мы читаем? К определению детской книжки-картинки // Детские чтения. 2019. Т. 16, № 2. С. 400–415. DOI 10.31860/2304-5817-2019-2-16-400-415. EDN OTBLZE.
17. Симян Т. С. «Давид Сасунский» Ованеса Туманяна: от текста к визуализации / Т. С. Симян, А. А. Макарян // Детские чтения. 2023. Т. 24, № 2. С. 211–235. DOI 10.31860/2304-5817-2023-2-24-211-235. EDN VCSBXP.
18. Уринова У. С. Художественно-изобразительные средства в языке детской литературы // Academic research in educational sciences. 2024. №1. С. 400–402.
19. Ушакин С. А. В промежутке: формальный метод детской поэзии // Детские чтения. 2020. Т. 18, № 2. С. 9–26. DOI 10.31860/2304-5817-2020-2-18-9-26. EDN ZESQQA.
20. Флерина Е. Картинка в детской книге // Детские чтения. 2019. Т. 16, № 2. С. 33–45. EDN TELNWB.
21. Цветкова Е. Г. Визуальные тексты современной детской литературы в контексте диалога с классикой // Журнал интегративных исследований культуры. 2024. Т. 6, № 1. С. 49–57. DOI 10.33910/2687-1262-2024-6-1-49-57. EDN OESMQR.
22. Яснов М. Д. Полное собрание стихотворений для детей. Санкт-Петербург : Фонд «Дом детской книги», 2016. 576 с.
23. Яснов М. Д. Путешествие в чудетство. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. Москва : ДЕГПИЗ, 2014. 363 с.
24. Яснов М. Д. Я – сам! Стихи для детей и родителей : сборник / [рис. Ирины Гавриловой]. Москва : Лабиринт Пресс, 2017. 126 с.

Reference list

1. Amzarakova I. P. Zvuchashhee slovo v jazykovom mire rebenka = Sounding word in the child's linguistic world // Bestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. № 4. S. 146–152. EDN OWQQOR.
2. Asonova E. Vizual'noe v literature, ili O sovremennom kompetentnom rebenke = The visual in literature, or About a modern competent child // Detskie chtenija. 2019. Т. 16, № 2. S. 416–424. DOI 10.31860/2304-5817-2019-2-16-416-424. EDN IEQTMY.
3. Barzah A. E. O pojetike komiksa = On the poetics of graphic novels. URL: <https://kassandrion.narod.ru/commentary/17/5bar.htm> (data obrashhenija: 19.10.2024).
4. Barkovskaja N. V. Kniga stihov kak teoreticheskaja problema = A book of poems as a theoretical problem / N. V. Barkovskaja, U. Ju. Verina, L. D. Gutrina // Filologicheskij klass. 2014. № 1(35). S. 20–30. EDN RYMDSF.
5. Bekasova N. B. Azbuka kak kljuch k poznaniju mira = The ABC-book as the key to understanding the world // Filologicheskij klass. 2017. № 4(50). S. 44–49. DOI 10.26710/fk17-04-06. EDN KWRRUD.
6. Voroncova I. A. Lingvokul'turnye markery teksta = Linguocultural text markers / I. A. Voroncova, S. B. Barushkova, E. E. Petrova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. № 2(25). S. 170–179. EDN LXBALS.
7. Dadaeva A. I. Fonosemanticheskij i psiholingvisticheskij podhody k osvoeniju russkogo jazyka = Phonosemantic and psycholinguistic approaches to learning the Russian language // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2023. № 4. S. 280–283. EDN WCYCXX.

8. Dan'ko E. Zadachi hudozhestvennogo oformlenija detskoj knigi = The tasks of the artistic design for children's books // Detskie chtenija. 2019. T. 16, № 2. S. 46–68. EDN HDWVPH.
9. De Florio D. Nasha detskaja poezija – fantasticheskoe udovol'stvie. Beseda Mihaila Jasnova i Dzhulii De Florio = Our children's poetry is a fantastic pleasure. A conversation between Mikhail Yasnov and Julia De Florio // Detskie chtenija. 2020. T. 18, № 2. S. 440–447. DOI 10.31860/2304-5817-2020-2-18-440-447. EDN WIQUTR.
10. Dejkina A. D. Jesteticheskoe obuchenie russkomu jazyku kak inostrannomu: fonosemanticheskij podhod k analizu hudozhestvennogo teksta = Aesthetic teaching of Russian as a foreign language: a phonosemantic approach to the literary text analysis / A. D. Dejkina, G. E. Sokolova // Nauka i shkola. 2023. № 3. S. 237–245. DOI 10.31862/1819-463X-2023-3-237-245. EDN OKKAVL.
11. Kazarin Ju. V. Problemy fonosemantiki pojeticheskogo teksta = Problems of phonosemantics in poetic text : Uchebnoe posobie. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 172 s.
12. Kulikova E. Ju. Izobrazitel'nyj rjad v knige stihov Mihaila Shherbakova “otgul” (Shanhaj, 1944) = Illustrations in Mikhail Shcherbakov's book of poetry “Time Off” (Shanghai, 1944) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2024. T. 34, № 2. S. 418–425. DOI 10.35634/2412-9534-2024-34-2-418-425. EDN NCIOFO.
13. Larin I. N. Azbuki i bukvari 1918–1930 gg. kak instrument rasprostraneniya sovetskoj ideologii = ABC books in 1918–1930 as a tool for propagating Soviet ideology // Vremja nauki. 2020. № 2. S. 69–81. EDN VYEOIC.
14. Lykova I. A. Detskaja illjustrirovannaja kniga: ot predmeta kul'tury k proizvedeniju iskusstva = Children's illustrated book: from the cultural object to the work of art // Gumanitarnoe prostranstvo. 2015. T. 4, № 2. S. 121–131. EDN TPHKWL.
15. Malishevskij M. O poezii dlja detej = On poetry for children. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-poezii-dlya-detey> (data obrashhenija: 18.01.2025).
16. Sergeev D. Chto my chitaem? K opredeleniju detskoj knizhki-kartinki = What do we read? Towards defining a children's picture book // Detskie chtenija. 2019. T. 16, № 2. S. 400–415. DOI 10.31860/2304-5817-2019-2-16-400-415. EDN OTBLZE.
17. Simjan T. S. «David Sasunskij» Ovanesa Tumanjana: ot teksta k vizualizacii = “David of Sasun” by Hovhannes Tumanyan: from text to visualization / T. S. Simjan, A. A. Makarjan // Detskie chtenija. 2023. T. 24, № 2. S. 211–235. DOI 10.31860/2304-5817-2023-2-24-211-235. EDN VCSBXP.
18. Urinova U. S. Hudozhestvenno-izobrazitel'nye sredstva v jazyke detskoj literatury = Artistic and visual means in the language of children's literature // Academic research in educational sciences. 2024. №1. S. 400–402.
19. Ushakin S. A. V promezhutke: formal'nyj metod detskoj poezii = In between: the formal method of children's poetry // Detskie chtenija. 2020. T. 18, № 2. S. 9–26. DOI 10.31860/2304-5817-2020-2-18-9-26. EDN ZESQQA.
20. Flerina E. Kartinka v detskoj knige = Pictures in children's books // Detskie chtenija. 2019. T. 16, № 2. S. 33–45. EDN TELNWB.
21. Cvetkova E. G. Vizual'nye teksty sovremennoj detskoj literatury v kontekste dialoga s klassikoj = Visual texts of modern children's literature in the context of dia-

logue with classics // Zhurnal integrativnyh issledovanij kul'tury. 2024. T. 6, № 1. S. 49–57. DOI 10.33910/2687-1262-2024-6-1-49-57. EDN OESMQR.

22. Jasnov M. D. Polnoe sobranie stihotvorenij dlja detej = Complete collection of poems for children. Sankt-Peterburg : Fond “Dom detskoj knigi”, 2016. 576 s.

23. Jasnov M. D. Puteshestvie v chudetstvo. Kniga o detjah, detskoj poezii i detskih pojetah = A journey into wonderchildhood. A book about children, children's poetry and children's poets. Moskva : DETGIZ, 2014. 363 s.

24. Jasnov M. D. Ja – sam! Stihi dlja detej i roditelej = I myself! Poems for children and parents : sbornik / [ris. Iriny Gavrilovoj]. Moskva : Labirint Press, 2017. 126 s.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 24.06.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Научная статья
УДК 008+304.42:32-024
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-151
EDN ZTNSOR

Поморская торговля
как феномен диалога «культуры поля» и «культуры моря»

Регина Алексеевна Пшенко

Аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

pshenkoregina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1353-5800>

Аннотация. Статья посвящена анализу *поморской торговли* как историко-культурного явления, возникшего на границе русской и норвежской культур в ходе совместной экономической деятельности. Исследование рассматривает географические, технологические и политические факторы, способствовавшие взаимодействию населения Подвinya и Беломорья с промышленниками из Северной Норвегии на территории Мурмана (в акватории Баренцева моря у северного побережья Кольского полуострова). Разнообразные географические характеристики создавали симметричную взаимозависимость, а технологические достижения и политические условия способствовали устойчивым контактам носителей «культуры поля» (русскоязычного населения) и «культуры моря» (северных норвежцев). В статье представлен анализ норвежского архивного документа “Opgjørsbog for Pomorer og Russer B” – расчетной книги, фиксирующей сделки между русскими и норвежцами. В ходе личных контактов осуществлялся диалог культур, предполагающий интеграцию в профильной сфере деятельности и разделение в области сакрального, что определяет векторы взаимного притяжения и отталкивания. Этот феномен реализовался в создании нового лингвокультурного пространства, представленного русско-норвежским пиджином Руссенорск. Деловые и личные связи способствовали доверительным отношениям, служили источником культурной диффузии, способствуя заимствованию имен, обычаев и традиций. Однако противоречия между православной и лютеранской духовными традициями оставались важными элементами, определяющими границы культурной самобытности. *Поморская торговля* была примером эволюции культур через взаимодействие и адаптацию – усвоение «своего» и отбрасывание «чужого» по отношению к их генетическому коду. *Поморская торговля* представляла собой не только взаимовыгодное экономическое явление, но была каналом межкультурной коммуникации на основе признания самобытности субъектов этнокультурного диалога.

Ключевые слова: поморская торговля; Северная Норвегия; Север России; Беломорье; культурный диалог; межкультурная коммуникация; культурная диффузия; руссенорск

© Пшенко Р. А., 2025

Для цитирования: Пшенко Р. А. Поморская торговля как феномен диалога «культуры поля» и «культуры моря» // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 151–163. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-151>. <https://elibrary.ru/ZTNSOR>.

Original article

Pomor trade as a phenomenon of dialogue between “culture of the field” and “culture of the sea”

Regina A. Pshenko

Postgraduate student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk
pshenkoregina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1353-5800>

Abstract. The article analyses *pomor trade* as a historical and cultural phenomenon that emerged at the intersection of Russian and Norwegian cultures due to joint economic activities. The study examines geographical, technological, and political factors that facilitated the interaction between the population from “Podvinie” and the White Sea regions and some industrialists from Northern Norway in the Murman area (in the Barents Sea off the northern coast of the Kola Peninsula). Various geographical characteristics created a symmetrical interdependence, while technological advancements and political conditions contributed to stable contacts between the bearers of the “land culture” (Russian-speaking population) and the “sea culture” (Northern Norwegians). The author analyses the Norwegian archival document *Opgjørsbog for Pomorer og Russer B* – a ledger recording transactions between Russians and Norwegians. Personal interactions facilitated a cultural dialogue that involved integration in the secular sphere of activity while maintaining separation in the field of the sacred, shaping the vectors of mutual attraction and repulsion. This phenomenon led to the emergence of a new linguistic and cultural space, represented by the Russian-Norwegian pidgin *Russenorsk*. Business and personal contacts promoted trusting relationships, which served as a source of cultural diffusion, contributing to borrowing names, customs and traditions. However, the contradictions between Orthodox and Lutheran spiritual traditions remained significant factors defining the boundaries of cultural identity. *Pomor trade* exemplified the evolution of cultures through interaction and adaptation – assimilating the “familiar”, while rejecting the “foreign” in relation to their cultural DNA. *Pomor trade* was not only a mutually beneficial economic phenomenon, but also a channel for intercultural communication based on the recognition of the national identity in this ethno-cultural dialogue.

Key words: pomor trade; Northern Norway; Northern Russia; White Sea region; cultural dialogue; intercultural communication; cultural diffusion; *russenorsk*

For citation: Pshenko R. A. Pomor trade as a phenomenon of dialogue between “culture of the field” and “culture of the sea”. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 151–163. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-151>. <https://elibrary.ru/ZTNSOR>.

**Географические
и экономические предпосылки
*поморской торговли***

Эволюционный путь культуры – это умножение своего и отбрасывание чужого: того, что не соответствует генетическому коду взаимодействующих культур. Между тем в силу различных обстоятельств диалог культур может начинаться с факта присутствия одной культуры в другой. Рассмотрим опыт диалога русской культуры («культуры поля») и норвежской культуры («культуры моря») в рамках феномена *поморской торговли*. Поморская торговля – система экономических связей между Севером России и Северной Норвегией. Зарождение *поморской торговли* восходит к XIII в., когда новгородцы в ходе организованных экспедиций выходили в Белое море и в Северный Ледовитый океан вдоль берегов Норвегии [Аристов, 1866; Шаскольский, 1965].

Возникновение *поморской торговли* как уникального социокультурного явления обусловлено географическими, технологическими и политическими факторами. Территория Северной Норвегии с субарктическим – континентально арктическим – климатом не была предназначена для ведения сельского хозяйства, к тому же Северная Норвегия отрезана от южных районов государства горной цепью, что препятствовало транспортному сообщению. Однако берега Северной Норвегии омываются теплым Атлантическим течением с большими

запасами рыбы. Средняя глубина Норвежского моря составляет примерно 1 700 м, тогда как максимальная достигает 3 970 м. Население Северной Норвегии могло рассчитывать только на рыбные ресурсы, а зерно, хлеб и древесина должны были поставляться извне. Вторая сторона коммуникации – население Севера России, а именно побережья Белого моря и Подвинья, обладали другим набором географических условий, которые определяли развитие территории. Белое море – мелкое шельфовое холодное, закрытое ледовым покровом на протяжении 6–7 месяцев ежегодно. Средняя глубина Белого моря составляет примерно 67 м, а абсолютная глубина достигает 343 м. Север России был связан с южными районами государства путем рек и системы волоков, что позволяло беспрепятственно поставлять необходимые товары. К тому же большая часть территорий покрыта лесом, что являлось источником древесины и пушнины. Наличие хороших строительных материалов играло важную роль в развитии судостроения.

В Беломорье было достаточно строевого леса, который использовался для судостроения. Духовным, культурным, военным и хозяйственным центром всего Беломорья со второй половины XV в. становится Спасо-Преображенский мужской монастырь, расположенный на Соловецких островах. Основой монастырского хозяйства были морские промыслы: солеварение, зверобойка (охота на морского зверя) и

рыболовство. Морские промыслы требовали развития судостроения. Монастырские крестьяне и трудники шили лодьи, карбасы, дощанники, кочи и другие суда, предназначенные для перевозки грузов и людей, для промыслов в условиях Белого моря и Северного Ледовитого океана [Загоскин, 1910]. Коч – основное торговое и промысловое судно поморов с закругленным корпусом, усиленное для плавания во льдах. Лодьи были меньшего размера, но более маневренные; они предназначались для плавания в заливах и мелководных реках. В развитии морской судостроительной технологии участвовало все население прибрежных территорий Беломорья. Дощанники были чуть крупнее карбасов, имели большую грузоподъемность. Разнообразие типов судов свидетельствует о широком диапазоне хозяйственных задач, решаемых с их помощью. В Северной Норвегии технологии вылова и заготовки рыбы (главным образом трески) также способствовали усовершенствованию торговых связей с населением Беломорья. Так как *поморская торговля* в основном осуществлялась летом, когда поморы могли беспрепятственно прийти в Норвегию, рыба не могла быть заморожена, и ее сушили. Сушеная треска имела долгий срок хранения и могла использоваться в течение всего года. Вторым распространенным способом приготовления было соление. С помощью соления заготавливались треска, сельдь и палтус. В отдельных случаях использовали копчение, маринование и фермента-

цию. Иногда русские покупали свежую рыбу и солили ее самостоятельно, однако для соления использовали купленную в Норвегии соль, которая была более высокого качества [Шрадер, 2008].

Политические факторы

Важную роль в развитии *поморской торговли* сыграла государственная политика. На первых этапах, когда торговля между населением Севера России и Северной Норвегии не носила регулярный характер, она практически не регламентировалась со стороны государства. Однако с нарастанием темпов торговли, происходили изменения, которые не всегда вели к планомерному развитию. Отношения России и Норвегии имели характер притяжения-отталкивания. В XVII в. поморы пользовались торговыми привилегиями и могли вести свободную торговлю, в том числе с Норвегией. Государство поддерживало развитие портов, в особенности Архангельска, через который шла внешняя торговля. Далее с периодическими ограничениями и послаблениями со стороны России и ответными мерами со стороны Норвегии, *поморская торговля* продолжалась до 1917–1920 гг. Характер отношений отслеживается через законодательные акты и указы со стороны России, касающиеся налогообложения торговли с регионами и другими государствами, а также планами по развитию Архангельска как морского порта. Со стороны Норвегии также существовало большое количество нормативных актов, которые

регламентировали торговую деятельность, налогообложение, а также условия прибывания русских на территории Норвегии.

Наиболее активной фазой русско-норвежской торговли принято считать XVIII–XIX вв., тогда русские суда приходили к берегам Норвегии регулярно. Помимо торговли поморам разрешалось самостоятельно ловить рыбу, однако они могли делать это только за пределами территориальных границ Норвегии (территория Норвегии включала одну морскую милю, что приблизительно равно 7 453 м). Сохранились сведения из записки губернатора Финнмарка – Амтманна Фьельдстеда от 1775 г., что «в области Финнмарк находится большое количество русских судов и промысловиков» [Friis, 1971, p. 268]. Согласно источнику, русские построили 13 жилищ на острове Сёрёйа (от нор. Sørøya), а некоторые из них даже перезимовали там. Также в данной записке указано количество судов, стоящих в Финнмарке, среди которых: «36 на Сёрёйе (от нор. Sørøya), в Хаммерфесте (от нор. Hammerfest) – 15, а в Масёй (от нор. Måsøy) – 63. Еще 19 русских судов стояли на якоре в Кьелвике (от нор. Kjelvik) на острове Магеройя (от нор. Magerøya), 3 – в Кьёлле-фьорде (от нор. Kjøllefjord) и 29 – в Омганге (от нор. Omgang); 79 судов находилось в Вардё (от нор. Vardø), команда каждого судна была 4–5 рыбака» [Friis, 1971, p. 268].

Регулярность контактов в первую очередь обусловлена симметричной созависимостью от по-

морской торговли населения Северной Норвегии и Севера России. Симметричные экономические отношения позволяли сторонам определять относительную обменную стоимость своих товаров, будь то обмен деньгами или бартер. «Симметрия – это отношения симбиоза, когда обе стороны выигрывают, что в следствии улучшает их собственные адаптации» [Thuen, 1993, p. 4]. В случае с меновой торговлей установить относительную обменную стоимость было сложнее. *Во внимание брались несколько условий:*

- вид рыбы;
- количество русских судов, прибывавших за товаром в Норвегию;
- климатические условия конкретного рыболовного сезона;
- субъективный фактор.

Поморская торговля не всегда была бартерной, к концу XIX в. она приобретала черты полноценной торговли, где товар выкупался за деньги [Bratrein, 1992]. Северная Норвегия получила возможность импортировать высококачественную пшеничную муку из южных регионов, что снизило зависимость от российской ржаной муки [Bratrein, 1992]. Это также отразилось и на общем сокращении поморской торговли.

Межличностное взаимодействие

Высокая интенсивность связей Норвегии и России приводила к межкультурному взаимодействию между представителями различных культур: устанавливались довери-

тельные деловые контакты, а также различные формы персональной коммуникации русских и жителей Норвегии [Шрадер, 2020]. С целью подтверждения регулярности контактов нами была проанализирована книга расчетов (от нор. oppgjørsbøk) “Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B”, которая отражает детали коммерческих сделок компании Brodtkorb handler A/S в 1899–1907 с русскими. Компания Brodtkorb handler A/S была основана Андреасом Эбенсенсом Бродткорбом (от нор. Andreas Esbensen Brodtkorb), который получил торговую лицензию в Вардё (от нор. Vardø) в 1829 г. [Brodtkorb Handel A/S, 2020]. Компания специализировалась на торговле рыбой и рыбьим жиром. Одним из направлений деятельности была торговля с русскими. В книге указаны имена шкиперов или тех, с кем осуществлялся обмен, объемы товара, сделан расчет в норвежских кронах и русских рублях. К примеру, о Николае Саматином составлено 9 листов. Указано, что он приходил в 1899 (л.26), 1900 (л.98), 1901 – 2 раза (л. 114, 122), 1902 (л.178), 1904 (л.302), 1905 (л.316) и в 1906 г. (л.364) [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Помимо Николая, также упоминаются Александр, Пётр и Андрей Саматины (л. 18, 52, 75, 80, 131, 182, 306, 331, 364) [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Большинство имен встречается многократно, корабли приходили ежегодно ориентировочно в одно и то же время – с апреля по октябрь, однако наибольшее количество – в июне и июле.

В данной расчетной книге также встречаются имена Федора Сметанина и Андрея Сметанин (л.9, 10, 20) [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Династия Сметаниных известна тем, что они занимались зверобойным промыслом, а также скупали рыбу в Норвегии и продавали в Архангельске. «Отец, Борис Романович (1866–1947) ходил на судах по найму от Сметанина из Сюзьмы. У Сюземского Сметанина были свои суда, дом в Архангельске. Занимались зверобойкой, в Норвегию ходили» (Информант Сметанин М. Б. 1906 г. д. Яреньга)» [Цветкова, Трошина, 1990, л. 40]. «Отец, Мудьюгин Федор Максимович от Сметаниных плавал в Норвегию... с 1898 по 1901 гг. на шхунах “Надежде” и “Держава” <...> матросом» (Информант Н. Ф. Пурнемцева п. Ненокса) [Цветкова, 1990, л. 40]. Сметанины набирали на суда мужчин из деревень южного Беломорья для плаваний в Белом и Баренцевом морях.

Имя Авинира Буркова также зафиксировано в данной расчетной книге “Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B” [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Согласно данным, он упоминается в 1899 и 1900 гг. Известно, что Авинир родом из Патракеевской волости, и в 1889 г. он купил мореходный карбас «для морской промышленности и торговли с Норвегией» [Цветкова, 1990, л. 32].

Тесная и регулярная коммуникация становилась импульсом к созданию доверительных отношений, в значении ведения торговли это означило, что некоторые сделки бы-

ли совершены в долг, подразумевая последующую выплату. К примеру, в этой же расчетной книге есть расписка, написанная шкипером Алексеем Ф. Сопочкиным. Указано: «Остался должен тридцать пять (35 kron). Алексей Ф. Сопочкин. 1901 г. 24 Августа» [Opgjørsbog for Pomorer og Russer B, 1899-1907, p. 159]. Общая торговая операция составляла – 2918.97 крон [Opgjørsbog for Pomorer og Russer B, 1899-1907, p. 157]. Схожая ситуация произошла с крупным норвежским предпринимателем того времени Кристианом Фигеншу (от нор. Christian Figenschou). На расчетном листе запечатлена операция между Кристианом и Дмитрием Антофьевым (шкипером) на сумму 10 763 норвежских крон в 1899 г. Сюда входила рыба из Миккельвика (от нор. Mikkelvik), Торсвога (от нор. Torsvåg), Хельгой (от нор. Helgøy), Вестеролена (от нор. Vesterålen) – нескольких филиалов фирмы Кристиана. 2 200 норвежских крон было оплачено ржаной мукой, зерном и корой, 3 259 крон – наличными, 3 781 банковской операцией (от нор. bankanvisning) и 1 518 крон – кредит [Bratrein, 1992]. Имя Кристиан Фигеншу было широко известно в Северной Норвегии, он был важной фигурой в *поморской торговле*, поэтому его иногда приглашали посредником для осуществления торговых сделок [Bratrein, 1992].

Говоря о доверительных отношениях, стоит упомянуть тот факт, что русским промышленникам раз-

решалось брать в аренду хлебopекарные печи у частных пекарен для приготовления ржаного хлеба в поселениях Хельгой (от нор. Helgøy) и в Торсвог (от нор. Torsvåg) [Bratrein, 1992].

В некоторых случаях из-за чрезмерно активной деятельности поморов на местах пребывания, в норвежских прибрежных поселениях, происходили конфликты. Долгое пребывание вне дома значило, что им приходилось заготавливать продукты и древесину для личных потребностей. Русские промышленники собирали древесину, которая была выброшена на берег или плавала в прибрежных территориях, но из-за того, что и сами норвежцы претендовали на этот ресурс, зарождались конфликтные ситуации. В частности, жители Вардё (от нор. Vardø) и Киберга (от нор. Kiberg) неоднократно жаловались на данную ситуацию губернатору, но он не принимал запрещающих мер ввиду того, что норвежское население часто заходило на сухопутные территории России с целью сбора древесины и лишайников. Запрещающие меры на рыболовную ловлю могли повлечь ответные меры на сбор лишайников и древесины [Wessel-Berg, 1842].

Торговые и промысловые суда поморов

Поморы использовали карбасы с артелью из 3–5 человек; большие лоды; маленькие ранчины; а также шняки (или шнеки) – парусно-гребные судна, по размеру больше, чем карбас, но меньше, чем коч. В 1861 г. встречается последние

упоминание об использовании ранчины, а в 1886 г. последние упоминание о лодье [Bratrein, 1992]. В 1860-х годах произошла трансформация флота, все чаще используются шхуны. Шхуна – быстроходное парусное судно; обычно имела две или более мачты; команда шхуны 8–10 человек. В шхуне несколько кают, кают-компания, камбуз, отделение для груза и другие помещения. Однако географические особенности побережья Северной Норвегии играли роль в распределении потоков ветра и влияли на скорость судов. Зачастую подход к берегам Норвегии занимал много времени. По прибытии к берегу в Торсвог (от нор. Torsvåg) зуйки (подростки, которых отцы брали с собой на промысел или по торговым делам) забирались на гору и сооружали там каменные гурии (небольшие пирамидальные курганы) [Bratrein, 1992].

Во время пребывания в Норвегии поморы жили на своих судах. Иногда происходили деловые или дружеские визиты. Русские приглашали норвежцев в гости, угощали квасом и чаем [Bratrein, 1992]. Сохранилась запись от дочери Кристиана Фигеншу, где она рассказала о таком визите. Она говорила, что были приглашены ее родители, дети (она, братья и сестры) и няня-горничная. По ее воспоминаниям русские были щедрыми и добродушными, «угощали чаем, цукатами, орехами, конфетами, печеньем, вареньем и кренделями» [Bratrein, 1992, p. 125-126]. Судно было хорошо оборудовано, с каютами для проживания экипажа.

Пребывание на борту было долгим. Отцы разговаривали на “russe-norssk” [Bratrein, 1992, p. 125–126].

Язык международного общения

Руссенорск – это русско-норвежский пиджин, который был призван решать проблему общения русских и норвежцев в ходе поморской торговли. Он содержал ограниченное количество лексем: по разным источникам насчитывалось 350–400, но «постоянным ядром» являлось всего около 150 слов [Русинов, 1997]. Первые примеры слов встречаются в судебных книгах Финнмарка от 1785 г. и 1804 г. (от нор. Justisprotokoll for Finnmark, nr. 44 (1785); nr. 48 (1897)) [Цит. по: Брок, 2011, с. 73]. Пиджин – это редуцированный идиом, который возникает в ходе «экстремальной» ситуации, когда необходимо осуществлять коммуникацию, но ранее существующих механизмов для этого нет. Н. Ф. Михеева в своей статье «Методология изучения контактных языков и диалектов» выделяет важнейшее условие появления пиджинов – это «отсутствие двуязычных индивидов, то есть людей, владеющих обеими языками» [Михеева, 2011, с. 11]. Предполагается, что уже к 30-м годам XIX в. Руссенорск развивается до полноценного пиджина. Лексический состав Руссенорска также указывал на симметричность русско-норвежских отношений, он был обусловлен экономической (торговой) и промысловой деятельностью сторон, социальное равноправие которых создает два языка-лексификатора [Jahr, 2005;

Пшенико, 2023]. Таким образом, лексический состав имеет практически равные пропорции заимствованных слов из основных языков русского и норвежского, некоторые лексемы заимствованы из немецкого, английского и прочих языков [Broch, 1927]. В работе Г. П. Блома существует утверждение, что Руссенорск целенаправленно изучался торговцами и промысловиками, а норвежцы или русские, которые специальным образом его не изучали, не имели возможности его понимать [Blom, 1830]. Долгое время Руссенорск существовал как единственная форма общения, но в конце XIX – начале XX в. профессиональным торговцам пиджина становилось недостаточно. Купцы, торгующие с Россией, отправляли туда своих детей для изучения русского языка. Пиджин совершенствовал вербальную форму коммуникации, позволял устанавливать качественные деловые связи, а также содействовал установлению дружеских отношений между представителями разных культур.

Воспоминания Ю. Столсетта, норвежского учителя, свидетельствует о разговоре с поморами на руссенорске и фиксирует момент последней встречи с поморами [Hansen, 1978]. По сведениям, встреча состоялась в 1914 г., когда шкипер Корнов пригласил норвежцев на чай после решения торгового обмена рыбы и муки. Разговор происходил на руссенорске. Встреча была мирной и дружной до того момента пока не принести весть с

другого корабля о начале войны и мобилизации. Поморы попрощались на кладбище с русскими, погибавшими на чужой земле и в Норвегии, которая позднее стала им недоступна [Hansen, 1978].

Диффузия культур

Тесная коммуникация приводила к заимствованию культурных традиций. Например, именование людей было важной частью норвежской и русской культур. Ранее упомянутый купец Кристиан Фигеншу, который сотрудничал с поморами, помимо торговли, имел также и семейные связи с Россией. Его жена – Хансине (нор. Hansine), была внучкой русского шкипера Григория Подоморова [Bratrein, 1992, p. 117]. Они дали русские имена некоторым из своих детей – например Иван – Iwan (1887 г.р.) и Дмитрий – Dmitri (1889 г.р.) [Bratrein, 1992, p. 117].

Пребывание в Норвегии занимало несколько недель, а иногда даже месяцев, поэтому некоторые приезжали со своей семьей – женой и детьми. К примеру, шкипер Антофьев приезжал с семьей [Bratrein, 1992, p. 125]. Совместный досуг также можно рассматривать как вид межкультурного взаимодействия. По выходным промышленники сходили на берег и устраивали танцевальные представления, местная молодежь смотрела, а иногда даже принимала в них участие [Bratrein, 1992, p. 125-126]. Музыка и танцы сближали русских и норвежцев. Были возможны брачные и внебрачные связи между молодыми людьми. В Онежской уезде была

распространена поговорка: «Онега – та же Норвега».

В 1737 г. девушка из поселения Калстет (от нор. Kallslett) была привлечена к ответственности за то, что “avla barn med en russisk person” (родила ребенка от русского человека) [Bratrein, 1992].

Были случаи, когда русские переезжали в Норвегию на постоянное место жительства. Сведения от 1800 г. указывают, что Филипп Русс и Миккель Русс (вероятно, оба русские), проживали в поселениях Квинтес (от нор. Kvitnes) и Ванста (от нор. Vannstua) [Bratrein, 1992, p. 126]. Еще один пример, Иван Гегарин, который жил в Буройсунд (от нор. Burøysund) и в Торсвог (от нор. Torsvåg) в период с 1786 по 1802 года, где женился на норвежке и в браке родился ребенок [Bratrein, 1992, p. 126].

Вследствие долгого пребывания русских судов в Норвегии промышленники погибали. На норвежских лютеранских кладбищах русских не хоронили. С 1864 г. есть сведения о том, что у русских рядом с местным кладбищем было свое небольшое кладбище в Хелгое (от нор. Helgøy). Так же есть сведение о захоронении русского «в открытом поле» в 1897 г. в районе поселения Карлсой (от нор. Karlsøy). Позднее могила была перенесена на русское кладбище [Bratrein, 1992].

В целом норвежцы положительно относились к торговле с русскими, так как это являлось источником важного продукта – муки. Считалось, что даже «небольшая лодка» позволяла реализовать достаточное

количество рыбы, это позволяло обеспечить годовой запас муки. В 1900 г. были высказаны предложения об ограничении торговли с русскими, в связи с чем можно было наблюдать политическое противостояние, даже Кристиан Фигеншу принял участие в общественных дебатах за отстаивание свободы торговли. Таким образом, на парламентских выборах 1900 и 1903 года Поморская торговля была одним из самых обсуждаемых вопросов. Альфред Эриксен использовал данный вопрос в своей предвыборной кампании, когда был выбран в парламент Норвегии от рабочей партии [Bratrein, 1992].

Заключение

Поморская торговля представляла собой не только взаимовыгодное экономическое явление, но также становилась важным каналом межкультурной коммуникации и диалога на основе уважения самобытности каждой из культур. Регулярные симметричные контакты вели к обмену культурными практиками, языковыми формами и социальными традициями. Вербальные и невербальные формы общения становились мостами коммуникации. Персональные (личные) контакты играли значительную роль в развитии поморской торговли, дополняя общую динамику взаимодействия территорий. Индивидуальные связи способствовали культурной диффузии в профанной сфере общения, тогда как сакральная сторона жизни – православие и протестантизм в лютеранской форме – оставалась

Библиографический список

1. Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. Санкт-Петербург : тип. Королева и К°, 1866. 331 с.
2. Брок И. Оценка языка-пиджина руссенорск глазами современного лингвиста // Tromsø : Poljarnyj vestnik, 2011. С. 70–79.
3. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в до-петровской России : историко-географическое исследование. Казань : Лито-Типография, 1910. 502 с.
4. Михеева Н. Ф. Методология изучения контактных языков и диалектов // Разработка единой методики описания и комплексного изучения контактных языков. Москва : РУДН, 2011. С. 4–37.
5. Пшенко Р. А. Коммуникация Севера России и Северной Норвегии: лексические заимствования и влияние на поморский диалект // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2023: сборник материалов конференции. Архангельск : Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2023. Том 1. С. 651–655.
6. Русинов А. Do you speak moja-po-tvoja? // Вся Норвегия на русском: сайт. 1997. URL: http://www.norge.ru/moja_po_tvoja. (дата обращения: 25.02.2025).
7. Цветкова Л. И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. / Л. И. Цветкова, Т. И. Трошина // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. 62 л.
8. Шаскольский И. П. Об одном плавлении древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомина) // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. Москва ; Ленинград : Наука, 1965. С. 7–30.
9. Шрадер Т. А. Взаимовлияние культур русских и норвежцев в период Поморской торговли (XVIII–XIX вв.) // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 141–147.
10. Шрадер Т. А. С торгом в Норвегу: (поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Скандинавские чтения; Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2008. С. 256–273.
11. Blom G. P. Bemærkninger paa en Reise i Nordlandene og igjennem Lapland til Stockholm i Aaret 1827 // Christiania : Tryckt i det Wulfsbergske Bogtrykkerie af R. Hviid og paa hans Forlag, 1830. 159 p.
12. Bratrein H. D. Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo : Gyldendal Norsk Forlag, 1992. P. 117–128.
13. Broch O. Russenorsk // Maal og Minne. 1927. P. 81–130.
14. Brodtkorb Handel A/S // Varanger museum: official website. 2020. URL: https://www.varangermuseum.no/brodtkorb-handel-a-s/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.02.2025).
15. Friis J. A. En Sommer i Finmarken, russisk Lapland og Nordkarelen : skildringer af Land og Folk. Christiania : Cammermeyer, 1871. 390 p.
16. Hansen H. Nordnorske konturer og profiler. Trondheim : Rune, 1978. 194 p.

17. Jahr E. Russenorsk. Language contact in Scandinavia in the 19th century // The Nordic Languages. Vol. 2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2005. P. 1538–1542.
18. Opgjørsbog for Pomorer og Russer B. VAMU/A-0001: Brodtkorb handel A/S, 1899–1907 // Arkivverket : VAMU/A-0001/F/Fd/L0001. 398 p.
19. Thuen T. Two Epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry // Tromsø : Acta Borealia. 1993. №10(2). P. 3–18.
20. Wessel-Berg Fr. Kongelige Rescripter, Resolutioner, og Collegial-Breve for Norge 1660-1813 (1746–1780) // Christiania : Chr. Grøndahl. 1842. Vol. 2. 365 p.

Reference list

1. Aristov N. Ja. Promyshlennost' drevnej Rusi = The industry of ancient Russia. Sankt-Peterburg : tip. Koroleva i K^o, 1866. 331 s.
2. Brok I. Ocenka jazyka-pidzhina russenorsk glazami sovremennogo lingvista = Assessing the pidgin language Russenorsk through the eyes of a modern linguist // Tromsø : Poljarnyj vestnik, 2011. S. 70–79.
3. Zagoskin N. P. Russkie vodnye puti i sudovoe delo v do-petrovskoj Rossii : istoriko-geograficheskoe issledovanie = Russian waterways and shipping in Russia before Peter the Great : a historical and geographical study. Kazan' : Lito-Tipografija, 1910. 502 s.
4. Miheeva N. F. Metodologija izuchenija kontaktnyh jazykov i dialektov = Methodology of learning contact languages and dialects // Razrabotka edinoj metodiki opisanija i kompleksnogo izuchenija kontaktnyh jazykov. Moskva : RUDN, 2011. S. 4–37.
5. Pshenko R. A. Kommunikacija Severa Rossii i Severnoj Norvegii: leksicheskie zaimstvovanija i vlijanie na pomorskij dialekt = Communication between Northern Russia and Northern Norway: lexical borrowings and their influence on the Pomor dialect // Lomonosovskie nauchnye chtenija studentov, aspirantov i molodyh uchenyh – 2023 : bornik materialov konferencii. Arhangel'sk : Sev. (Arktich.) feder. un-t im. M. V. Lomonosova, 2023. Tom 1. S. 651–655.
6. Rusinov A. Do you speak moja-po-tvoja? // Vsja Norvegija na russkom: sajт. 1997. URL: http://www.norge.ru/moja_po_tvoja. (data obrashhenija: 25.02.2025).
7. Cvetkova L. I. Otchet ob jekspedicii na Letnij bereg. 1990 g. = Report on the expedition to the Summer Coast. 1990 / L. I. Cvetkova, T. I. Troshina // Nauchnyj arhiv GBUK AO «Arhangel'skij kraevedcheskij muzej». F. 3. Op. 3. D. 574. 62 l.
8. Shaskol'skij I. P. Ob odnom plavanii drevnerusskih morehodov vokrug Skandinavii (Puteshestvie Grigorija Istomina) = About a voyage of ancient Russian sailors around Scandinavia (Grigory Istomin's voyage) // Puteshestvija i geograficheskie otkrytija v XV–XIX vv. Moskva; Leningrad : Nauka, 1965. S. 7–30.
9. Shrader T. A. Vzaimovlijanie kul'tur russkih i norvezhcev v period Pomorskoj trgovli (XVIII-XIX vv.) = The mutual influence of Russian and Norwegian cultures during the Pomor trade (XVIII-XIX centuries) // Kunstkamera. 2020. № 3 (9). S. 141–147.
10. Shrader T. A. S torgom v Norvegu: (pomorskaja trgovlja kak faktor vzaimovlijanija kul'tur) = With trade to Norway: (Pomor trade as a factor of cultural interaction) // Skandinavskie chtenija; Sankt-Peterburg : MAJe RAN, 2008. S. 256–273.
11. Blom G. P. Bemærkninger paa en Reise i Nordlandene og igjennem Lapland til Stockholm i Aaret 1827 // Christiania : Tryckt i det Wulfsbergske Bogtrykkerie af R. Hviid og paa hans Forlag, 1830. 159 p.

12. Bratrein H. D. Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo : Gyldendal Norsk Forlag. 1992. P. 117–128.
13. Broch O. Russenorsk // Maal og Minne. 1927. P. 81–130.
14. Brodtkorb Handel A/S // Varanger museum: official website. 2020. URL: https://www.varangermuseum.no/brodtkorb-handel-a-s/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.02.2025).
15. Friis J. A. En Sommer i Finmarken, russisk Lapland og Nordkarelen : skildringer af Land og Folk. Christiania : Cammermeyer, 1871. 390 p.
16. Hansen H. Nordnorske konturer og profiler. Trondheim : Rune, 1978. 194 p.
17. Jahr E. Russenorsk. Language contact in Scandinavia in the 19th century // The Nordic Languages. Vol. 2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2005. P. 1538-1542.
18. Opgjørsbog for Pomorer og Russer B. VAMU/A-0001: Brodtkorb handel A/S, 1899-1907 // Arkivverket : VAMU/A-0001/F/Fd/L0001. 398 p.
19. Thuen T. Two Epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry // Tromsø : Acta Borealia. 1993. №10(2). P. 3–18.
20. Wessel-Berg Fr. Kongelige Rescripter, Resolutioner, og Collegial-Breve for Norge 1660-1813 (1746–1780) // Christiania : Chr. Grøndahl. 1842. Vol. 2. 365 p.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 22.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.
The article was submitted on 23.06.2025; approved after reviewing 22.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2025 – № 3 (25)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 20,5 п. л., 10,2 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 129. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 22.09.2025

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150066, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150066, г. Ярославль, Которосльская наб., 44